

Ева Рёдлер

МАГИЯ
ВРЕМЕН

Золотой мост

Продолжение бестселлера «Волшебная гондола»

Annotation

Прошло полтора года с тех пор, как Анна стала стражем времени, и теперь у нее дел невпроворот. Сначала нужно отправиться в прошлое, чтобы вытащить Казанову из передраги, потом вернуться в свой мир и подготовиться к выпускным экзаменам. Совсем скоро окончание школы, а это значит, что Анна сможет снова поехать в Венецию и провести лето с Себастьяно.

Но пришли тревожные новости от хранителей времени: Себастьяно в далеком прошлом, он пропал в Париже. Что же с ним произошло? Анна решает найти своего возлюбленного. Ведь в опасности не только Себастьяно – под угрозой будущие исторические события.

- [Ева Фёллер](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 -
 - [День первый](#)
 - [Часть вторая](#)
 -
 - [День второй](#)
 - [День третий](#)
 - [Часть третья](#)
 - [День четвертый](#)
 - [День пятый](#)
 - [День шестой](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [День седьмой](#)
 - [День восьмой](#)
 - [День десятый](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Ева Фёллер

Золотой мост

Посвящается Пиа и Норе

*Если потеряешься,
осмотришься вокруг – и найдешь меня,
всегда...*

Синди Лонер

Eva Völler
Die goldene Brücke

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2013 by Eva Völler

© О. Полещук, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

* * *

Часть первая

Венеция, 1756 год

Господи, как же высоко! Я с ужасом вглядывалась в бездну. И снизу-то казалось, что крыша очень далеко, а теперь, стоя на ней и глядя вниз, я ощущала себя, как на краю скалы Гранд-Каньона. Не говоря уже о том, что крыша была покатая – стоит зазеваться, и соскользнешь. Далеко внизу, в воде канала мерцал лунный свет. Гондолы в темноте было не разглядеть, но я знала, что она там – транспорт для нашего побега.

– Как думаешь, тут ведь больше тридцати метров? – жалобно спросила я. По ощущениям было действительно очень высоко.

– Ерунда, – сказал Себастьяно. – Ты ведь спокойно забралась сюда и точно так же спокойно сможешь спуститься. Не выпендривайся. Ты же такая храбрая.

Легко ему говорить, он высоты не боится.

– Ага, вот она. – Себастьяно сдвинул то, что прикрывало дыру в крыше, и обернулся ко мне. В свете маленького фонаря вид у него был более чем залихватский. И грозный – с оружием за поясом.

– Хватит пялиться вниз. Нам пора. – Нагнувшись, он осторожно заглянул внутрь. Дыру в крыше любезно проделал узник, которого мы этой ночью собирались освободить. К сожалению, это ему мало помогло. По крайней мере – в неисправленном прошлом. Ведь там он упал с крыши и сломал себе шею. О чем он, конечно, пока не догадывался, потому что ничего еще не случилось. Нам с Себастьяно предстояло позаботиться о том, чтобы при второй – и окончательной – попытке все прошло более удачно.

– Мессир, вы не спите? – приглушенно окликнул Себастьяно кого-то внизу.

Внутри послышалась возня, затем в ответ раздалось недоверчивое: «Кто здесь?»

– Ваши спасители, мессир. Позвольте попросить вас обуться и подняться ко мне, чтобы мы переправили вас в безопасное место.

Из-за плеча Себастьяно я смогла рассмотреть крошечную каморку, такую низкую, что там едва ли можно было стоять в полный рост. Свинцовая тюрьма – так называли эти камеры прямо под крышей

венецианского Дворца дожей, обшитой листовым свинцом. Летом заключенные изнемогали в них от убийственной жары, как в раскаленной духовке, а зимой мучились от жуткого холода, словно их сунули в морозилку. Тех, кто выказывал недовольство, ждала незавидная участь, ведь камера пыток находилась буквально в двух шагах. В настоящем времени я однажды побывала на экскурсии в этом музее ужасов. С потолка по-прежнему свисала веревка, на которой строптивых узников подвешивали за связанные за спиной руки и держали так, пока те не признавались в преступлениях, не важно, совершили они их или нет. Для *Amnesty international*^[1] здесь нашлось бы чем заняться.

– Кто вы, черт побери? – В вопросе звучало недоверие. Ясное дело. Он несколько недель кропотливо работал, чтобы проделать в крыше дыру, и сегодня ночью после смены караула собирался дать деру. Внезапное появление на его пути незнакомцев не могло не показаться ему подозрительным. Если бы он знал, что эти незнакомцы, кроме всего прочего, путешествуют во времени и попали сюда из 2011 года, он бы наверняка к ним вообще не вышел.

В отверстии появилась темная фигура, и наружу высунулась взлохмаченная голова. Мое сердце забилося сильнее. Этот человек классно выглядел, даже обросший черной бородой. Не то чтобы прямо как Хит Леджер, но все-таки очень мужественно. Приятное, пусть и бледное от бессонной ночи лицо, широкие плечи, которые он как раз протиснул наружу.

– Наши имена вам ничего не скажут, но поверьте, что мы – ваши друзья. – Себастьяно помог узнику выбраться на крышу.

Тот отряхнул одежду и стоял, глядя на усеянное звездами небо и вдыхая ночной воздух полной грудью. Потом он взглянул на меня, и глаза его расширились от удивления.

– Клянусь честью! Вы не юноша! Вашим одеянием меня не провести!

– Ну да, – поправив шапку, я заткнула под нее выбившуюся прядь. – Длинная юбка не очень-то удобна на такой высоте.

– Я же говорил, что брюки тебя слишком обтягивают, – сдерживая злость, заметил Себастьяно.

– Я не виновата. Это ты мне их дал!

– Ты растолстела?

– Ты что, находишь меня жирной? – возмутилась я в ответ.

– Разрешите представиться, – вмешался пленник. – Джакомо Казанова.

Он склонился в галантном поклоне и, взяв мою руку, поцеловал ее:

– Какая красивая барышня, право! Счастье созерцать вас согревает мое

сердце! Надеюсь, вы простите мой внешний вид и этот ужасный запах, исходящий от моего тела.

– Да, а теперь нам пора, пока никто не свалился и не сломал себе шею, – пробурчал Себастьяно явно в плохом настроении.

– С превеликим удовольствием! – Джакомо Казанова смотрел на меня сияющими глазами, и я сияла в ответ. В замызганной рубашке, с растрепанными волосами, он выглядел довольно неопрятно, но все-таки именно его играл Хит Леджер в одном из моих любимых фильмов. А теперь он стоял передо мной, самый что ни на есть настоящий! Такие минуты составляли главную прелесть этой работы во время каникул!

Себастьяно стал осторожно подниматься по скату крыши, прикрывая фонарь краем камзола и время от времени опираясь о крышу рукой. Скат был не слишком крутым, но приходилось все же проявлять осторожность, потому что в некоторых местах подошвы скользили по кровле. Казанова шел за Себастьяно, постоянно оборачиваясь на меня. В его улыбке было что-то победное и многообещающее. Этот человек – определенно прирожденный сердцеед, и все, что о нем говорили, – правда. Впрочем, просидев больше года в заточении, он, пожалуй, просто соскучился по женскому обществу. Вероятно, он стал бы заигрывать даже со старухой-нищенкой, обитавшей внизу на Пьяцетте^[2] и стрелявшей мелочь у прохожих. И все же разгуливать с ним ночью по крышам Венеции было волнующим приключением. Такое не каждый день случается, и я наверняка еще долго буду об этом вспоминать.

Мы перелезли через конек крыши, отсюда нужно было спускаться в сторону Кампанилы^[3]. Медленно и осторожно мы шаг за шагом двигались вниз по пологому скату.

Казанова опять посмотрел на меня через плечо:

– Как ваше имя, красавица?

– Анна, – машинально ответила я.

Себастьяно чертыхнулся, потому что Казанова натолкнулся на него. Он едва успел его удержать, иначе бы тот сорвался вниз.

– Думайте лучше о собственной шее, чем о всяких красавицах, – раздраженно проворчал Себастьяно.

– Эх, но та красавица, что сейчас рядом, необыкновенно обворожительна! – возразил Казанова. – Она стоит того, чтобы думать о ней каждую секунду!

Я чувствовала себя польщенной, а вот настроение Себастьяно постепенно приближалось к критической точке.

– Это ваша возлюбленная? – вежливо поинтересовался Казанова. Себастьяно ничего ему не ответил. Наше путешествие по крыше подошло к концу. Мы добрались до окна, через которое при помощи веревочной лестницы пролезли в начале нашей спасательной операции. Себастьяно забрался внутрь первым, потом помог мне, а затем Казанова. В комнате уже ждал подкупленный Себастьяно косоглазый охранник, от которого жутко несло луком.

– Лоренцо, – в гневе напустился на него Казанова, – откуда такая переменчивость в решениях? Разве я не умолял тебя тысячу раз помочь мне выбраться из этой крысиной норы? Так отчего ж ты идешь на это для каких-то чужаков, а не для меня?

Объяснялось все очень просто. Лоренцо, конечно, не светоч разума, но определять, где много золота, а где нет, ему ума хватало. В следующую секунду это понял и Казанова, потому что медленно кивнул, сверля Себастьяно взглядом, полным бесчисленных вопросов. Самый важный он задал в первую очередь.

– Почему я? – потребовал он ответа от Себастьяно. Тот упорно молчал, и тогда он обернулся ко мне: – Почему из всех узников вы освободили именно меня, Анна?

Потому что ты классный и классные книжки написал и потому что твоя жизнь – одно сплошное приключение! Поэтому мы пришли из будущего и вытащили тебя из тюрьмы, чтобы ты смог стать таким знаменитым, каким будешь в нашем времени!

Но ничего такого я ему, разумеется, сказать не могла. Срабатывала некая автоматическая блокировка. Никто из путешественников во времени не мог сообщать людям прошлого никаких сведений о будущем. Даже если бы очень хотел – ничего бы не вышло.

Кроме того, Казанова все равно не поверил бы ни одному нашему слову. Любой разумный человек посчитал бы нас сумасшедшими, если бы мы поведали ему, что работаем охранниками времени, именуемыми *Стражами*, и что наши таинственные работодатели называют себя *Хранителями*, или попросту *Старейшинами*. Ведь до того, как полтора года назад я присоединилась к этой команде, я и сама посчитала бы все это сущей нелепицей. И очень хорошо, что блокировка не позволяла нам об этом говорить.

– А теперь вперед, – скомандовал Себастьяно.

Он опять пошел первым. Кроме Лоренцо, он подкупил еще и секретаря государственной инквизиции, который позаботился о том, чтобы все двери в этом коридоре оставались незапертыми. В проводнике мы не

нуждались, Себастьяно уже много раз бывал во Дворце дождей в самые разные эпохи. Наш путь лежал вниз по темным переходам, пыльным кабинетам и узким черным лестницам. На третьем этаже было тихо, но на втором мы слышали в коридоре шаги – охрана! Затаив дыхание и вжавшись в стену, мы подождали, пока опять воцарится тишина, а потом помчались дальше, вниз по очередной лестнице. До сих пор все шло нормально, я могла бы голову дать на отсечение – у меня ни разу не зудело в затылке. Этот зуд был моим своеобразным экстрасенсорным даром. Или проклятием, как посмотреть, потому что он всегда появлялся прямо над позвоночником при серьезной опасности. Чем сильнее зудело, тем опаснее была ситуация. Как только это начиналось, требовалось проявлять крайнюю осторожность. Если, конечно, на это еще оставалось время, что, к сожалению, случалось далеко не всегда.

Не успела я об этом подумать, как затылок зачесался.

– Ой-ой-ой, – вырвалось у меня.

– Только вот не говори... – Себастьяно обернулся ко мне, замерев как вкопанный на середине темного коридора первого этажа.

– И все-таки да, к сожалению.

– Черт!

– Что случилось? – послышался за мной приглушенный голос Казановы. Себастьяно, всучив мне фонарь, с металлическим звоном обнажил шпагу. Казанова отпрянул.

– Что, черт по...

– Ш-ш-ш! Ради бога, тише, мессир! – Себастьяно протянул ему шпагу, и Казанова умолк, сбитый с толку.

– Используйте ее только в самом крайнем случае, – прошептал Себастьяно, – но старайтесь обходиться без громких криков, иначе нам тут же придется иметь дело со всеми караульными Сан-Марко.

– Я готов жизнь отдать, защищая эту юную особу! – Казанова склонился ко мне: – Я вовсе не нахожу ваши брюки слишком узкими, – сообщил он мне потихоньку. – Напротив! Они необычайно льстят вашим формам!

– Ну, это уже слишком, – пробормотал Себастьяно. Он бросил на меня тревожный взгляд, а затем, притянув к себе, поцеловал коротко, но со всей страстью. После этого он обратился к Казанове: «Только чтобы прояснить ситуацию. А теперь идем дальше». Держа наготове кинжал, он медленно продвигался вперед. Я знала, что он фантастически владеет холодным оружием, я уже бывала тому свидетелем, но фонарь у меня в руке тем не менее дрожал крупной дрожью. Казанова шел вплотную за мной, вытянув

шпагу сбоку. И тут из-за угла вывернули два стражника. Вообще-то так рано они не должны были появиться, вероятно, они решили сократить обход. Как бы то ни было, эффект неожиданности сработал в нашу пользу. Эти двое едва успели выхватить шпаги. Казанова бросился мимо меня на одного из караульных, а Себастьяно взял на себя второго, в то время как я просто стояла с фонарем, превратившись в сплошной комок нервов. Звон бьющихся друг о друга клинков казался мне оглушительным, и Казанова в пылу сражения тоже вел себя не сказать чтобы очень тихо. Его возгласы долетали, вероятно, до самого моста Риальто.

– Вот! Получи, подлец! Ну, берегись! Сейчас я тебя достану! Ага, есть! – Его шпага попала в цель, но противник только вздрогнул и продолжил драться. Из-за этого шума здесь в любую секунду могла возникнуть дюжина караульных! Я в страхе поглядывала на Себастьяно, с кинжалом наготове обходящего своего противника. Тот бросился на него со шпагой, на что Себастьяно, элегантно отступив в сторону, чисто исполненным приемом дзюдо подбросил его в воздух. Приземление было жестким, шлем, побрякивая, откатился в сторону. Стражник со стоном попытался встать на ноги, но Себастьяно настиг его ударом рукоятки кинжала в висок, и он повалился навзничь, потеряв сознание. Казанова все еще бился со вторым стражником. Вдалеке слышались мужские голоса и грохот сапог по булыжнику. Зуд в затылке усилился.

– Быстрее! – крикнула я.

Себастьяно поспешил на помощь Казанове, ударом сзади сбив стражника с ног и вырубив тем же приемом, что и первого.

– Еще чуть-чуть, и я бы его прикончил! – немного обиженно воскликнул Казанова.

– Поберегите дыхание для побега! – сказал Себастьяно. Забрав у Казановы шпагу, он знаком велел нам следовать за ворота. Мы вышли в бесконечно длинную аркаду на южной стороне дворца. Вдоль мола горели факелы, в свете которых жутковато колебались очертания бесчисленных лодок у причала.

Я потеряла затылок: «Вон они!»

Группа вооруженных людей топала вдоль ряда колонн, приближаясь с пугающей быстротой. Судя по шагам и крикам, их было по меньшей мере четверо или пятеро. В свете факелов виднелись их поднятые копыя.

– Будет лучше, если вы вернете мне шпагу! – в боевом задоре воскликнул Казанова.

– Не сейчас, – Себастьяно привстал на цыпочки. – Вон наша гондола! Времени мало! Идем!

Стражники находились самое большее в дюжине шагов от нас. Себастьяно схватил меня за руку, и мы побежали. Казанове не потребовалось специального приглашения, он проявил достойные уважения спринтерские качества. Гондола выскользнула по каналу Рио ди Палаццо и ждала нас у моста Понте ди Палья. Мы с Себастьяно вскочили в нее одновременно, Казанова последовал за нами. Поднимаясь на борт, он все-таки поскользнулся и одной ногой оказался в воде, но Хосе длинным веслом уже оттолкнулся от причала и с нечеловеческой силой стал грести в сторону чернильно-черной лагуны. Мы не успели далеко отплыть от берега, когда разъяренные преследователи достигли пристани. Один из стражников, сердито вопя, метнул в нас копье, лишь сантиметра на три разминувшееся с моей головой. Краем глаза я видела, как оно пролетело почти у самого уха. Чертыхнувшись, Себастьяно стащил меня вниз, на дно гондолы. Затем прогремел выстрел: один из стражников привел в действие свой пистолет. К счастью, стрелок он был никудышный, пуля просвистела в воздухе высоко над нашими головами. Хосе изо всех сил старался мощными взмахами весла как можно скорее вывести нас из опасной зоны. Мы быстро двигались вперед. Вскоре стражники превратились в нечеткие силуэты, выхваченные из тьмы береговыми факелами, а их крики растаяли вдали.

— Кто вы? — Казанова с любопытством изучал Хосе, стоявшего на корме, который в свете шлюпочного фонаря выглядел действительно впечатляюще. Греб он по-чемпионски, а своей жуткой худобой пробуждал желание срочно подкормить его витаминами. Никто не знал, сколько ему лет. На вид ему можно было дать все шестьдесят или семьдесят, но для путешественника во времени все, конечно, относительно. Особенно для одного из Старейшин. Я бы дала ему несколько тысяч, но Себастьяно считал, что я, как всегда, безмерно преувеличиваю. Сам Хосе никогда не распространялся о своем настоящем возрасте. Только снисходительно подмигивал левым глазом, когда его об этом спрашивали. Правый глаз он прятал под черной повязкой, отчего походил на пирата в летах. На вопрос Казановы он вместо ответа таинственно промолчал, как нередко поступал и со мной, если я проявляла излишнее любопытство.

Казанова на него не обиделся, он слишком радовался вновь обретенной свободе. Сидя рядом со мной, он отжимал насквозь мокрую штанину и оживленно вспоминал последние события.

— Вы видели, как я сокрушил стражника ответным ударом? Он действовал быстро, а я быстрее! Парировать я всегда был мастер. Ха, мастерство не пропьешь! А еще этот болван Лоренцо! Он, конечно, и через

сто лет все будет спрашивать себя, чем же я проковырял дыру в крыше камеры! Мой побег даст пищу для множества домыслов!

Он еще какое-то время продолжал в том же духе. Роль Себастьяно во всей этой истории почти свелась к нулю. Задним числом он стал кем-то вроде ассистента, который случайно болтался на крыше, когда началась заварушка. К сожалению, эти разглагольствования слегка подпортили мое первое, положительное, впечатление о Казанове, он показался мне страшным позером. Но потом я увидела, что его руки, которыми он все еще судорожно отжимал мокрую брючину, дрожат почти так же сильно, как мои. Теперь я заметила, как заключение истощило его физически. Он был слишком худ для своего роста, бросалась в глаза нездоровая бледность кожи, усыпанной блошиными укусами. В книге, которую он написал о своем побеге (или, точнее, напишет через много лет), упоминалось и о крысах. Пятнадцать месяцев в этой жуткой дыре были, вероятно, сущим адом. Всем этим бахвальством он лишь старался скрыть, что находится на пределе сил. И для такого состояния, отдадим ему должное, дрался он невероятно здорово.

Хосе вел гондолу сквозь ночь с интуитивной точностью. Перед нами показалась оконечность острова Джудекка, и мне невольно вспомнился ужасный финал моего первого путешествия во времени в 1499 год. Но на этот раз мы свернули направо, не доплывая до Джудекки, и двинулись вдоль южной стороны Дорсодуро^[4]. И здесь берег неравномерно освещали факелы. Парочка подвыпивших щеголей в шляпах-треуголках, кюлотах и башмаках с пряжками, выйдя из какого-то помпезного палаццо, радостно замахала руками, чтобы поприветствовать нас. Мимо собора тяжело прошагали двое караульных, и Казанова поспешно втянул голову в плечи, не решаясь выпрямиться, пока Хосе не свернул направо в другой канал. Плыть нам оставалось уже недалеко. Как всегда, перед прыжком во времени меня охватило волнение. До сих пор каждый раз все проходило гладко, но я никогда не забывала, что однажды сказал мне Себастьяно в самом начале нашего знакомства. *Случается, что путешественники просто-напросто исчезают.*

И все же я радовалась скорому возвращению в настоящее и карнавалу. Нам оставалось только попрощаться с Казановой. В укромном месте у пересечения с Большим каналом ждала шлюпка с экипажем из двух человек, которая отвезет его на материк. Шлюпка принадлежала одному из них, за эту поездку Себастьяно заплатил ему баснословные деньги. В обязанности второго входило обеспечить Казанову всем необходимым, чтобы тот смог безопасно продолжить путешествие. Он был местным

Посыльным, так назывались помощники Стражей времени. Посыльные жили в соответствующих эпохах и, среди прочего, отвечали за предоставление одежды и жилья. Поэтому их достаточно подробно посвящали во все планы, пусть даже из-за блокировки мы и не могли ничего рассказать им о будущем.

Казанова не верил своему счастью, он все время допытывался, почему мы сделали для него так много.

– Ну, вероятно, у вас есть какой-то знатный покровитель, – наконец предположил раздраженный Себастьяно.

Эта идея неожиданно восхитила Казанову.

– Это Брагадин? – поинтересовался он. – Ну, точно, это он! Я знал: старый друг не бросит меня в беде!

– Лучше бы вам просто забыть о том, что получили помощь от кого-то со стороны, – посоветовал ему Себастьяно.

– О вашем участии я буду молчать как могила, клянусь жизнью! Но скажите только, кто вас послал!

– Сядьте в лодку и отправляйтесь в путь, – предложила я. – Когда-нибудь вы сами выясните, кому обязаны свободой.

«Или не выясните», – с сожалением добавила я про себя, ведь он никогда так об этом и не узнает. Казанова всегда будет пребывать в поисках своего высокого покровителя. Он будет странствовать по всей Европе и заводить знакомства с сиятельными особами при дворах разных королей. Он будет влюбляться, влезать в долги, играть, лгать и мошенничать и войдет в историю как величайший соблазнитель женщин всех времен. А спустя много лет он напишет увлекательную книгу о побеге из Свинцовой тюрьмы. О нас с Себастьяно в этой книге не будет ни строчки, тут Казанова сдержит свое слово. И хорошо, ведь наша работа должна оставаться в тайне.

– Прощайте, друзья мои! – воскликнул Казанова. Себастьяно он удостоил лишь кивка, а со мной никак не мог расстаться. Взяв мою руку, он покрывал ее поцелуями. – Я никогда не забуду вас, прекрасная Анна!

– Вот ни за что не поверю, – со злостью бросил Себастьяно.

– Пора, – напомнил Хосе. Он взглянул на небо. Круг полной луны стоял над высокими крышами. Казанова поднялся на борт шлюпки и помахал нам на прощание. Я махала в ответ до тех пор, пока он не скрылся из виду, а наша гондола тем временем скользила дальше, свернув на Большой канал. По набережной шли люди, и по каналу проплывали своей дорогой немногочисленные гондолы. Мы были не одни, но это не имело значения. Самый крупный и мощный портал в Венеции не только сам был

невидимым, но маскировал и весь процесс перемещения во времени. Нашего перехода никто не заметит. Людей, возможно, удивит, что гондола у нас не черная, как это предписано, а красная. Но спустя мгновение они об этом уже забудут.

– Начинается, – сказал Хосе, когда мы приблизились к набережной, к тому месту, где нам предстояло высадиться на берег. Через двести пятьдесят с лишним лет. Себастьяно крепко обнял меня, а я уже видела, как гондолу все больше охватывает мерцание, похожее на тонкую линию яркого света.

– Этой ночью ты была неотразима, – пробормотал мне на ухо Себастьяно. – Я уже говорил, что с ума по тебе схожу?

– В этом столетии еще нет.

Мерцание уже объяло лодку целиком, воздух словно наэлектризовало. Свет так слепил глаза, что я зажмурилась. По телу распространился жуткий холод. Этого холода я всегда боялась больше всего. Так, должно быть, ощущается приближение смерти. Лодка задрожала, чуть позже ее страшно затрясло, а затем закачало вверх-вниз, как на американских горках. Себастьяно страстно целовал меня, а я вцепилась в него изо всех сил, чтобы не рухнуть в пропасть. Взрыв прогрехотал как обычно, и я в который раз ощутила, будто мое тело разнесло на мириады крошечных осколков и разбросало по всей вселенной. Больше ничего ощущать я была не в состоянии, даже объятия Себастьяно.

А в следующий миг все вокруг поглотила абсолютная тьма.

Венеция, 2011 год

Никто не видел, как из ниоткуда появилась гондола, просто в одно прекрасное мгновение – в ту же секунду, когда закончилось наше путешествие в прошлое, – мы оказались здесь, в эпицентре карнавала ранним вечером. На балконе одного палаццо стояла дама в маске Арлекина и дудела в рожок – то же самое она делала, когда мы уплывали в 1756 год. Мужчина, который только что вооружился фотоаппаратом, все еще снимал своего наряженного львом малыша, бросавшего в воду конфетти. Казалось, мы никуда и не пропадали. Такова уж магия красной гондолы. Время в настоящем как бы останавливается, не важно, сколько ты пробыл в прошлом. На берегу царил та же суeta, что и при нашем отправлении. В этот Жирный вторник, последний день перед началом Великого поста, праздновали повсюду.

Хосе высадил нас у причала, постучал пальцем по тулье шляпы в знак прощанья, перед тем как отчалить и тут же раствориться в кильватере тархтевшего мимо вапоретто^[5]. Никто этого не заметил, кроме нас с Себастьяно.

- Вот мы и дома. – Он обнял и поцеловал меня. – Устроим вечеринку?
- Устроим, – согласилась я.

Но сначала мы заглянули к Джорджио, отцу Себастьяно, который жил неподалеку. Он принял меня восторженно, восхитился нашими аутентичными костюмами и стал убеждать нас отужинать, прежде чем мы окунемся в суету праздника. Тут была и его подруга, несколько чрезмерно накрашенная блондинка по имени Карлотта, засыпавшая нас тысячей вопросов. Себастьяно объяснил, что, к сожалению, у нас нет времени и нам нужно идти. Его мама четыре года назад погибла в результате несчастного случая, но он все еще не мог свыкнуться с тем, что у отца новая пассия. Карлотта надулась из-за того, что мы так быстро уходим, ведь появлялись мы у них не слишком часто. А Джорджио, вовсе не обиженный, сердечно обнял нас на прощание.

- Счастливо по праздновать! – крикнул он нам вслед.
- Будем стараться! – отозвался Себастьяно.

Праздник на Пьяцце был в самом разгаре. Мы увидели разнообразные вариации масок комедии дель арте в самых разных вариациях. И целую кучу Казанов в изящных шелковых камзолах и напудренных париках. Наши собственные, уже порядком перепачканные костюмы, в которых мы на славу позанимались гимнастикой на крыше Дворца дождей и прошли сквозь время, не могли составить конкуренцию этой изысканной роскоши. Мы проталкивались в толпе, попивая просекко из бумажных стаканчиков и любуясь искусно созданными нарядами. Наконец нам надоело, и мы решили провести остаток вечера дома у Себастьяно. Он жил в маленькой квартире рядом с университетом, что было по разным причинам очень удобно: во-первых, я могла приходить к нему и чудесно проводить с ним целые дни в полной безмятежности, а во-вторых, до работы он добирался пешком всего за несколько минут – Себастьяно был научным ассистентом в университете. В основном в архиве. А руководителем его был не кто иной, как Хосе, чье полное имя звучало как Хосе Маринеро де ла Эмбаракасьон. Во всяком случае, так он себя официально именовал. Себастьяно нравилось работать под его руководством. Он вообще любил свою работу, и как Страж времени, и как историк и культуролог. Через год он должен был получить степень магистра. Я не сомневалась, что в профессии у него все пойдет как по маслу. Но как же мне не хватало уверенности в собственном будущем!

Конечно, разумнее всего было бы после окончания школы выбрать профессию, которая как-то совмещалась бы с путешествиями во времени. Теоретически подошла бы археология, но мне она казалась такой же скучной, как и история. Мой папа – известный археолог, и в отпуск он всегда тащил нас с мамой куда-нибудь на раскопки, показывая всевозможные развалины, но пока что мне не попало ничего, что потрясло бы мое воображение.

Я даже подумывала о такой крутизне, как дизайнер одежды со специализацией на истории костюма. Как назло, у нас с модой не было никаких точек пересечения. Я не могла похвастаться ни малейшими способностями в этой области. Они или есть, или их нет. У моей подружки Ванессы такие способности явно были. Марку обуви она определяла с расстояния в тридцать метров и обладала коллекцией модных журналов примерно в тысячу экземпляров. Не важно, что на ней было надето, – в любом из своих нарядов она выглядела как девушка с обложки Cosmopolitan. Я же, наоборот, всегда надевала только то, что в данную минуту лежало в комодке сверху. Себастьяно это совершенно не мешало, я нравилась ему такой, какая есть, по крайней мере он это всегда утверждал. Со временем я ему даже поверила, хотя сначала получалось с трудом.

И вообще наши отношения складывались замечательно уже полтора года. А в ближайшем будущем все должно было стать еще лучше, потому что подходил конец дорогушим перелетам и поездкам на поездах: аттестат почти у меня в кармане, и, когда я его получу, мы сможем жить вместе. Я безумно радовалась, и Себастьяно тоже, но я чувствовала бы себя гораздо лучше, если бы знала, на кого пойти учиться. По-итальянски я говорила теперь вполне сносно, лекции в университете я буду понимать в любом случае – если, конечно, вовремя решу, что это будут за лекции.

– О чем думаешь? – Себастьяно прижал меня к себе и поцеловал в щеку. – Ты сейчас такая серьезная!

Я вздохнула.

– О том, что меня ждет. Учеба и все такое.

– Почему бы не предоставить событиям развиваться самим по себе?

Его беспечности иногда можно было только позавидовать. И мне это в нем нравилось, но конкретную цель иметь все-таки не помешало бы.

– Была бы я хоть в чем-нибудь по-настоящему талантливой!

– Но у тебя есть талант. Ты классно играешь на рояле!

– Брось, это же просто бренчанье. Я имела в виду что-нибудь более полезное. Как у тебя. Или у мамы.

Моя мама была еще более знаменитой, чем папа. Она работала

доцентом на кафедре физики и получила уже целую кучу разных международных премий. Когда-то давно ее выдающиеся умственные способности на долгое время выработали у меня непоколебимую уверенность в том, что я приемыш. Родители всегда утверждали обратное, но я не покупалась на их заверения, пока они в качестве доказательства не вытащили свидетельство о рождении и не увеличили парочку фотографий из родильной палаты. Они ткнули пальцем в мое имя на бирке, привязанной к ручке младенца, но и после этого я время от времени думала, что документы, возможно, поддельные. Особенно когда мне доводилось схлопотать очередную двойку по математике, а случалось такое довольно часто.

– Ну, например, – сказал Себастьяно, – у тебя зудит в затылке. Такого классного дарования больше ни у кого на свете нет.

– Ну да, – в досаде ответила я. – Этим, что ли, прикажешь на жизнь зарабатывать?

Себастьяно лукаво улыбнулся.

– Да найдешь ты еще себе прекрасную профессию. Сдай сначала спокойно все выпускные экзамены, а там посмотрим.

– Лучше не напоминай!

Мы дошли до дома Себастьяно. Он открыл дверь и втянул меня в подъезд, где, прижав к стене, целовал, пока я чуть не задохнулась.

– Срочно требовалось, – тяжело дыша, сказал он.

– Это зачем еще? – спросила я, на подгибающихся ногах поднимаясь по лестнице к его квартире.

– Чтобы переключить твои мысли на другой лад.

Ему это в любом случае удалось. А вечер еще только начался. На остаток дня и последовавшую за ним ночь выпускные экзамены мне стали абсолютно до лампочки.

Франкфурт, 2011 год

Через неделю моя жизнь выглядела совершенно по-другому. Я, ничего не соображая, сидела на экзамене по математике. Сначала я ломала голову над исследованием функции, а формулы выводиться почему-то никак не хотели. Матанализ был моим кошмаром, и в голове все время вертелось имя древнегреческой богини мести – Немезиды, видимо, по созвучию. В теории вероятностей тоже оставалось действовать только наугад. Результаты – а они все-таки были – показались мне странными, но лучше

все равно не выходило. Время от времени мы обменивались полными отчаяния взглядами с Ванессой, которая сидела через три стола справа от меня и билась над теми же проблемами. Ненависть к математике мы разделяли с первых школьных дней, она, можно сказать, стала фундаментом нашей дружбы. Из-за нее мы даже синхронно остались на второй год.

С горем пополам все-таки осилив экзаменационную работу, я сдала ее с дурными предчувствиями. Мы с Ванессой вместе вышли из класса. В коридоре одноклассники обсуждали правильные ответы, и ни один из этих ответов не вызывал ощущения, что мы где-то встречались.

Мне нестерпимо хотелось заткнуть уши.

– Все, валим отсюда, – сказала Ванесса подавленным голосом. – И без того дерьмово. Позвонишь потом?

Я только молча кивнула. Быстро обняв меня на прощание, она пошла к своей машине, а я запрыгнула на велосипед.

Дома меня ждал папа с обедом. «Я специально для тебя приготовил запеканку из лапши, дитя мое». На этой неделе по дому дежурил он, потому что мама улетела на какой-то конгресс в Копенгаген. А папа в промежутках между раскопками читал лекции в университете и по меньшей мере столько же времени проводил дома, очень стараясь в отсутствие мамы хранить домашний очаг. В другой ситуации я бы очень радовалась возможности пообедать с ним вместе и поболтать, но сегодня настроения не было.

– Все так плохо? – сочувственно спросил он. – Что, ни одного задания не сделала?

– Сделала-то я все. Проблема в том, что я понятия не имею, есть ли там хоть один правильный ответ.

– Ну, тогда хоть что-нибудь ты точно решила правильно, – поспешил он утешить меня. – По теории вероятностей.

О вероятностях я ему много чего могла бы порассказать. Но о своих путешествиях во времени говорить родителям я не имела права. Об этом никто ничего не знал, даже Ванесса. Себастьяно внушил мне, что это тайное знание может оказаться для посторонних опасным. Сам он за все годы, что выполнял эту работу, еще ни разу никому ничего не рассказывал.

Чтобы доставить радость папе, я поклевала запеканки. После этого, скрывшись у себя в комнате, я заглянула в Facebook, немного поболтала по телефону с Ванессой и попыталась забыть про математику. Все-таки оба экзамена по профильным курсам – немецкому языку и биологии – прошли блестяще. Теперь все письменные работы я сдала, и для начала можно было

выдохнуть. Больше всего на свете мне хотелось тотчас же опять улететь в Венецию. Если бы только это не было так разорительно! В прошлом году я начала давать уроки игры на фортепиано соседскому малышу и немного на этом зарабатывала, но больше чем на один полет в месяц денег не хватало. И билет нужно было бронировать заранее, иначе он стоил бы намного дороже. Себастьяно, подрабатывающий студент, получал тоже не золотые горы и постоянно мотаться во Франкфурт не мог.

Не успела я испытать острый прилив жалости к себе оттого, что очень хотела бы сейчас оказаться рядом с ним, а он так далеко, как зазвонил мой мобильник. Наверняка это Себастьяно! После каждого экзамена он звонил, чтобы узнать, как дела. Настроение тут же улучшилось. Но номера, высветившегося на экране, я никогда раньше не видела, хотя звонили из Венеции, как я определила по коду. Я поспешно нажала «ответить».

– Анна Берг.

– Анна, – эхом отозвалось в трубке. Голос был очень тихим и каким-то... слабым.

– Кто это? – встревоженно спросила я.

– Хосе. Анна, Себастьяно нужна твоя помощь.

Я с трудом понимала его.

– Что с ним случилось? – крикнула я в испуге. – Где он?

– В Париже.

– В Париже? Что он там делает?

– Он получил задание... сел во времени на мель... плотно застрял...

От ужаса iPhone чуть не выпал у меня из рук.

– В Париже? Но ведь обычно-то он всегда в Венеции!

– Спецоперация, – последовал тихий ответ. Голос Хосе становился все слабее.

– Хосе? Что с тобой? Ты болен? Что мне нужно делать? Скажи, что мне делать!

– Помочь ему.

– Да!!! – завопила я. – С радостью! Мне только нужно знать, где он! То есть, я хочу сказать... когда?! А что случилось с тобой?

– Ранен, нужно отдохнуть. Теперь это... твоя работа. Одна тысяча шестьсот двадцать пятый год.

– Господи! И как же я туда попаду?

– Там кое-кто есть. – Он слабым голосом продиктовал мне номер телефона и имя. Я лихорадочно записала все на руке, потому что в спешке не нашла бумаги.

– Анна... Никому не доверяй. Даже Себастьяно.

– Что? – потрясенно переспросила я.

Но он уже отсоединился. Я тут же перезвонила ему, но линия была занята, а в другой раз включился автоответчик и на итальянском языке сообщил, что абонент недоступен. Потом я набрала номер, который он назвал. Номер принадлежал некому Гастону Леклеру (вообще-то у меня на руке было написано «Гарсон Эклер», лишь позже я выяснила, как правильно пишется имя), но и там ответил только голос автоответчика – по-французски. На этом языке я, как назло, знала всего несколько слов, главным образом на гастрономическую тему, например, *Mon Cherie* или *Ratatouille*.

Времени я больше не теряла. Затолкав в дорожную сумку немного вещей, я нашла в Интернете ближайший рейс в Париж. Он стоил убийственно дорого и полностью опустошил мой банковский счет, но это не имело никакого значения. Теперь оставалось только придумать какую-нибудь подходящую отмазку для папы. По счастью, он сам облегчил мне задачу. Пока я лихорадочно соображала, что ему наплести, он, постучав, вошел в комнату.

– Ты очень огорчишься, если тебе придется провести выходные одной? – поинтересовался он. – Мне бы хотелось съездить к маме, она там скучает. Ты, конечно, можешь поехать вместе со мной. – Тут он увидел мою дорожную сумку. – А, так ты все равно уезжаешь! К Себастьяно? Но ты же только на прошлой неделе ездила туда на карнавал.

Он наморщил лоб.

– Мы разве говорили о том, что ты на этой неделе полетишь опять? Кажется, у меня совершенно вылетело из головы.

– Э-э-э, да. Я хотела его повидать. Но, в качестве исключения, не в Венеции, а в Париже. Там живет... один его друг.

– И у тебя уже есть билет?

– Только что забронировала и распечатала. – С наигранным оживлением я показала на лист бумаги, еще лежавший в принтере. Взяв его, папа стал читать.

– Ого, – сказал он.

– Да, знаю. Очень дорого. Но мне действительно обязательно нужно слетать к Себастьяно! Экзамены были... такие сложные. И я так ужасно скучаю по нему!

– Хорошо, – медленно произнес папа. А затем сделал нечто совершенно в его духе. Придвинув к себе мой раскрытый планшет, он вошел в систему «банк-клиент» и перевел на мой счет деньги за билет.

– Это аванс на окончание школы, – сказал он.

Я с благодарностью бросилась ему на шею. Пора было ехать в аэропорт. Папа подвез меня до вокзала, высадил там и с улыбкой помахал, отъезжая. Я улыбалась ему в ответ, пока он не скрылся из виду, а потом расплакалась. Меня мутило от страха и беспокойства. Я все время держалась, но теперь нервы сдали. Хорошо еще, что я часто летала. Не нужно было контролировать каждый шаг. На скоростном поезде я быстро добралась до аэропорта, регистрацию тоже прошла легко и просто, ведь с собой я прихватила только ручную кладь. Талон на посадку мне выдал автомат. В зоне предполетного досмотра было довольно спокойно. Стоя в очереди, я непрерывно думала о Себастьяно, задавая себе один и тот же вопрос: что же, черт побери, там произошло? И что имел в виду Хосе, сказав, что я не должна доверять Себастьяно? В голове все смешалось, и я не могла собраться с мыслями. Только перед самой посадкой в самолет я немного успокоилась. И поняла, что у меня серьезные проблемы. В Париже я никогда не бывала. Как и в тысяча шестьсот двадцать пятом году. В животе сердито урчала обеденная запеканка. Я в спешке достала iPhone и принялась гуглить.

Париж, 2011 год

Приземлившись в полдевятого в аэропорту Шарль-де-Голль, я тут же вновь попыталась дозвониться до этого Гарсона. Теперь мне повезло больше, он сразу же ответил. Я стояла посреди снующей толпы в зале прибытия, поэтому мне пришлось заткнуть свободное ухо. Для надежности я заговорила с ним по-английски, в надежде, что он меня поймет, но, к моему удивлению, он хорошо говорил по-немецки.

– Меня зовут Гастон Леклер, – сказал он. – Л-е-к-л-е-р, если ты хочешь знать, как это пишется. Добро пожаловать в Париж! Ты, должно быть, Анна. Я ждал твоего звонка.

У него был приятный, немного усталый голос и французский акцент. Я испытала глубочайшее облегчение. Первый барьер взят. Я тут не одна, очевидно, Хосе уже организовал все самое важное. Слава богу!

– Что произошло с Себастьяно? – вырвалось у меня.

– Ох, по телефону и не расскажешь. Чуть позже мы встретимся, и я сообщу тебе все, что знаю.

– Куда мне прийти? – спросила я.

– Ты в Париже ориентируешься?

– К сожалению, очень плохо. Я здесь еще ни разу не была.

– О, так это пробел в образовании! Но теперь-то ты здесь и можешь этот пробел восполнить. К сожалению, мне сейчас никак не выйти, нужно переделать еще кучу дел. Лучше возьми такси. Я забронировал для тебя номер в гостинице «Британик» на бульваре Виктории.

– Это доступно? – спросила я.

– Да, в самом центре. Совсем недалеко от моста Понт-о-Шанж.

– Вообще-то я спросила о цене.

– Ну, в принципе доступно, не больше двухсот.

– За ночь? – в ужасе спросила я.

Гастон рассмеялся.

– Это же Париж, Анна.

– Тогда я лучше поищу какую-нибудь другую гостиницу. Понимаешь, денег у меня не густо.

– Номер уже оплачен. Расходы на перелет и такси я тебе тоже возмещу, у нас тут предусмотрен на такие вещи определенный бюджет.

Я вздохнула с облегчением. «Бюджет» звучит красиво. Милое, успокаивающее французское слово, пусть даже и не из моей жизни. Я не привыкла к тому, чтобы мне возмещали расходы. Когда мы с Себастьяно отправлялись в прошлое, нам выдавали деньги нужной эпохи и соответствующую одежду, но такие удовольствия, как проживание и дорога до пункта отправления, до сих пор всегда были моим личным делом. Может, стоило как-нибудь спросить Хосе насчет небольшого участия в оплате билетов. Что касается льгот для сотрудников, они там, в Венеции, похоже, несколько отстали от времени.

– Возьми в гостинице карту города, – сказал Гастон, – чтобы найти Понт-о-Шанж. Ведь тебе потом нужно именно туда.

– У меня в мобильнике навигатор.

– Личные вещи тебе лучше оставить в гостинице, сумку там, деньги, мобильник и все такое. Ты же знаешь, что с собой ничего из этого брать нельзя. Да и нет никакой гарантии, что при возвращении все это опять окажется при тебе. У меня были как-то дорожные часы фирмы Patek Philippe...

– Значит, переход уже этой ночью? – нервно перебила я.

– Естественно. Мы же не собираемся даром время терять. В половине двенадцатого встречаемся на мосту.

– Погоди, а как мне тебя узнать?

– Я пошлю тебе фотографию на мобильный. Секундочку! – Ненадолго стало тихо, и вскоре я услышала, что пришло сообщение. – А твоя фотография у тебя найдется? – под конец поинтересовался он.

– Секунду. Сейчас получишь. – Я послала ему одну из последних, наше с Себастьяно селфи, где мы смеемся, плотно прижавшись друг к другу головами. При виде этой фотографии у меня перехватило горло. Себастьяно, подумала я, что же с тобой случилось?

– Чудесная фотография, вы оба замечательно получились, – отреагировал Гастон. – Тебе когда-нибудь уже говорили, что ты похожа на Майли Сайрус?

– Да, частенько. – В моем голосе слышались еле скрываемые слезы. – Ну, я поехала. Пока.

– До встречи, Анна!

Выйдя из здания аэропорта, я взяла такси и по дороге рассмотрела фотографию Гастона. Пухляк с волосами песочного цвета. Судя по фотографии, он был примерно ровесником Себастьяно, двадцати двух или двадцати трех лет, со щербинкой между передними зубами, придававшей ему вид симпатичный и лукавый.

По пути я заставила себя побольше почитать в Википедии о времени, куда мне предстояло попасть, ведь нельзя оказаться там в полном неведении. Перед отлетом я предусмотрительно приобрела безлимитный тариф на Интернет во Франции, чтобы с толком использовать каждую минуту до перехода. Набрав в поисковике «Париж 1625 год», я наткнулась на имя д'Артаньян и вспомнила о фильме, который недавно смотрела на DVD. После просмотра я скачала себе электронную версию книги «Три мушкетера» и в самолете прочитала по диагонали несколько глав. Некоторые персонажи теперь снова встретились мне в Википедии. Людовик XIII, кардинал Ришелье. Ага, в фильме его играл Кристоф Вальц, еще не забыла.

Между делом пришла эсэмэска от Ванессы. *Где тебя черти носят?*

Господи, этого только не хватало. Я быстро сочинила подходящий ответ. *Спонтанно встречаемся с С. в Париже. Город любви, ну, ты понимаешь. Папа оплатил билет.*

– Мадемуазель?

Такси остановилось. Мы приехали, а я за все время ни разу даже не взглянула на город. Но ведь уже стемнело, и я бы все равно вряд ли что-нибудь увидела. Водитель требовал с меня ужасающую сумму, после чего в портмоне почти не осталось денег, но я на всякий случай попросила дать квитанцию в надежде, что бюджет Гастона вскоре пополнит мои запасы наличности.

Гостиница оказалась очень милой, с красными маркизами, коваными решетками балконов и растениями в кадках. По краям пешеходной дорожки росли деревья. Дама на стойке регистрации дружелюбно поздоровалась и, закончив с формальностями, выдала мне ключ от номера и карту города. Номер на третьем этаже выходил окнами на улицу. Не особо большой, но чистый и какой-то домашний. Я открыла окно, чтобы впустить свежий воздух. Еще оставалось немного времени, но у меня не получалось сосредоточиться ни на Википедии, ни на «Трех мушкетерах». Вместо этого я изучала карту, запоминая близлежащие улицы и расположение моста, где должна была встретиться с Гастоном. Понт-о-Шанж... Я поискала значение названия. В переводе это значило «Мост менял», потому что когда-то там сидели люди, менявшие монеты одного государства на монеты другого. Но так же хорошо это название подходило и для перемены времен. Может, совпадение, а может, и нет.

В раздумьях я стояла у открытого окна. Снизу доносился шум улицы. Гостиница располагалась вблизи Сены, до моста Понт-о-Шанж рукой подать. Кто же откроет нам портал? При этом должен присутствовать кто-то из Старейшин, иначе не сработает. И возвращаешься не обязательно в то же самое место, откуда отправлялся. У каждого ворот свои особенности, некоторые совершенно непредсказуемы и непостоянны. Я уже несколько раз путешествовала в прошлое и возвращалась оттуда, но принцип действия так до конца и не поняла.

И потом есть еще маска, своего рода переносная машина времени. Она дает путешественнику во времени большую власть, потому что делает возможным переход без помощи Старейшин, но в то же время представляет собой опасность, ведь она может перенести тебя в места, которые лучше бы никогда и не видеть. Сейчас моя маска пылилась где-то в реквизите Эсперанцы, одной из Старейшин, которая мне ее когда-то и дала. Я давно уже не встречала Эсперанцу, она приходила и уходила, словно тень, и никогда подолгу не оставалась в одном месте и времени.

Глубоко задумавшись, я потеряла затылок. Потом пришлось потерять сильнее, потому что внезапно я почувствовала зуд. Какой-то человек стоял внизу у дома, глядя прямо на меня! Он натянул на лоб берет, из-за чего лица я как следует разглядеть не могла. Но его внимание, без сомнений, привлекала именно я. Человек был обычного телосложения, без каких-либо особых примет. По возрасту где-то от сорока до шестидесяти, определить

точнее мешал берет, и еще на нем был макинтош. Руки он засунул в карманы. На долю секунды наши взгляды встретились. В следующее мгновение он, отступив назад, скрылся за деревьями. Зуд в затылке исчез, но мне не померещилось. Что-то здесь явно было не так!

Убедившись, что заперла дверь, я попыталась позвонить Хосе, но там опять включился автоответчик. В сильном волнении я взглянула на часы. Вообще-то мне бы еще хотелось принять душ, ведь в прошлом придется обходиться без него. Но воображение перестало меня слушаться. Перед глазами возникла почти физически ощутимая картина. Обнаженная женщина в тесной душевой кабине, повсюду пар. Камера наезжает на шторку, ее отдергивают, и появляется громадный разделочный нож. Нет, сейчас определенно никакого душа.

Вместо этого я решила сейчас же идти к мосту. Буду там, конечно, чуть раньше, зато не опоздаю. Мой багаж и сумочку с портмоне, документами и мобильником я сдала на хранение на стойке администратора. Дежурная любезно приняла вещи. Даже если ей что-то и показалось странным, она никак не проявила своего удивления. Часы на руке я оставила, их потерю в случае чего пережить легко.

Вооруженная картой города, я вышла из гостиницы, повернула сначала направо, потом сразу же налево, какое-то время двигалась прямо и вышла к променаду на набережной, с деревьями и симпатичными кафе. Было свежо и ветрено, но не холодно. Найти мост и ночью оказалось не сложно. Получилось даже слишком быстро, потому что я припустила из опасения, что тот странный тип все еще ошивается поблизости.

Я немного прошла вдоль Сены, и следующий мост был как раз Понт-о-Шанж. Уж не знаю, что я там себе представляла – вероятно, что он должен смотреться каким-то более сказочным и древним. Но это был всего лишь самый обычный мост с многополосным движением, с широкими пешеходными дорожками с обеих сторон, а в остальном без каких-то особых признаков. Симпатичными я нашла только старинные фонари. Напротив лежал Сите – по крайней мере, так говорила карта города – вытянутый в длину остров посередине реки с множеством исторических зданий, среди которых, прежде всего, Нотр-Дам.

По мосту шли люди. Навстречу мне, держась за руки, брела пара влюбленных. Когда мы поравнялись, они улыбнулись мне. Их, словно облако, окутывало счастье, и я почувствовала укол в сердце, потому что опять подумала о Себастьяно. Примерно на середине моста на листе картона сидел клошар. В руке он держал бутылку шнапса, и, когда я проходила мимо него, он как раз неслабо отхлебнул из нее. Другой рукой

он протянул ко мне перевернутую шляпу, в которой лежало несколько монет. Остановившись, я порылась в карманах. В куртке еще оставались два евро сдачи, полученные в такси. Они полетели в шляпу. Взять с собой я все равно ничего не могла.

Посмотрев на часы, я заволновалась еще сильнее, хотя пришла слишком рано. Больше всего мучила неизвестность. Если бы только знать, что случилось с Себастьяно!

Клошар, смачно рыгнув, предложил мне глотнуть из своей бутылки, от чего я вежливо отказалась, и он, устроившись на листе картона поудобнее, захрапел. Пройдя еще несколько шагов и перегнувшись через перила, я стала смотреть на реку, лениво несущую подо мной темные воды. Стояла и ждала, глубоко погруженная в свои мысли.

Мне на плечо легла чья-то рука. Испуганно вскрикнув, я обернулась.

– Ой, прости, Анна! Ты, должно быть, не слышала, как я подошел. Я Гастон Леклер. Рад тебя видеть!

Улыбаясь, Гастон протянул руку для приветствия. Этот парень выглядел как на снимке: пухлый и со щербинкой между зубами, только чуть более толстощекий и приземистый, чем я думала. Он был упакован в шмотки от Ralph Lauren, – их знала даже я, – а из нагрудного кармана его куртки торчал футляр от солнечных очков с оттиском Ray Ban. Если Гастон мог позволить себе такой шик из бюджета Стражей времени, нам с Себастьяно действительно стоило бы серьезно поговорить с Хосе!

Поздоровавшись, я не стала тратить время на светскую беседу и сразу же выпалила самый важный для меня вопрос:

– Что с Себастьяно?

Гастон скривился.

– Если бы я сам это знал!

– Я думала, ты знаешь! – меня снова охватила паника.

– Ну, в общем, с ним все в порядке, если ты тревожишься об этом.

Я вздохнула с облегчением. С ним все в порядке! Это главное. Все остальное как-нибудь образуется. И тут же я задала второй по важности вопрос.

– Если он жив и здоров, почему же не возвращается? Портал сломался?

Окна для возврата из прошлого, как правило, настроены на фазы Луны. Обычно нужно ждать новолуния или полнолуния, чтобы, перепрыгивая в будущее, угодить в тот самый момент, из которого отправлялся.

Существовали и другие окна, независимые от фаз Луны. Старейшины

знали их все, хотя большинство порталов находилось в потайных, скрытых от посторонних глаз местах. Однако у них был один недостаток: назад получалось вернуться не в момент отправления, а позднее, потому что время в будущем не останавливалось.

– Нет, портал на мосту исправен, – сказал Гастон. – Я же сам его использовал.

– Так почему же тогда Себастьяно все еще там?

Лицо Гастона приобрело печальное выражение.

– Я боюсь, он сам не хочет назад.

– Что значит – не хочет назад?

– Я дважды посылал ему сообщение с просьбой встретиться в назначенное время у портала. Он не пришел.

– Дважды? – уточнила я в ужасе. – Ты имеешь в виду, что сменилось две фазы Луны? Это что же, он уже на месяц застрял в прошлом?

– Нет, на три, – поправил Гастон.

– Три?! – Я была потрясена. – Как же это могло случиться?

– Послав две записки и не получив ответа, я перед следующей сменой фаз сам пошел к нему и спросил, почему он не пришел, но он просто сделал вид, что со мной не знаком. Хуже того, он заявил, что, если я немедленно не уберусь, он проткнет меня своей шпагой.

– Он так и сказал? – не веря своим ушам, спросила я.

– Слово в слово. Точнее не бывает. Понятия не имею, что с ним там стряслось. Я собирался еще раз попытаться спустя две недели, но у меня не вышло, – он с сожалением пожал плечами. – Понимаешь, экзамены, такое дело.

– Какие экзамены?

– Я еще учусь. На одни эти путешествия во времени не проживешь, и параллельно я изучаю нечто более полезное.

У меня сложилось стойкое ощущение, что он ждет от меня большего интереса к нему лично.

– И что же? – спросила я из вежливости, хотя сама просто лопалась от нетерпения.

– Я изучаю немецкий язык! – Он смотрел на меня сияющими глазами.

– О, здорово! – Я выдавила из себя похвалу, симулируя восхищение, а в душе просто умирала от желания как можно скорее вытянуть из него остальные подробности. – Ты и правда классно говоришь. Почти без акцента. А почему ты решил учить немецкий?

– У меня подруга – немка. Она – любовь всей моей жизни, живет в Берлине. Сдав экзамен, я собираюсь переехать к ней и там искать работу, –

он тяжело вздохнул. – Никто даже представить себе не может, каких денег стоят все эти билеты на самолеты и поезда.

– Еще как может, – рассеянно сказала я, мыслями уже кружа вокруг третьего по важности вопроса. – А что вообще Себастьяно нужно в прошлом Франции?

– Боюсь, это секретная информация.

– Ты серьезно? Мне-то уж можно сказать! В конце концов, я здесь, чтобы вытащить его.

Гастон с сожалением покачал головой.

– Честное слово, я сказал бы тебе, если бы мог. Но я и сам не в курсе. Это одно из тех спецзаданий, когда заранее не знаешь, в чем оно состоит.

Меня как громом поразило. Я тоже уже получала спецзадания. Мое самое первое было как раз таким. Вернуться я могла только после его выполнения. Проблема в том, что я не имела ни малейшего представления, в чем оно заключалось. Лишь с течением времени выяснилось, что мне следовало, выведя из игры нескольких злодеев, спасти жизнь одному видному венецианскому политику. В тот раз я проторчала в прошлом несколько недель! Но случалось кое-что и похуже – например, с Клариссой, знатной девушкой, с которой я познакомилась в 1499 году. Она была родом из времен Великой Французской революции и пять лет зависала служанкой в венецианском прошлом, пока не выполнила свое задание, состоявшее в том, чтобы спасти жизнь мне. Только после этого она могла вернуться в свое время. Но к этому моменту она уже влюбилась в Бартоломео, Посыльного из 1499 года. И тогда она просто осталась и вышла за него замуж.

Мне вдруг вспомнилось, что Хосе упоминал о спецзадании. Если Себастьяно действительно застрял в прошлом, потому что готовился к выполнению какой-то особой задачи, он просто не мог вернуться, даже если бы хотел. Теперь я вспомнила, что Хосе сказал не «вернуть», а «помочь».

Гастон выглядел огорченным.

– Я предлагал ему помощь, а он мне угрожал. Честное слово, так не поступают! Поэтому тебе и нужно с ним поговорить. Ты ведь, в конце концов, его подружка.

– А тебе-то откуда известно?

– От того Старейшины из Венеции. Он позвонил мне и сказал, что я должен переправить тебя к Себастьяно.

– Когда ты в последний раз говорил с Хосе? Мне больше не удастся с ним связаться. Он что-то сказал о ранении, я очень за него волнуюсь.

Гастон пожал плечами:

– Он звонил только один раз. Я его вообще не знаю, но здешний Старейшина посчитал, что все в порядке, вот я и выполняю.

– А кто же этот здешний Старейшина? – спросила я. – Он ведь скоро появится?

– Да он давно уже здесь, – подняв брови, Гастон указал взглядом на храпевшего клошара.

Я поверить не могла. Это Старейшина?

– Никогда бы не догадалась!

– Да уж, лучшей маскировки и не придумаешь, – хитро улыбаясь, подтвердил Гастон.

В этом он однозначно был прав. Маскировка Хосе под тощего одноглазого гондольера вызывала уважение, не уступала ему в гениальности и Эсперанца в роли сморщенной хозяйки мелочной лавки, но переодевание клошаром превосходило все.

Я задалась было вопросом, по-настоящему он храпел или только притворялся, но в ту же минуту увидела, что с другого конца моста к нам идут два человека.

– Ну наконец-то, – сказал Гастон. – Вот и они.

– Кто это?

– Наши американские туристы.

– Туристы? – Я ничего не понимала.

– Да, они отправятся с нами. Они считают меня своим гидом, – он рассмеялся. – Сегодня в программе экскурсия «Ночной Париж».

Туристы оказались разновозрастной парой, это было видно даже на расстоянии. Молодая женщина и дряхлый старик. Он шел, опираясь на трость, и немного приволакивал ногу, а женщина его поддерживала. Когда они подошли ближе, оказалось, что женщина сказочно красива. Стройная, темноволосая, и ноги что надо – будь она чуть повыше, играючи победила бы на отборочном конкурсе в любое модельное агентство. Мужчина был раза в три старше. Ветер немного растрепал его белые как лунь волосы, но в остальном он, как и девушка, выглядел очень элегантно, в дорогом плаще и начищенных до блеска туфлях.

Я обернулась к Гастону. Тот подошел к клошару, поднявшемуся со своей картонки. Они о чем-то пошептались, затем Гастон вернулся ко мне.

– Осторожно, теперь ни слова лишнего. – Он пожимал руки вновь пришедшим, улыбаясь им лучезарной улыбкой. – Мадам! Месье! Рад, что вы пришли! Вы не пожалеете! – Он указал на меня. – Моя ассистентка Анна Берг. Анна, позволь представить тебе мистера Коллистера и его

внучку Мэри из Нью-Йорка.

– Генри, – представился мистер Коллистер. – Прошу вас, просто Генри! Очень рад с вами познакомиться! – Он с дружелюбной улыбкой протянул мне руку. Из-под кустистых седых бровей сверкали живые глаза любителя приключений. Его лицо избородили морщины, и рука, опиравшаяся на трость, слегка подрагивала, но он явно чертовски радовался предстоящей экскурсии. Его внучка Мэри пребывала не в столь хорошем настроении, она выглядела как человек, который чувствует себя сильно не в своей тарелке. Я готова была поспорить, что она только в виде одолжения согласилась сопровождать деда на эту экскурсию. Если бы она знала, что сейчас произойдет, то с криком бросилась бы прочь.

– Что-то не так, мисс Берг? – озабоченно спросил меня мистер Коллистер. Он говорил на изысканном английском, по звучанию скорее британском, чем американском. – Вы кажетесь какой-то... испуганной.

– Нет, – солгала я. – Все в порядке. И все-таки называйте меня, пожалуйста, Анной.

– Только если вы будете называть меня Генри.

– А меня Мэри, – сказала внучка. Навскидку я бы дала ей двадцать с небольшим. Улыбка делала ее еще более красивой. И она ни малейшего представления не имела, что ее ждет. Гастон пренебрежительно назвал Мэри и Генри туристами – в Венеции Стражи времени называли таких людей *Неведающими*. Неведающих отправляли в прошлые столетия, и они оставались там, не видя в этом ничего странного. Дело в том, что в прошлом они находили новую жизнь, но им казалось, что они жили там всегда. Там для них все было готово: дом, родня, друзья, прислуга. Совершенная иллюзия и вместе с тем абсолютная реальность. Для этого требовалось еще, чтобы они полностью исчезли из настоящего. Не только как конкретные люди, физически, но абсолютно и бесповоротно, даже из чьих-то воспоминаний. Так, словно их никогда и не существовало. Именно это казалось мне особенно ужасным. Стоило только об этом подумать, у меня перехватывало дыхание. Человек, которого многие любили, вдруг исчезал, а оставшиеся даже не замечали его отсутствия. Ведь для них его как бы и не было вовсе. Его попросту стирали из этого времени и вставляли в какое-то другое.

Конечно, людей отправляли в прошлое не для того, чтобы над ними поиздеваться, они решали там всякие значительные, важные для будущего задачи.

Например, полгода назад мы с Себастьяно переправили в шестнадцатый век одного молодого физика. Пройдет всего несколько лет, и

он совершит революцию в производстве навигационных приборов, благодаря его открытиям мореплавание шагнет далеко вперед.

Такое сопровождение входило в обязанности Стражей времени, но мне эти поручения казались ужасными. Себастьяно давно считал их рутинной, ему частенько приходилось их выполнять, а я, видимо, никогда не смогу к ним привыкнуть.

У физика были жена и маленькая дочка, обе отправились вместе с ним, хотя их единственная задача состояла в том, чтобы делать его счастливым, просто быть рядом. С одной стороны, я радовалась за него, а с другой, бесконечно сочувствовала, стоило только представить, чего они лишились при переходе. Родителей, друзей – всей их жизни, всех воспоминаний. У малышки никогда не будет Барби, и она никогда не пойдет в кино. Я несколько часов прорыдала после той операции. Она стала для меня последней. Себастьяно с тех пор еще несколько раз переправлял Неведающих, но я на такие задания больше не ходила.

Обо всем этом я невольно подумала теперь, когда передо мной стояли Генри Коллистер и его внучка Мэри. Какая жизнь ожидала их в прошлом? Одному из них – вероятно, Мэри, она ведь еще молода – предстояло совершить что-то важное. Но действительно ли она захотела бы ради этого отдать ту жизнь, которой жила здесь? Вряд ли. Больше всего на свете мне хотелось предупредить ее, но я не могла вымолвить ни слова, и виной тому была не блокировка, а здравый смысл. Никто не мог сказать, что случится, если я вмешаюсь. Может быть, Мэри суждено стать – ну, к примеру – матерью человека, который изобретет средство от оспы или еще что-то подобное, что совершит прорыв в развитии человечества. И своим призывом как можно скорее сматывать с этого моста, пока ее не умыкнули в прошлое, я на корню погублю фундаментальное открытие.

– Вы заказали для нас машину, Гастон? Когда же мы начнем? – Генри огляделся в радостном ожидании.

Клошар – или, точнее, Старейшина – молчал, облокотившись на ограду моста, он явно предпочитал оставаться в тени, как большинство из них.

– Я бы сказал, прямо сейчас и начнем, – предложил Гастон.

Бросив взгляд на вопиюще дорогие часы (видимо, он не особо придерживался своих же собственных правил), он слегка усмехнулся.

– Полночь. Очень кстати!

И это послужило единственным сигналом. Я услышала, как где-то вдали глухо били часы на башне собора, и тут же все вокруг стало заметно меняться. Я видела, как разрастается мерцающая линия, знакомая мне по

венецианским порталам, она становилась шире и ярче, и точно так же, как при прошлых переходах, к ней присоединилась вибрация. В то же время казалось, что весь мост засиял изнутри, он превратился в светящуюся арку, словно сделанную из чистого искрящегося золота. «С ума сойти!» – благоговейно подумала я. Быть может, я хотела произнести это вслух, но голосовые связки словно парализовало, и внутри распространился ледяной холод. Казалось, что золотой мост бесконечно растянулся и уходил в вечность. Я была убеждена, что если бы могла пошевелиться и побежать по нему, то вышла бы на другой конец Вселенной. Но эти чувства прервал мощный взрыв, через мгновение выключивший все мысли и швырнувший меня во вневременную черноту.

Париж, 1625 год

Когда я очнулась, голова у меня раскалывалась. С этим сопутствующим явлением при переходах во времени я пока так и не научилась справляться. Голова болела не всегда, но сейчас – почти невыносимо. Не сумев подавить стон, я попыталась наконец собраться с мыслями.

В следующее мгновение меня обдало омерзительным запахом. Одно это уже доказывало, что я в прошлом. Несло смесью клоаки, рыбы, навоза, тухлых отходов и людей, которым не мешало бы помыться. Это было сочетание всего, что воняет, когда город со стотысячным населением вынужден обходиться без очистных сооружений, холодильных складов, организованного вывоза мусора и, прежде всего, без таких важных достижений цивилизации, как душ и дезодоранты.

Все вокруг покрывала тьма, но не крошечная, я видела отсветы факельных огней и очертания крыш на фоне усеянного звездами неба. Где-то мяукала кошка, и, как сквозь вату, я слышала вблизи голоса.

Я лежала на чем-то твердом, но меня накрыли простыней или каким-то другим тряпьем. Даже не заглядывая под покрывало, я знала, что на мне ничего нет. Это еще одно сопутствующее явление переходов в прошлое – с собой нельзя брать никаких вещей, кроме тех, что в данном конкретном прошлом уже существуют. И причем не теоретически, а на самом деле.

Хосе и Эсперанца держали где-то тайники с историческими костюмами всевозможных эпох, и Себастьяно приносил мне для наших заданий то одно, то другое. Но для этого перехода я не могла воспользоваться тайниками, и, так как Гастон никакими вещами меня не

снабдил, я прибыла, в точности как в моем самом первом путешествии, без малейшего лоскутка ткани на теле.

Обернувшись простыней и придерживая ее, чтобы не соскользнула, я с огромным трудом поднялась. И увидела, что стою в темном переулке. Ставни домов закрыты, кругом ни души. Только кошка, внезапно спрыгнув со стены, зашипела на меня, словно я была каким-то монстром из «Ходячих мертвецов».

Голоса теперь слышались явственней. Казалось, они доносились оттуда, где мерцал свет. Один из голосов принадлежал Гастону. Осторожно заглянув за угол, я испытала громадное облегчение, когда увидела его с факелом в руке. Рядом с ним стоял худой, высокий человек лет двадцати или чуть больше.

– Мадемуазель! – Он склонился передо мной в почтительном поклоне. – Я Филипп. Посыльный этого времени.

Я кивнула.

– Меня зовут Анна, – и обратилась к Гастону: – Похоже, я опять очнулась последней. Что с Генри и Мэри?

– Уже оделись и на пути к дому. Все обстоит наилучшим образом.

– Надо же, как быстро. – Внезапно у меня ком подступил к горлу. – С ними все будет хорошо?

– Расчудесно, – заверил Гастон. – Лучше не придумаешь.

– А какое сегодня число и какого месяца? – Несмотря на позднюю ночь, воздух показался мне достаточно теплым.

– Хм, с точностью до дня не скажу. Филипп?

– Двадцать восьмое июня тысяча шестьсот двадцать пятого года.

– О, – сказала я, – лето. Хорошо хоть, зябнуть не придется. – В прошлом отопительная техника была очень несовершенной, более того, местами ее не существовало вовсе.

Гастон нетерпеливо махнул рукой в мою сторону.

– Одевайся уже, и пойдем отсюда. Филипп, дай ей вещи.

Филипп протянул мне узелок и деликатно отвернулся, давая возможность спокойно одеться. Гастон, тоже повернувшись ко мне спиной, нетерпеливо раскачивался с пятки на носок, пока я спешно проводила ревизию вещей. Нижнее платье, похожее на допотопную ночную рубашку с картинок Вильгельма Буша, и прорезанная с четырех сторон роба, – такие элегантные, как старый мешок из-под картошки. Такое носить отказалась бы даже Золушка. Но о высоких запросах нечего было и думать, гораздо важнее было влезть в одежду быстро и без посторонней помощи. Чтобы надеть действительно шикарное платье со всеми наворотами, в этой эпохе

мне потребовалась бы помощь вышколенной камеристки. По крайней мере все вещи, похоже, были чистыми, хотя верхняя роба на ощупь здорово кололась.

– А где обувь? – спросила я, сбросив с себя простыню и нырнув в длинную рубашку. – Можете уже повернуться.

– Про обувь я забыл, – испуганно сказал Филипп.

– Ничего, – решил Гастон. – Сесиль ей что-нибудь даст.

Я натянула на себя мешковатую верхнюю робу – она и правда адски кусалась, – подвязала ее на талии лежавшей здесь же веревкой и постаралась выглядеть как можно более непринужденно.

– Я же могу взять твои туфли, – сказала я Гастону.

Они смотрелись довольно благородно, как и все его облачение. Видимо, некоторый бюджет выделялся ему и в прошлом. Для него Посыльный припас самые изящные вещи: шелковые чулки, камзол и кюлоты из бархата, кружева на рукавах и ко всему этому стильную шляпу с пером – прямо как для принца из какой-нибудь пьесы Шекспира. Одежда самого Филиппа выглядела значительно скромнее. Его рубашку не украшали кружева, а чулки, как и камзол со штанами, были хлопчатобумажные, пусть и очень добротной выделки. У него было узкое серьезное лицо. Шляпу он в моем присутствии снял. Светлые волосы были заплетены в косичку на затылке.

– Возьмите мои туфли, мадемуазель! – предложил он. – Это ведь моя вина, это я плохо подготовился.

– Филипп работает нашим Посыльным всего второй переход, – вмешался Гастон.

Филипп, казалось, пребывал в состоянии, близком к отчаянию.

– Я безмерно скорблю о своем упущении.

– Да ваши туфли наверняка в два раза больше моих, – сказала я. – Обувь Гастона явно подошла бы больше, но я пока попробую обойтись без нее. А кто такая Сесиль?

– Молодая дама, с которой вы разделите кров этой ночью. Мы сейчас пойдем туда.

– Хочу к Себастьяно, – воспротивилась я. – И немедленно.

Гастон покачал головой.

– Это будет возможно только завтра утром.

– Но...

– Просто поверь мне, – перебил он меня на полуслове. – Если мы сейчас поднимем его из постели, это только привлечет ненужное внимание. А нам следует избегать любого повышенного внимания, тебе это так же

хорошо известно, как и мне.

Оставалось только послушаться, и я побрела следом за ними. Наш путь проходил по темным улочкам, мимо сплошных рядов домов в несколько этажей.

– А где мы сейчас? – спросила я.

– На острове Сите, – ответил Гастон.

Поскольку я все равно там не ориентировалась, эта информация мне мало что дала. Кроме того, возникла другая проблема. Я совершила ошибку, решив идти босиком. Мостовая была выложена неровными булыжниками с острыми краями и завалена самыми разными отходами. Филипп с факелом шел впереди, Гастон за ним. Своей широкой фигурой он закрывал свет, так что я не вполне видела, куда ступаю. Один раз я влезла в кучу раскисшей овощной кожуры, два или три раза – в лужи, о происхождении которых даже думать не хотелось. Потом я наступила на что-то мохнатое, мягкое, дернувшееся под моей ногой. У меня вырвался крик, и я подпрыгнула чуть ли не на метр.

– Хочу идти впереди, – дрожащим голосом заявила я Гастону, обернувшись в нетерпении. После этого дело пошло на лад. Филипп предупредительно освещал мне дорогу, опустив факел пониже. Теперь я по крайней мере могла вовремя огибать все кучи собачьих какашек и конского навоза, трупы (или полутрупы) животных и пищевые отходы. Но минусом в этой ситуации было то, что, кроме булыжной мостовой и разбросанных на каждом шагу препятствий, я не видела практически ничего вокруг.

Спустя некоторое время Филипп остановился и указал факелом на какой-то дом.

– Мы пришли.

– На этом позволю себе откланяться. Желаю спокойной ночи, – сказал Гастон, взяв у Филиппа факел, и спокойно зашагал себе прочь.

– Стой! – испуганно крикнула я ему вслед. – Мы же не обсудили, как действуем дальше! Как я попаду к Себастьяно? Как мы будем возвращаться? – Внезапно мне живо вспомнилось мое первое путешествие в прошлое. Тогда меня тоже спихнули куда-то к чужим людям, и пришлось ждать целую вечность, пока обо мне позаботится кто-нибудь из местной команды Стражей времени.

Но Гастон уже исчез за ближайшим поворотом, и факел вместе с ним. Мы с Филиппом стояли в темноте, я видела лишь его очертания.

– Все уже обсудили, – успокоил он меня, пока я раздумывала, не лучше ли прямо сейчас броситься вдогонку за Гастоном и вынудить его дать какие-то твердые обещания.

– Что – все? – поинтересовалась я, чувствуя себя заложницей обстоятельств. Возможность догнать Гастона была упущена, и я вынуждена была остаться тут и подчиняться существующему плану.

– Я зайду за вами завтра в девятом часу утра и доставлю к Гастону, чтобы он отвел вас к Себастьяно.

– А не могли бы вы прийти чуть пораньше? – спросила я с беспокойством. – Мне ну просто на фиг не сдалось зависать здесь так долго.

Точнее говоря, я сказала: *мне крайне не хотелось бы задерживаться здесь на столь долгое время.*

Поддействовала одна из уловок межгалактического преобразователя – хотя, конечно, система называлась как-то по-другому, как в точности – я не знала и для себя назвала ее так. Выражения, которых в прошлом еще не существовало, просто преобразовывались в какие-то другие слова. В первом путешествии во времени этот феномен меня чуть с ума не свел. Например, я тысячу раз пыталась сказать «iPod», но каждый раз произносила «зеркало», до сих пор не знаю почему. Себастьяно предположил, что iPod сзади немного походит на зеркало, и, возможно, автоматический преобразователь ориентируется на это сходство. Замену некоторых других слов объяснить было проще. Из «фильма» получалось «костюмированное действо», из «машины» – «повозка», из «фрэнда» – «компаньон» и так далее.

Но преобразование работало только в простых случаях. Если же хотелось рассказать о каких-либо важных событиях или достижениях будущего, включалась блокировка. Ты так и стоял с открытым ртом, не в состоянии произнести ни звука, чем производил довольно идиотское впечатление.

Все остальное безупречно переводилось само по себе, хотя ты и не замечал, что говоришь на иностранном языке. Жаль только, что этот славный трюк не срабатывал в настоящей жизни, в некоторых случаях он бы мне очень даже пригодился.

С той стороны, где стоял Филипп, раздался стук – видимо, он к кому-то стучался.

– Сесиль, ты меня слышишь? – приглушенным голосом позвал он. – Пожалуйста, открой! – Мне он сказал с сожалением: «Раньше девяти, к сожалению, не выйдет. У меня еще другие дела».

– Давай говорить друг другу «ты», – предложила я. Такая манера усиливала дружеские чувства и готовность помочь. Хотелось надеяться. – Зови меня просто Анной.

– С радостью, – сказал он. Лица его в темноте было не разглядеть, но в голосе слышалось приятное удивление.

– Ну, может, тебе все-таки удастся прийти чуть раньше.

– Я попробую что-нибудь придумать.

За его спиной загорелся огонь. Открылась одна створка ставен, и в дрожащем свете маленького ночного светильника появилось заспанное лицо, на которое спадали очень светлые, сильно взлохмаченные волосы. Видно было только голову. Вероятно, это и была Сесиль. Судя по всему, она пребывала не в лучшем настроении.

– Сейчас глубокая ночь, – проворчала она. – Ты же знаешь, как поздно я ложусь и как важно для меня выспаться. До утра нельзя подождать?

– Мне очень жаль, что я вынужден тебя побеспокоить, но по-другому никак. Я привел к тебе гостя.

Я находила очень милой манеру Филиппа извиняться чуть ли не на каждом шагу, но настроение Сесиль его извинения не улучшили. Не поднялось оно и после того, как Филипп слегка отступил в сторону, чтобы дать ей как следует разглядеть меня.

– О господи! – сказала она. Это могло означать все что угодно, начиная с *«Кого это он там опять притащил?»* или *«Может, они свалят, если просто захлопнуть ставню!»* до *«Интересно, это мешок или платье?»*

Затем ставни захлопнулись. Значит, вариант номер два.

– Что ж, попытаться все-таки стоило, – из вежливости сказала я Филиппу, который и не думал трогаться с места. – Где нам теперь раздобыть фонарь – вот вопрос.

К моему удивлению, в следующую секунду дверь все же открылась, и теперь я увидела Сесиль в полный рост. Она была почти с Филиппа, но значительно более грузная и одета в ночную рубашку, которая являла взору гораздо больше, чем скрывала. Перед тем как в смущении отвести взгляд, Филипп смотрел на нее чуть дольше, чем следовало бы. Мне нужды отворачиваться не было, в конце концов, девчонкам друг на друга глядеть не запрещено. Кроме того, мне предстояло здесь ночевать, и не замечать Сесиль все равно не представлялось возможным. Ее пышные формы чуть ли не разрывали короткую ночнушку так, что Playboy, если бы он уже существовал, тут же сделал бы ей соответствующее предложение. Не то чтобы она была толстой, просто обладала феноменальными округлостями, и уж точно без грамма силикона. Я была по меньшей мере на голову ниже, поэтому самые выступающие части ее тела волей-неволей первыми бросились мне в глаза (предполагаю, размер 80 Д), но и лицо Сесиль тоже впечатляло. Я смогла как следует разглядеть его, когда она откинула со лба

вздохмаченную гриву и немного приподняла лампу, чтобы, в свою очередь, получше рассмотреть меня. Она напоминала викингшу – простая деревенская красавица с лицом в форме сердца, пепельными волосами и синими глазами, лет двадцати пяти.

Она изучала меня, наморщив лоб.

– Бог мой, это создание ходит босиком? И что это за платье?

– Ее зовут Анна, – сказал Филипп. – Бедная сиротка из деревни.

– И здесь только временно, – добавила я, чтобы не возникло подозрений, будто я намерена навеки сесть ей на шею. – Завтра утром я отправлюсь дальше.

Сесиль покачала головой.

– У нее ужасное платье. Но она не выглядит запущенной, да и откормлена хорошо. – Она явно умела подмечать самую суть. – Сказочку про бедную сиротку можешь рассказать кому-нибудь другому, Филипп.

Мне вспомнилось, что Бартоломео – венецианский Посыльный в 1499 году – при моем первом появлении в прошлом собирался одурачить тогдашнюю хозяйку точно такими же враками о моем происхождении. Видимо, все вымышленные на такой случай биографии были одинаковыми. Прежде всего одинаково тупыми.

Тут я посчитала уместным вмешаться.

– Вообще-то мои родители живы, – сказала я. И тут же подумала, что это совсем не так, ведь они еще даже не родились. К горлу подступил комок. Мне ни в коем случае нельзя было на этом сосредотачиваться, и я вяло закруглилась: – Но они очень, очень далеко. Именно поэтому у меня и нет здесь своего дома. Мне нужно совсем немного. Ну, например, что касается завтрака или чего-то такого...

– Сперва пройди в дом, бедняжка, – она открыла дверь чуть шире и отступила в сторону, пропуская меня.

– Я приду завтра в девять, – сказал Филипп.

– А может, даже и раньше, – вставила словечко я.

– Не найдется ли у тебя еще одного ночника, который ты могла бы мне одолжить? – спросил он. Что-то пробурчав, Сесиль скрылась за дверью и спустя минуту появилась со вторым ночным светильником, маленьким стеклянным фонарем, в котором горела какая-то маслянистая жидкость.

– Спасибо большое, – сказал Филипп. – Завтра утром я его верну.

– Смотри не забудь! Он у меня последний.

– Не беспокойся! Не забуду. Спокойной ночи, дамы. – Вежливо поклонившись, Филипп, прежде чем уйти, рискнул украдкой бросить последний взгляд на пышное декольте Сесиль.

Мне подумалось, что оба они, очень возможно, еще застанут появление уличных фонарей. В Википедии я вычитала, что Людовик XIV в 1667 году приказал по ночам освещать улицы масляными лампами. Но до той поры им все-таки придется пользоваться собственными светильниками. Я им искренне сочувствовала. Если с детства привык к тому, что достаточно нажать на нужный выключатель и станет светло, ночной мрак может порой нагнать страху.

– Иди за мной, – сказала Сесиль. Она прошла вперед, и я тут же запнулась о порог, потому что свет от лампы до пола не доходил.

– Осторожно, не споткнись о мои туфли, – предупредила Сесиль, но я уже грохнулась.

– Ничего страшного, – поднявшись, заверила я, хотя здорово ушибла колено. Сесиль же не виновата – если не говорить о том, сколько всего валялось на деревянных половицах, во всяком случае, там, где я шлепнулась.

Сесиль зажгла вторую свечу от первой и потекшим воском закрепила ее на столике, так что я смогла увидеть немного больше из того, что меня окружало. Комната была довольно низкой, Сесиль едва помещалась там в полный рост, а я вытянутыми руками могла бы дотронуться до потолочных балок.

Почти треть помещения занимала заваленная подушками кровать. У одной стены громоздились сундуки, в углу располагался заставленный керамическими горшочками, флаконами, шкатулками и косметикой столик, перед ним стояла скамеечка с мягкой обивкой. Дополняли обстановку большое зеркало, широкая настенная полка и ширма. По всей свободной поверхности стен были прибиты крючки, на которых висело немыслимое количество одежды. Прочее имущество Сесиль валялось повсюду в диком беспорядке: обувь, сумочки, шляпные коробки, книги и горы исписанных бумаг. Они тотчас пробудили мое любопытство. Люди, умевшие читать и писать, да еще державшие дома книги, в прошлые века встречались не часто. Школьное образование не было обязательным, и только богатые могли позволить себе нанимать хороших учителей. Книги и рукописи в этой довольно убогой обстановке представляли собой неожиданное зрелище.

Сесиль, отпихнув ногой несколько скомканных бумажек, туфлю и – о боже! – мышеловку, стянула с кровати подушку и одеяло и положила их на пол.

– Ты можешь спать тут, малышка.

– Я только выгляжу маленькой. Это обманчивое впечатление. Мне уже

девятнадцать будет.

– Что, правда? – Сесиль, подобрав несколько разлетевшихся листов бумаги, уселась на кровать и посмотрела на меня: – Из какого города ты родом?

– Из Франкфурта. – К моему огромному удивлению, у меня получилось выговорить название, видимо, на эту информацию блокировка не распространялась.

– Это ведь немецкий город, верно?

Я нерешительно кивнула.

– Ах ты, бедняжка! Ведь из самого пекла пришла!

Я уставилась на нее с придурковатым видом, потому что понятия не имела, о чем она говорит. И только поразмыслив немного, я догадалась, что, вероятно, она имеет в виду Тридцатилетнюю войну. В памяти очень смутно всплыло, что эта война, кажется, шла примерно в это время и принесла страшное опустошение, особенно в Германии.

– Да, но, к счастью, мне удалось оттуда вовремя выбраться, – наобум сказала я.

Мой запоздалый ответ, видимо, пробудил в Сесиль подозрительность. В ее следующем вопросе мне почудился оттенок сарказма.

– И как же ты босиком проделала такой дальний путь от Франкфурта до Парижа?

– Ну, сначала обувь была, но по пути я ее, к сожалению, потеряла.

– А кто научил тебя так безупречно говорить на нашем языке, Анна?

– Моя мать – француженка, – заявила я и, чтобы ее отвлечь, сама задала вопрос: – А чем ты вообще занимаешься?

Но отвечать она не стала, а вместо ответа спросила: «Ты любишь театр?»

– Конечно, – сказала я. И ни капли не солгала. У межгалактического преобразователя слово «театр» всегда использовалось для перевода слова «кино», а в кино я ходила постоянно. – Раз или два в месяц хожу обязательно, – продолжила я. – С огромным удовольствием!

– Ой, правда? Как удивительно! – Глаза Сесиль заблестели. Очевидно, этим признанием я с лихвой вернула в ее глазах утраченные позиции. – Я тоже его люблю! Лучше сказать, театр – моя страсть и моя жизнь. Я ведь и работаю в одном из театров.

Я задала вопрос, которого она ждала:

– Ты актриса?

– Да! – гордо ответила она. – А еще драматург. Я сама пишу пьесы и ставлю их.

Вот почему тут были книги и такое количество бумаг.

– Классно! – сказала я с восхищением (вообще-то, если быть точной, я сказала «грандиозно», что, по-видимому, значит одно и то же).

– А какие пьесы ставят в Германии? – поинтересовалась Сесиль. Ее усталость как ветром сдуло, в мгновение ока она оживилась, словно оказалась на вечеринке.

– В последнем месяце я немного переусердствовала, посмотрела аж несколько. Самой последней была «Соq au vin». Вообще-то я произнесла название фильма Тиля Швайгера «Коковээ» с преувеличенным нажимом на «ээ», но благодаря преобразователю – а может, и блокировке – прозвучало это совершенно по-французски.

Сесиль смотрела на меня с еще большим интересом.

– Видимо, в Германии культура в большом почете. И что, понравилась тебе эта пьеса? Это трагедия или комедия?

– Скорее комедия, хотя мне и больше смеяться доводилось. Речь идет об одном драматурге, который пишет пьесу, но внезапно ему приходится возиться с одной маленькой девочкой, совершенно незнакомой. А потом они все-таки как-то притираются друг к другу. – Вообще-то я сказала *сценарист* и *фильм*, но получилось-то все как обычно.

Сесиль задумчиво наморщила лоб.

– Великолепная идея для пьесы. Она могла бы вдохновить меня сочинить что-то подобное. Тем более что я, похоже, как раз в точно таком же положении, как упомянутый драматург. – Брови ее сдвинулись. – А не придумала ли ты это вот только сейчас, чтобы посмеяться надо мной, а?

– Нет, честное слово, нет! – заверила я. – К тому же девочка – его дочь, а в конце они очень полюбили друг друга. Ведь все же совсем не так.

– Хм, ты – не моя дочь, но думаю, ты начинаешь мне немножко нравиться. – Сесиль встала и стащила с кровати еще несколько подушек. Она бросила их на пол к остальным, подошла к стенной полке и вернулась с куском хлеба, который сунула мне в руку. – На вот, ты выглядишь голодной.

Поблагодарив, я откусила кусочек, хотя после пережитого этим вечером волнения практически не ощущала голода. Хлеб был черствым и безвкусным, но во время еды аппетит внезапно пришел, и я съела все до последней крошки.

– Ты, должно быть, пить хочешь. – Сесиль наполнила два бокала красным вином из кувшина, один протянула мне и настояла на том, чтобы мы чокнулись. Затем она постоянно подливала еще и не уgomонилась, пока мы с ней на пару не опустошили весь кувшин. Пусть она и выпила

значительно больше меня, но вино было достаточно крепким и свалило бы меня с ног, если бы я уже и так не сидела на полу. Голова то и дело клонилась на грудь, я постоянно задремывала. Пока свечи еще не прогорели и мы пили, Сесиль выпытывала обо мне все. Из осторожности я выдавала самые общие сведения, по большей части уклончивыми или ничего не говорящими фразами. Когда она спросила, что я больше всего люблю делать в свободное время, я ограничилась чтением и игрой на рояле (преобразователь превратил «рояль» в «клавикорд»). Велосипед и дзюдо я решила опустить. На вопрос о поклоннике без колебаний ответила отрицательно. Чтобы отвлечь ее внимание от себя, я в конце концов сама перешла к вопросам. Сесиль рассказала мне кое-что о своей достаточно необычной жизни. Оглядываясь назад, я иногда думаю, что некоторые из этих рассказов, возможно, были лишь вольным полетом фантазии.

Она была дочерью парижского придворного учителя (что объясняло ее образованность) и владелицы винной лавки из Дании (что объясняло ее нордическую внешность и слабость к красному вину), а помимо этого, вдовой жонглера и канатоходца – что, в свою очередь, объясняло ее тягу к сцене.

Муж умер три года назад, упав с каната, и, к сожалению, не оставил ей ничего, кроме жонглерских шариков. Сесиль, вскочив, стала рыться в одном из сундуков, пока их не нашла, но ее попытка продемонстрировать свое жонглерское искусство провалилась из-за низкого потолка. Шарик разлетелся в разные стороны, и, поймав несколько в лицо, я, спасаясь, спряталась за подушку. Мы обе похихикали и единогласно решили, что пора спать. Собрав остаток сил, я еще воспользовалась ее туалетом – стоявшим за ширмой стулом с откидной крышкой и горшком под ним.

– Подожди-ка, – сказала она. – Там кое-что есть. Я сейчас быстренько его опорожню. – Она открыла ставень и с размаху выплеснула содержимое горшка на улицу, после чего вернула горшок на место. К слову о лужах, в которые я неоднократно вступала по пути сюда. Пока я за ширмой справляла малую нужду, Сесиль захлопнула ставни и забралась в постель. Я растянулась на полу, который после всего выпитого вина показался мне и в половину не таким жестким, как поначалу.

– Спокойной ночи, Анна, – донеслось до меня бормотанье Сесиль. – Сладких снов!

– Тебе тоже, – пробормотала я в ответ, уже проваливаясь в сон.

Свечи погасли. За окнами уже светало, через пару часов на пороге объявится Филипп, к его приходу мне нужно быть в самой лучшей форме. И скоро я увижу Себастьяно... наконец. Его образ проводил меня в сон.

День первый

Утром я проснулась с абсолютно квадратной головой, а язык по ощущениям походил на полумертвое мохнатое нечто, на которое я наступила прошлой ночью. Со стоном я повернула голову, пытаюсь уклониться от яркого света, сверлящего правый глаз. Солнечный луч, проложив себе дорогу сквозь щель в ставнях, пыльным мечом рассекал пространство комнаты. Кто-то колотил молотком внутри моей черепной коробки, отчего все вокруг грохотало. Спустя несколько секунд я заметила, что колотили и снаружи, в ставни.

– Сесиль! Анна! Вы еще спите?

Филипп! Мгновенно проснувшись, я вскочила. То есть я хотела вскочить, но на самом деле мучительно, медленно, с кряхтением тащила себя вверх, чему вдобавок препятствовала простыня, обвившая ноги, подобно гигантской змее. Повсюду вокруг меня валялись подушки, я спала на голых половицах. Казалось, тело мое упало откуда-то с большой высоты, – по крайней мере, я так это себе представляла, – от боли я с трудом держалась на ногах. И что хуже всего, я не понимала, что болит сильнее – голова или все остальное тело.

– Сесиль! Анна! – нетерпеливо раздавалось с улицы.

– Я не сплю! – прокряхтела я в направлении окна.

– Девять пробило! – крикнул в ответ Филипп.

Проспала! В ужасе я озидала комнату. Больше всего на свете мне хотелось тут же бежать к Филиппу, чтобы он сразу повел меня к Гастону, ведь тот единственный знал, где искать Себастьяно. Но в таком состоянии я ни за что не решилась бы выйти на люди.

– Сейчас-сейчас, – крикнула я.

Обувь. Мне непременно нужна обувь.

– Сесиль, ты не одолжишь мне какую-нибудь обувь?

С кровати донесся стон. Голова с белокурыми взлохмаченными волосами шевельнулась и снова затихла на подушке. Оттуда донеслось тихое похрапывание. Быстро Сесиль наверняка не проснется. Простоты ради я расценила стон как «да», а недолгое шевеление как кивок.

Из разбросанной повсюду обуви она спокойно могла бы пожертвовать одной парой. К сожалению, с первого взгляда было понятно: все слишком мне велико. Но чересчур большие туфли лучше, чем никакие. После недолгой примерки я выбрала пару кожаных сандалий на шнуровке, их по

крайней мере можно было закрепить на ноге, пусть даже подошва спереди и торчала на три пальца из-под ступни. Одеваться мне, к счастью, не пришлось, потому что на ночь я ничего не снимала. Мешкообразное одеяние было из такой грубой ткани, что парочка лишних заломов или пятен вообще не бросались в глаза.

Теперь осталось чуть-чуть освежиться.

Я в спешке сходила на горшок, затем схватила гребень с гримировального столика Сесиль и, взглянув в зеркало, испуганно отшатнулась. Выглядела я ужасающе. Бледная, лохматая, глаза ввалились – просто прародительница всех зомби. Причесываясь, я выдирала волосы ключьями, повсюду были колтуны. Чтобы длинная грива опять не разлохматилась, я заплела ее в плотную косу и подвязала одной из шелковых лент, валявшихся на полу. Теперь вид был уже сносный. На настенной полке стоял тазик с водой для мытья, но воду эту, видимо, уже использовали, а кувшин рядом был пуст. Плевать, уж руки-то помыть сгодится и такая. Напоследок пшикнуть на себя из одного из флаконов с духами со столика Сесиль, – резко пахло фиалками, – два раза как следует ущипнуть щеки – пожалуй, этого достаточно. Чистку зубов пришлось перенести на потом, пусть даже решиться на это было и нелегко. Может, Филипп организует мне глоток воды по дороге. Кофе у них тут не водится, с этим придется подождать еще несколько десятков лет, о чем я узнала чисто случайно и только потому, что первые кофейни появятся в Венеции. И точно так же ждать и ждать еще до широкого распространения чая и какао.

– До свидания, – сказала я Сесиль. – И большое спасибо за все. Сандалии я отдам Филиппу, он занесет их тебе позже.

Реакции не последовало, она спала как убитая.

Разбитая с похмелья и от бессонной ночи, я покинула комнату Сесиль. Дверь в дом была распахнута настежь, на улице с радостным визгом играли дети. Они гонялись за квохчущей курицей, которая возбужденно хлопала крыльями. Теперь я поняла, почему перед пробуждением мне снился сон про каникулы на ферме. Шум усиливал работу молотка в голове. Яркий свет дня так слепил глаза, что мне сперва пришлось щуриться, пока я к нему не привыкла.

Филипп ждал около дома с одолженным фонарем в руках. Он послушно принес его назад хозяйке. Я вызвалась быстренько забросить фонарь Сесиль, на что он с благодарностью согласился. В награду за это я могла сделать несколько приличных глотков воды из фляжки, что висела у него на поясе. После этого вопли детей перестали казаться мне такими уж

пронзительными, и солнечный свет выносить тоже стало легче. Но было довольно жарко, я уже начала потеть. В моем настоящем времени был март, а в прошлое я прибыла летом. Ранним утром здесь уже стояла гнетущая жара – веская причина отправиться в путь не откладывая.

– По мне, так мы можем идти, – сказала я.

При свете дня я могла наконец как следует рассмотреть все вокруг. Сесиль жила в четырехэтажном доме с облезлым фасадом, да и вся улица выглядела не особо уютно. Филипп сообщил мне название – Рю Персе, – чтобы я нашла дом, если понадобится сюда вернуться. Хотя я считала, что такой вариант исключен, потому что мне вовсе не хотелось еще раз спать на полу. У Себастьяно наверняка пристанище получше. Там мы смогли бы вместе скоротать время до возвращения, а если особое поручение, которое следовало выполнить, препятствует его возвращению в настоящее, мы бы выполнили его сообща. Вместе с ним я бы все преодолела. И до самого возвращения больше не покинула бы его. Рядом с Себастьяно я могла вынести все. Может, у него там есть банный ушат и кусок хорошего мыла. Это уже во многом облегчило бы мне жизнь.

Я с любопытством обратилась к Филиппу.

– Это ты передавал Себастьяно сообщения Гастона?

Он кивнул.

– С сообщениями от Гастона я был у него дважды. В первый раз он заподозрил меня в дурных намерениях, на что я ответил, что его появление на мосту нужно не мне, а написавшему сообщение. Во второй раз он приказал мне убираться и передать тому, кто меня послал, что, если у этого человека есть к нему дело, пусть пожалует собственной персоной. Что Гастон и сделал – чем это кончилось, ты знаешь.

Филипп вел меня по кварталу, где сновало очень много людей. Одни толкали перед собой тележки, нагруженные овощами или дровами, другие тащили корзины или кадушки. Одеты почти все были бедно, на женщинах поверх длинных юбок были грязные фартуки, на мужчинах – потертые штаны до колен и сношенные башмаки, дети – в дешевых деревянных сабо. Некоторые выглядели совсем уж оборванцами. На общем фоне моя грубая одежда совершенно не выделялась. Филипп же, напротив, смотрелся одетым почти нарядно. Правда, его одежда тоже была простой, но чистой и ухоженной и на удивление хорошо на нем сидела. Длинные светлые волосы он тщательно причесал и перевязал сзади бархатной лентой. Кроме того, его белая рубаша и чулки были без единого пятнышка и почти без заплат, что в семнадцатом веке уже кое-что значило. Из-за жары он снял головной убор – темный берет по моде этого времени – и закатал рукава рубашки.

На следующем углу он указал на узкий дом с выступающим верхним этажом и фахверковым фасадом.

– Здесь я живу. Это дом моих родителей. Мой отец – портной. Я обучался тому же ремеслу, что и он, но он сейчас почти все делает сам. Видать, я только через несколько лет возьму дело в свои руки. А пока я занимаюсь набросками, придумываю новые фасоны. Люблю рисовать.

– В высшей степени замечательно! – На самом деле я сказала только одно слово, а именно «класс!» – А как ты нашел эту... дополнительную работу у Гастона?

– Он недавно заговорил со мной, когда в очередной раз пришел к нам на примерку. Он шьет одежду у моего отца. – Филипп смущенно откашлялся: – Кстати, мне ужасно жаль, что я принес для тебя такое убогое платье, но Гастон посчитал, что оно должно быть самым что ни на есть простым.

– Неужели, – сказала я. Язвительное замечание, вертевшееся на языке, я предпочла оставить при себе. Филиппа вряд ли стоило за это упрекать, а вот Гастону я попозже непременно выскажу все, что думаю.

Внезапно Филипп сменил тему.

– И о чем же таком вы с Сесиль разговаривали? – Вопрос прозвучал как бы невзначай.

Я посмотрела на него с удивлением. Уши его слегка покраснели. Конечно, это могло случиться из-за жары, но спустя секунду я увидела, что краснеет и лицо, и тут уж мне все стало ясно. Прошлой ночью мне не показалось. Он по уши влюблен в Сесиль. Но взаимно ли? Ничего такого я не заметила. Она явно на два-три года старше. И весит килограммов на двадцать больше. Хотя это совершенно не важно. Как известно, противоположности притягиваются. А она как-никак одолжила ему лампу, что уже говорит по крайней мере о симпатии. Так почему бы симпатии не развиваться во что-то большее?

Филипп откашлялся, и я поняла, что он ждет ответа.

– Да ну, мы просто болтали ни о чем. Она мне кое-что рассказывала из своей жизни, под вино. Про себя я не очень-то много могла рассказать. Блокировка, ты же знаешь. Я только упомянула, что родом из Германии, что люблю костюмированные действия и с удовольствием хожу в театр (на этот раз я так и сказала: *костюмированные действия и театр*, для упрощения преобразования).

– А обо мне она что-нибудь сказала?

– Нет, а должна была?

Он покраснел еще больше.

– А о муже говорила?
– О жонглере? Да, про него она упоминала и шарики показала. Какая трагедия, что он сорвался с каната. Мне очень жаль ее. Такая молодая, и уже вдова...

– Я имел в виду не жонглера. Другого.
– Другого? – я оторопела. – У нее что, еще один был?
– И до сих пор есть. Владелец парфюмерной лавки на мосту Нотр-Дам. Мы сейчас мимо пойдем, нам нужно на правый берег. Но сперва пройдем вот по этому мосту.

Я в замешательстве огляделась по сторонам.

– По какому мосту?
– Ну, по мосту Сен-Мишель, он ведет назад на остров Сите, – он указал на улицу перед нами с рядами домов по обеим сторонам. Что это мост, можно было догадаться, лишь посмотрев в сторону, где чуть-чуть виднелась река. Поэтому я не обратила внимания, что ночью мы, оставив остров Сите, перебрались на левый берег Сены. Я старалась запоминать дорогу и все, что попадалось по пути, но это было действительно непросто. Дома были высокие и стояли впритирку, улицы все казались похожими друг на друга и, помимо того, совершенно не отличались от мостов. И все-таки по дороге я увидела одно возвышавшееся над городскими крышами громадное здание, которое знала: две мощные, широкие башни и одна стройная, высокая – Нотр-Дам, самый большой и роскошный собор Парижа.

Перейдя мост, больше похожий на обычную улицу, мы прошли мимо другого собора, и здесь я почувствовала, что начинаю ориентироваться. По крайней мере, место показалось мне смутно знакомым. Но, вероятно, я заблуждалась, ведь вообще-то мы уже должны были выйти к реке. Не мог же остров Сите оказаться настолько широким, и в семнадцатом веке тоже. Мы прошли по оживленной улице со множеством лавочек. Шляпник, ювелир, перчаточник, пекарь... На прилавке стояла корзина, а в ней – потрясающе ароматные свежие булочки. Мне очень хотелось прихватить одну с собой, на потом, когда пройдет головная боль и появится аппетит, но для этого Филипп должен был одолжить мне немного денег. Я как раз собралась его попросить и тут заметила, что он в неестественном напряжении замер у одной лавки.

Витрин в этом времени еще не было, просто откидывали большую деревянную скамью (лавку) и использовали ее как прилавок, отсюда и произошло слово «лавка» в значении «магазин» (часть мимоходом полученной информации, которой я нахваталась, путешествуя во времени).

В нашем случае речь шла о парфюмерном магазине, не нужно было даже видеть товар – это определялось по запаху. Дурманяще благоухали самые разные эссенции, от цветочных и фруктовых до экзотических. Я чихнула, и тут до меня дошло.

– О, да ведь это, должно быть, его лавка, – сказала я. – То есть мужа Сесиль.

Я огляделась в легкой растерянности. Филипп рассказывал, что лавка находится на мосту Нотр-Дам, значит, мы сейчас должны быть на мосту. Что-то не похоже. Здесь вплотную друг к другу высились дома в четыре-пять этажей. Сены не было и в помине.

Филипп напряженно вглядывался в сумрак лавки.

– Если застану как-нибудь этого парня одного, убью.

Смысл заявления я уловила не сразу, потому что все еще пыталась сориентироваться на местности.

– Что? С чего это? Что он тебе такого сделал?

– Не мне. Сесиль.

Объяснить подробнее он не успел: к прилавку, заваленному мешочками с ароматными травами и надушенными носовыми платками, из помещения вышел человек в зеленом шелковом камзоле, расшитом золотом.

– Мадам. Месье. – Он слащаво улыбался. – Чем могу служить? – Спустя несколько мгновений он узнал Филиппа, и на лице его нарисовалось раздражение. – Что вам опять тут нужно? Перестаньте мне докучать! Разве нет других мостов? Вы нарочно всегда ходите именно по этому?

Видимо, это и был нынешний муж Сесиль. Или уже бывший, это как посмотреть. В любом случае жили они врозь, потому что в ее комнате я не заметила ничего, что указывало бы на присутствие мужчины.

Ему было около сорока. Уже почти лысый, он и в остальном не выглядел человеком, которому есть что предложить такой женщине, как Сесиль. За исключением, может, парочки флаконов духов. Их у Сесиль стояло довольно много, я сама недавно воспользовалась одним, но сразу же об этом пожалела. От меня и сейчас еще исходил пронзительный запах фиалок, почище чем от какого-нибудь освежителя воздуха. Но с этим прилизанным типом мне было не сравниться. Его окутывало облако ароматов, от которых хоть в обморок падай. Я могла бы поклясться, что хлеб и вино с прошлой ночи давно уже переварились в желудке, и все же ощутила прилив тошноты. Я отступила на несколько шагов назад – и чуть было не попала под колеса мчащей мимо повозки. Как следует

выругавшись, кучер придержал свою клячу, а я отошла еще дальше, на другую сторону улицы. Филипп ничего этого не заметил, он вступил в перепалку с типом в зеленом. Несмотря на шум, до меня доносились кое-какие обрывки их ссоры.

– ...мерзкий развратник! – бросил он владельцу лавки.

– Вас это ни в малейшей степени не касается! – вопил парфюмер. – И – нет, я не буду драться с вами на дуэли! Какими бы страшными оскорблениями вы меня ни осыпали!

Колеса повозки так грохотали, что ответ Филиппа я разобрала лишь частично, но и этого вполне хватило, чтобы прояснить его точку зрения.

– ...распорю и скормлю крысам ваши потроха, жалкий вы трус!

Повозка с шумом удалилась, а из соседней лавки – маленькой фабрики, производящей золоченые рамы для картин, – вышли две элегантно одетые женщины, еще больше потеснив меня на обочину. Они прошествовали совсем близко от меня, держась так, словно весь мост Нотр-Дам принадлежит только им. Одна из них примененным походя силовым приемом вжала меня в стену дома. Я собиралась возмутиться, но в эту секунду краем глаза заметила кое-что меня поразившее. И нерешительно повернулась к лавке, у входа в которую стояла. На откинутом прилавке были разложены шелковые шали с бахромой, расшитые платочки и рулоны кружевной каймы. Раскрытая шкатулка предлагала богатый выбор разных пуговиц – из стекла, рога, дерева, слоновой кости, кованого серебра... необъяснимым образом во мне росло ощущение, что эту лавку я откуда-то знаю. Так, будто когда-то здесь уже бывала. Но создавали это впечатление, как мне тут же стало ясно, не пуговицы, а товар, вывешенный на стене внутри помещения: маски.

* * *

Одну-две секунды я растерянно вглядывалась в них. Казалось, будто меня внезапно перенесли в другое место и другое время, хотя фоном я по-прежнему слышала, как Филипп ссорится с торговцем духами. И все же их вопли и гомон улицы я улавливала лишь краем сознания. Маски целиком завладели моим вниманием. Каких здесь только не было: пестрые и однотонные, на глаза и закрывающие все лицо, с длинными носами, расшитые золотом, украшенные камнями и бахромой, перьями и жемчугом. Это были маски, которые носили во время Венецианского карнавала. И, видимо, на парижских балах семнадцатого века, иначе зачем бы они тут

продавались.

Дверь в лавку рядом с откидным прилавком была открыта, и ноги сами понесли меня туда. Внутри стоял легкий, немного пыльный запах засушенных цветов, которые в прошлых столетиях – например, в этом – клали в рулоны ткани, чтобы материал благоухал. Здесь пахло попурии из лаванды и розы.

Кроме масок и тканей, в лавке торговали одеждой и аксессуарами. Тут продавались скромные платья, всевозможное барахло и безделушки, но попадались и элегантные вещи. На вешалках висели накидки из струящегося бархата с золотым тиснением, шелковые платья с глубоким вырезом и пышными юбками, длинные перчатки из тончайшей кожи. На одной полке стояли в ряд сказочно прекрасные туфли, антикварные экспонаты с вышивкой, серебряными пряжками и лакированными каблуками. Взглянув на них, Ванесса ударилась бы в слезы.

Я же лишь бегло оглядела это богатство, прежде чем опять повернулась к маскам, словно замороженная. Одна из них выглядела, как... нет, не может быть. Совершенно исключено.

И тут рядом со мной раздался хриплый голос древней старухи.

– Кошка, – сказала Эсперанца. Точно так же, как тогда.

Я даже не вздрогнула, потому что сама – или мое подсознание – уже ожидала ее появления. Я не видела ее полтора года. Столько времени прошло с тех пор, как она приняла меня в клуб Стражей времени. Перед моим первым приключением в прошлом я получила от нее маску кошки и лишь позже, когда все благополучно закончилось, узнала, что такие маски предназначались только для особо опасных и важных заданий. От которых очень много зависело. Будущее целого города, может быть, даже страны. С тех пор – и я была этому рада – она мне масок больше не давала.

Эсперанца выглядела точно так же, как раньше. Маленькая и сморщенная, лицо изборождено морщинами, мягкая беззубая улыбка. Глаза же смотрели на удивление пронзительно, словно ничто не могло от них укрыться.

В горле у меня пересохло.

– Эсперанца, – прошептала я, – ты откуда здесь?

Вообще-то можно было и не спрашивать. Она ведь одна из Старейшин, а значит, пространственные и временные ограничения распространялись на нее не так, как на простых смертных. Столетия пролетали для нее, как один миг, а перейти из одного времени в другое ей давалось так же просто, как обычным людям улицу пересечь. Наша первая встреча случилась вечность назад. После первого перехода в прошлое я выудила из омута подсознания

воспоминание раннего детства: мне тогда было три или четыре года, и я играла в высокой траве. А потом откуда-то вынырнули Эсперанца и Хосе, и Эсперанца дотронулась до моего затылка. От этого прикосновения во мне словно что-то включилось, потому что с тех пор при любой опасности в том месте всегда появлялся зуд.

Почему они выбрали именно меня, до сих пор оставалось загадкой. Вероятно, я просто встретила их на пути. И наверняка я стала обладательницей маски, просто случайно наткнувшись на лавку в Венеции. Хотя Себастьяно считал, что у Старейшин случайностей не бывает.

– Возьми маску, дитя мое, – сказала Эсперанца своим надтреснутым голосом.

Костлявой рукой сорвав маску с крючка, она протянула ее мне. Маска была из черного бархата и вокруг прорезей для глаз расшита крошечными жемчужинками. Я нерешительно приняла ее. Легче перышка, она лежала на ладони и на ощупь казалась до странности знакомой. Даже примерять не требовалось, чтобы убедиться, что она мне точно впору, словно для меня сделана. Вероятно, так оно и было. Спрашивалось только, зачем мне дают ее теперь. Кроме того, я хорошо помнила, что в прошлый раз маска принесла мне сплошные неприятности. Поэтому мне стало очень не по себе.

– Значит, здесь мне тоже нужно выполнить какое-то задание? Какое-то особое? Я думала, нужно только помочь Себастьяно. Хосе сказал, что он тут застрял. Что произошло? Что он должен сделать? И что делать мне?

– Тебе кое-что понадобится, – Эсперанца деловито двигалась по комнате. Выдвинув ящик комода, она достала оттуда кошелек и дала мне. – Деньги. Следи только, чтобы не украли. Постой... У меня же здесь... Где же это было? А, вот он. – Она порылась в остатках тканей и вытащила на свет кожаный мешочек. Засунув в мешочек свернутую маску и кошелек, я повесила его на шею так, чтобы он скрылся в вырезе моего падающего свободными складками грубого одеяния. К сожалению, во времена, подобные этому, на каждом углу ошивались карманные воришки, и с ценных вещей глаз спускать было нельзя.

Между тем Эсперанца, спешно и особо не раздумывая, доставала платья, нижнее белье, обувь и прочие вещи и запихивала все в большой мешок. Ответа я ждала напрасно. В ее духе было избегать объяснений и никогда не говорить конкретно, что требовалось делать. Догадываться приходилось самой.

– Вот, это тебе пригодится, – сказала Эсперанца, всучив мне набитый мешок.

– Большое спасибо. Что же я должна?..

Она перебила меня на полуслове:

– Маску можешь надеть на бал, но для перехода во времени тебе разрешается использовать ее только в крайнем случае. И под крайним случаем я имею в виду опасность для жизни.

У меня мороз по коже пробежал. Прозвучало так, словно она не сомневается, что этот случай может наступить.

– Обещаю вам, что так и сделаю. Но какое задание?

И опять она меня перебила:

– На кону стоит очень многое. Пойдем со мной, дитя мое, – она поманила меня в подсобное помещение, так же набитое всякой всячиной, как и сама лавка. В задней стене имелось витражное окно из зеленоватого стекла в свинцовой обрешетке. Оно было открыто, и за ним виднелась река – первое реальное доказательство тому, что мы действительно были на мосту.

– Смотри, – сказала Эсперанца. Она стянула покрывало со старого напольного зеркала. Увидев расплывчатые подвижные силуэты на матовой серебристой поверхности, я испугалась. Одно из *тех самых* зеркал. У всех Старейшин были такие. Когда я последний раз заглядывала в венецианскую лавочку Эсперанцы, я примерила перед ее зеркалом одну маску, но, кроме собственного изображения, ничего в нем не обнаружила, а маску там и оставила.

Теперь все было иначе. Я стояла прямо перед зеркалом, но саму себя не видела. Видимо, эта штука как раз была включена, или как там еще это называется. В зеркале можно было увидеть будущее. Неправильное будущее. Именно поэтому Старейшины в них и заглядывали – чтобы обнаружить нежелательный ход событий. И затем отправить в путь Стражей времени, которым предстояло все исправить.

– Подойди ближе, – сказала Эсперанца. – Тебе будет лучше видно.

С большей радостью я бы умчалась отсюда без оглядки. Неохотно подойдя вплотную к зеркалу, я постаралась истолковать размытое изображение. Сначала оно было черно-белым, мутным, прыгало из стороны в сторону и не имело четких очертаний. Но чем больше я всматривалась, тем картинка становилась четче, пока передо мной не возникли отдельные фигуры. Картинка все еще оставалась крупнозернистой и бесцветной, как старое-престарое немое кино, но при ближайшем рассмотрении я поняла, что там происходило – какая-то война. В панике бегали люди, бросались в укрытия, прятались за остатками стен. Действие разворачивалось на открытой местности. На заднем плане

лежали в руинах дома, между ними возвышались горы обломков. Внезапно в углу экрана разорвалась бомба или снаряд, от чего в разные стороны полетели осколки камней, и картинка на несколько секунд затемнилась. Впечатление создавалось тем более жуткое, что происходило все без единого звука. Я не слышала даже собственного дыхания, потому что от ужаса перестала дышать, пока не увидела, что случилось дальше. Пыль улеглась, и кошмар продолжился. Среди развалин повсюду лежали убитые. По территории стали продвигаться отдельные фигуры с оружием на изготовку. Должно быть, это они устроили взрыв. Из-за обвалившейся стены выполз кто-то уцелевший. С огромным усилием он, раненый, встал на ноги, с поднятыми руками заковылял из своего укрытия – и был хладнокровно застрелен одним из вооруженных людей.

Я приглушенно вскрикнула, но все уже случилось. Точнее, случилось бы. Здесь, в Париже. И настоящее, каким я его знала, из-за этого стало бы другим. Изображение в зеркале пришло в движение, словно покрывалось пеленой. Оно расплывалось все больше, пока наконец ничего уже было не разобрать, осталась только мутноватая серебристая поверхность зеркала.

– Теперь ты все знаешь, – сказала Эсперанца.

– Да ничего я не знаю, – потрясенно запротестовала я. – Какое событие нужно предотвратить, чтобы всего этого не случилось? Скажи, что мне делать!

– Правильное решение можно принять только самостоятельно. – Эсперанца снова завесила зеркало покрывалом. В солнечных лучах ее лицо походило на просвечивающий пергамент. Вдруг она наклонила голову, будто что-то услышала.

– А теперь тебе пора. Ни с кем об этом не говори, – она взяла меня за руку и вывела назад в лавку. Я упиралась и снова пыталась что-то спрашивать, но она непреклонно вытолкнула меня на улицу. Едва я оказалась за порогом, как дверь, а следом и прилавки закрыли изнутри и заперли на засов. Я несколько раз постучала, но внутри не слышалось никакого движения. Меня переполняли страх и чувство неопределенности. Я стала озираться в поисках Филиппа. Торговец духами тоже уже закрыл свою лавку, видимо, утратив желание продолжать перебранку.

Чья-то рука легла мне на плечо, и я в испуге обернулась. Передо мной стоял Филипп.

– Вот ты где, – с облегчением констатировал он. – Я тебя ищу. Куда ты пропала?

– Покупала кое-что, – я показала на стоявший рядом мешок.

– Дай понесу. – Подняв мешок, он закинул его за плечи. – Да там

полно всякой всячины. Где ты так быстро все это достала?

– Вон в той лавке. Она только что была открыта.

– Правда? Странно. В последнее время я часто здесь прохожу, но она всегда наглухо заперта. Как и теперь.

Я открыла рот, чтобы все ему объяснить, но мне тут же вспомнилось предостережение Эсперанцы никому ничего не рассказывать.

– Не могу тебе этого сказать, – заявила я.

– Понимаю. Блокировка, да?

Я только кивнула. В животе громко урчало. От стресса. Он частенько действовал на меня как хорошее слабительное. Нужно было узнать у Эсперанцы, нет ли у нее туалета.

– Далеко еще до Гастона? – справилась я.

– Минут пятнадцать, не больше.

Четверть часа еще можно выдержать, если, конечно, не случится ничего непредвиденного. Гастон сразу же отведет меня к Себастьяно, и тогда все будет в ажуре. Рядом с Себастьяно я становилась достаточно стрессоустойчивой. А пока лучше всего было отвлечься на какую-нибудь захватывающую любовную историю.

– А что там, собственно, у Сесиль с этим надушенным камзолом? – спросила я по дороге. – Почему ты хочешь его убить? И почему они живут врозь? Или лучше так: почему она вообще вышла за него? Ведь наверняка не по любви, а?

Филипп презрительно фыркнул.

– Конечно, она вышла за этого кретина не по любви! Разве он похож на человека, которого можно полюбить?

– Ну, может, у него богатый внутренний мир.

– О да. Золотое сердце, – в его голосе слышалось раздражение.

– Значит, она вышла за него замуж из-за денег?

– Разумеется. Какая еще может быть причина у такой прекрасной и одаренной женщины сочетаться браком с таким мерзавцем, как Батист?

– Его зовут Батист? Судя по всему, они не нашли общего языка, да? Погоди, дай угадаю. Он оказался старым скрягой.

– Если бы только это! Он от нее *такого* требовал!

– Чего «такого»?

Филипп откашлялся.

– Ты живешь в отдаленном времени и наверняка превосходишь меня в знаниях, но ты еще совсем дитя. Я не могу говорить с тобой о таких вещах, – уши его покраснели, как помидоры.

– О, – теперь меня не на шутку разобрало любопытство. – Это я

просто выгляжу так молодо. А на самом деле я уже взрослая. Ты спокойно можешь мне все рассказать. Я переживу.

– В присутствии порядочной юной дамы я не стану говорить о недостойном поведении этого извращенца, – решительно заявил он, и переубедить его мне бы не удалось.

– А развестись с ним она разве не может? – спросила я.

– Она наверняка так бы и поступила. К сожалению, без согласия церкви это совершенно исключено, а чтобы получить особое разрешение, нужно прилично раскошелиться. Но гораздо хуже то, что Батист превращает ее жизнь в ад. Он даже оговорил ее в инквизиции, назвав ведьмой.

– О господи, – оторопела я. Инквизиция – это же ужас во плоти. Там всем заправляли фанатики, действительно верившие во всякую белиберду вроде колдовства.

– До сих пор его заявления всерьез не принимали. Здесь, в Париже, все не так ужасно, как в провинции, где бедных людей то и дело пытаются и сжигают якобы за союз с дьяволом. Но Батист не угомонится, потому что никак не может пережить, что Сесиль его бросила. Если она откажется вернуться, он и дальше будет ее порочить. Одно то, что она актриса, уже вызывает подозрения. В следующий раз он, чего доброго, сочинит, что она держит дома оккультные книги и занимается черной магией. И участь ее будет решена.

– А они у нее есть? Ну, оккультные книги?

– Не знаю. У нее так много книг. Она их постоянно покупает, все ей мало, – Филипп удрученно покачал головой: – Я сказал ей, чтобы уничтожила все, что может ей навредить, но она только смеется. Говорит, она, мол, вызывает подозрений в сто раз меньше, чем сам Батист, который по ночам у себя в дальней комнате порой такие зелья смешивает, что без сатаны здесь дело точно не обходится.

– Тут я с ней абсолютно согласна, – подтвердила я. – То, чем этот тип себя опрыскивает, дьявольски воняет. Это почти то же самое, что наносить себе телесные повреждения.

– И правда, – Филипп вздохнул. – Хотел бы я разделять уверенность Сесиль. Она говорит, что скоро станет очень знаменитой и популярной, и Батист больше не осмелится ее очернять.

– А может, так и будет. Может, ее ждет невероятный успех.

Филипп покачал головой.

– Она, безусловно, на верном пути. Таланта ей не занимать, и за последний год она свела знакомство со многими очень влиятельными

людьми. Но она в некотором роде слишком беспечна, – Филипп снова вздохнул. – И, по-моему, она слишком много пьет.

– Люди искусства, они такие, – утешила его я.

В разговорах мы перешли через мост. На другом берегу Сены тоже сновало много людей, большинство из них были бедно одеты. Время от времени мимо проезжали кареты, в которых сидели разодетые в пух и прах дамы или господа в шляпах с перьями, а несколько раз нам пришлось посторониться, чтобы дать дорогу благородного вида всадникам.

Дома по большей части были в несколько этажей, с фахверковыми ^[6] фасадами, построенные в одну линию вплотную друг к другу. Между ними попадались, впрочем, и низкие, крытые соломой лачуги, расположенные по квадрату вокруг садов и огородов, как пережиток прошлого. По-сельски смотрелись кое-где пристроенные к домам сараи для лошадей и ослов и загоны для кур, гусей и коз, которых тут тоже разводили.

Вонь, соответственно, стояла невыносимая. Идущие со всех сторон запахи усиливала нараставшая жара. Едкий дым кухонных очагов, вылетающий наружу из дымовых труб и окон, смешивался с отвратительными испарениями отхожих мест и навозных куч. Жутко воняли и гниющие пищевые отходы, что местами валялись прямо у домов, облюбованные жирными мухами. Но в сущий кошмар вонь превратилась, когда мы проходили мимо какого-то обнесенного каменной стеной участка. Мне пришлось прижать к лицу край рукава, иначе меня бы точно вырвало. Филипп тоже заткнул нос платком и ускорил шаг.

– Господи, – я с трудом подавила рвотный позыв. – Это что, живодерня?

– Кладбище. В такую погоду здесь особенно ужасно.

Я посмотрела на него, потрясенная услышанным.

– Разве людей не хоронят, как следует?

– Ну, смотря что понимать под «как следует». К сожалению, в Париже мертвых больше, чем могил. Вот жители и выходят из положения, закапывая тела сразу десятками, а могилу засыпают землей, только когда она заполнится. В основном пристойные похороны не по карману беднякам, их здесь оказывается особенно много. – Он указал на большое мрачное здание. – Вон там, напротив, больница. Они мрут в ней, как мухи, и сразу переходят сюда.

От ужаса я потеряла дар речи, но Филипп еще не закончил свой рассказ.

– Часто при первом же сильном дожде все опять всплывает, к сожалению, это и произошло несколько дней назад. А всплывшие останки

снова захоранивают или переносят в оссуарии далеко не сразу.

Я думала, что большего ужаса испытать невозможно, но спустя пару секунд, когда мы проходили мимо открытых ворот, мой взгляд случайно упал на громадные штабеля черепов, и снова пришлось бороться с тошнотой. Теперь я поняла, что Филипп называл «оссуариями».

Я читала в Википедии, что в парижских катакомбах есть гигантское, искусно уложенное ровными слоями собрание человеческих костей, но в этом времени скелеты, похоже, еще хранились на поверхности.

– Далеко еще? – спросила я. В животе опять началось движение. И вернулась уже почти прошедшая головная боль. Мне хотелось только одного: как можно скорее оказаться у Себастьяно.

– Нет, почти пришли.

Быстрым шагом мы пересекли рыночный квартал. Здесь находилось множество открытых прилавков и галерей с расположенными там магазинами. Сутолока царила неопишуемая, большего оживления невозможно представить и на воскресном рынке нашего времени. Казалось, за покупками или просто потолкаться сюда пришло пол-Парижа. Зазывалы нахваливали свой товар. Здесь продавалось все – от свежей рыбы и живой птицы, средств для потенции и окрашивания волос до соломенных шляп и деревянных башмаков. На одном прилавке лежала копченая колбаса, на следующем – сковороды и кастрюли, но я видела здесь и клетки с птицами, и писчие перья, гребни и деревянные флейты. Шум стоял невыносимый.

Филипп прокладывал нам путь в толпе, время от времени используя мешок с вещами как буфер. Я шла за ним следом, стараясь не делать глубоких вдохов, ведь и на рынке запахи были специфические.

Чуть позже Филипп остановился, потому что перед нами образовалась пробка. И без того оглушительный шум усилился барабанным боем. Похоже, намечалось что-то интересное. Движимая любопытством, я протиснулась вперед.

Объект всеобщего внимания определить было несложно: через площадь шагал человек в ниспадающем складками красном облачении, с благосклонной улыбкой приветствуя толпу. Перед ним в окружении барабанщиков шел слуга, бросая в толпу монеты, именно поэтому стоящие в первых рядах постоянно кланялись, пинали друг друга и вопили в ликовании.

Вооруженный конвой ограждал человека в красном от толпы, но он, казалось, хотел общаться с народом. Какой-то женщине, опустившейся на краю площади на колени и сложившей ладони для молитвы, он благословляющим жестом возложил руку на голову, а когда другая

женщина поднесла к нему младенца, он осенил лоб ребенка крестным знамением.

– Кто это? – поинтересовалась я у Филиппа. Пришлось кричать, иначе в общем гомоне он бы не понял моего вопроса.

– Это кардинал! – прокричал он в ответ.

Кардинал? Я слышала только об одном французском кардинале этого времени.

– Ты хочешь сказать, что это Ришелье? – уточнила я.

Филипп кивнул, и я с каким-то нехорошим предчувствием постаралась вспомнить, что читала о Ришелье. Он был не только священником высокого ранга, но и могущественным государственным деятелем, может, даже могущественнее короля, при котором занимал пост первого министра. Он слыл искушенным интриганом и держал громадную сеть шпионов, работавших на него по всей Европе. В романе «Три мушкетера», основанном якобы на реальных событиях, он изображен ненавистным противником королевы и потому врагом главного героя д'Артаньяна, боготворившего королеву и готового отдать за нее жизнь.

Я с любопытством рассматривала узкое, непримечательное лицо над шелковым воротником, сияющим белизной на ярко-красном фоне. Я не могла вспомнить, в каком году он родился, но ему было, вероятно, около сорока. Ухоженной острой бородкой и аккуратно постриженными волосами под кардинальской шапкой он скорее напоминал бухгалтера, чем церковного сановника. Одевание и благословляющие жесты хоть и соответствовали его духовному сану, но казались все-таки частью выступления, в них чувствовался точный расчет. И это напомнило мне о том, что церковь в те времена еще не была отделена от государства. Папы даже содержали собственные войска, участвовали в войнах и решали, кто станет кайзером^[7] или королем. Только этим объяснялось, почему кардинал мог занимать пост министра и диктовать свою волю королю. Мужчины чаще всего принимали сан не для того, чтобы заботиться о душе, а чтобы продвинуться по службе. Церковь служила идеальным трамплином для политической карьеры.

– Никто в Париже и шагу ступить не может без того, чтобы это не стало известно кардиналу, – прокричал мне через плечо Филипп. – А кардинал в Париже и шагу ступить не может без своей гвардии. – Он выглядел раздраженным. Когда ему под ноги прикатилась монета, он не наклонился за ней, а презрительно отпихнул ногой в сторону. Судя по всему, он не принадлежал к числу обожателей Ришелье.

Я автоматически подняла руку и потерла затылок. На жаре я вспотела,

и кожаный ремешок от мешочка натирал шею. Но от потирания и почесывания зуд не проходил. Наоборот, он усиливался, пока не превратился в жжение. В испуге затаив дыхание, я стала лихорадочно оглядываться по сторонам. Кто-то наблюдал за мной, я это чувствовала, а зуд доказывал, что от этого кого-то исходила опасность! Люди продирались вперед, приветствуя кардинала возгласами ликования, но никто из них ничем особо не выделялся. Вдруг я заметила, как на долю секунды из толпы вынырнуло и опять исчезло лицо, и чуть не задохнулась от ужаса. Я сразу узнала его, хотя, как и в первый раз, видела не дольше мгновения, – человек в берете, который в 2011 году смотрел на мое окно, стоя внизу у гостиницы. А теперь он был здесь. Путешественник во времени.

* * *

В сильном смятении я крутила головой, всматриваясь в толпу, но незнакомец не появлялся. В затылке тем не менее по-прежнему зудело, значит, он был где-то рядом.

Тем временем процессия двинулась дальше. Сопровождаемый своей гвардией, Ришелье прошествовал мимо нас, бросая народу монеты и вызывая ликование. Толпа за ним рассеивалась, люди снова расходились по своим делам. Я радовалась тому, что мы можем продолжить путь. Только бы скорее убраться прочь отсюда!

Филипп стал пробираться сквозь толчею, и я уже собиралась последовать за ним, как мое внимание привлек мушкетер из только что прошедшего замыкающего отряда. Высокий, атлетического телосложения, широкоплечий и мускулистый. На нем была надвинутая на лицо черная шляпа с пером, начищенные до блеска ботфорты поверх обычных коротких штанов и плащ с вышитым белым крестом. Одной рукой он придерживал мушкет, в то время как другая рука небрежно опиралась на эфес шпаги.

Мое сердце забилося сильнее. Лица мушкетера я не видела, он уже прошел вперед. Но каждое его движение, каждый шаг разрушали в зачатке любые сомнения. Когда он, подняв голову, посмотрел в сторону, я увидела его профиль. Он отпустил бороду, это выглядело очень непривычно, но во всем остальном он был таким же, как всегда. Я не ошиблась! Меня переполнило чувство радостного облегчения, радость была такой сильной, что мне не удалось сдержаться.

– Себастьяно! – крикнула я, протискиваясь вперед и размахивая обеими руками. – Я здесь, Себастьяно!

Идиотский преобразователь превратил его имя в гнусаво звучащее на французский манер «Себастьян», но кто же будет в такую минуту придирается к мелочам. Больше всего мне хотелось кричать от радости. Наконец-то я его нашла!

* * *

Я еще не успела броситься к Себастьяно, как одновременно случилось несколько происшествий. В нескольких метрах от меня на краю толпы возникло волнение. Раздались громкие крики, перекрывшие общий шум. Люди заслоняли мне обзор, так что я видела происходящее лишь урывками: какой-то человек с длинным пистолетом наготове пробирался вперед. Всех стоящих вокруг он беспардонно отталкивал в сторону. Лицо его скрывала черная маска, кроме того, он был в шляпе и плаще. Два или три мушкетера из тех, что шли в конце процессии, развернулись в его сторону, но прежде чем они успели достать оружие, злоумышленник, прицелившись в кардинала, выстрелил. Но он промахнулся. Себастьяно находчиво метнул в него свой мушкет, сбив направление пули. Звук выстрела прогрехотал на всю площадь, следом пополз воняющий порохом дым. В толпе испуганно завизжали, люди обратились в бегство, отчего тут же возник жуткий хаос. Меня толкали, наступали мне на ноги, несколько раз я получила локтем в ребра, пока сама беспомощно загребала руками, пытаясь держать голову как можно выше. Людской поток нес меня прочь от места происшествия. Лишь на мгновение сквозь образовавшийся в давке просвет я увидела, как Себастьяно с обнаженной шпагой бросился на стрелявшего. Тот, защищаясь, тоже обнажил шпагу. Завязался отчаянный бой, удар следовал за ударом, от клинков летели искры. Сразу было понятно, что человек в маске – искусный фехтовальщик. Изо всех сил я сопротивлялась напору людей вокруг, пытаясь пробиться к Себастьяно. Из-за плеча какой-то визжавшей женщины я увидела, как он выбил шпагу из рук противника, после чего тот мгновенно отскочил назад и втерся в группу людей. Секунду спустя его поглотила бегущая толпа. Себастьяно хотел было преследовать его, но в такой давке ничего не увидишь.

Через несколько секунд суета улеглась, люди успокоились. Большинство разбежалось в поисках безопасного укрытия, но оставалось еще несколько падких на сенсации зевак, толкавшихся вокруг места предотвращенного преступления. Кардинал, целый и невредимый, с настороженным видом стоял в окружении гвардейцев, которые, защищая

своего господина, сгрудились, обеспечив безопасность со всех сторон.

– Анна? – услышала я откуда-то голос Филиппа, но увидеть его так и не смогла. Я не ответила, потому что в голове крутилось лишь одно – Себастьяно. Он только что убрал шпагу в ножны и принимал поздравления остальных гвардейцев, хлопавших его по плечу. Я чуть не лопалась от гордости за него, обратившего злоумышленника в бегство. И была вне себя от радости, что сам он остался цел.

Наконец-то мне удалось выбраться из толчеи, и я устремилась к нему.

– Себастьяно! – Опять получился французский вариант, но это не имело никакого значения, ведь он тут же обернулся. Я так спешила оказаться наконец с ним рядом, что споткнулась о подол собственного платья и, вместо того чтобы упасть в его объятия, как последняя рохля во весь рост растянулась прямо у его ног.

– Ой! – Я содрала кожу на ладонях, и правому локтю тоже перепало, но хуже всего была грязь, в которую я приземлилась. Здесь потопталось не меньше тысячи людей, добрая половина из них перед этим наступала во всевозможные отбросы и значительную часть этой гадости оставила на бульжной мостовой. Когда же это я последний раз делала прививку от столбняка?

– Позволь помочь тебе, девочка, – сильные руки подняли меня, и, пока я смущенно рассматривала перепачканное платье, Себастьяно отряхивал руки о штаны. – Ты не ушиблась?

Я улыбнулась сквозь слезы.

– Не страшно. Главное, мы наконец-то вместе. – Со всех сторон я ощущала на себе любопытные взгляды и поэтому постеснялась просто обнять Себастьяно, хотя до боли жаждала это сделать.

Я смотрела на него, полная счастья.

– У тебя все хорошо?

– Вы знаете эту девицу, Фоскер? – донесся до меня вопрос кардинала. В замешательстве я перевела взгляд на него. Он рассматривал меня, высоко подняв брови, затем указательным пальцем смахнул ворсинку с красного рукава, словно она была по меньшей мере раза в три важнее, чем я. Значит, здесь Себастьяно звался Фоскером. Разница невелика, в конце концов в настоящей жизни его зовут Фоскари, так сказать, итальянский вариант того же имени.

Я попыталась выразительной мимикой дать ему знак незаметно скрыться со мной за угол, чтобы поцеловаться и поговорить наедине. При взгляде на него сердце сразу билось сильнее. Как же я соскучилась! Боже мой, ему действительно очень шла борода, никогда бы не подумала.

С нетерпением я ждала, когда же он наконец придумает что-нибудь подходящее. Типа: «Думаю, мне стоит довести эту бедную юную даму до ближайшей аптеки, чтобы она купила какую-нибудь мазь для своих ссадин» или «Девочка так бледна, я быстро провожу ее до дома, а не то она, не ровен час, сознания лишится».

Но ничего подобного он не сказал. Вместо этого он, озадаченно наморщив лоб, оглядел меня с головы до ног, а затем заявил: «Нет, ваше высокопреосвященство. Эту девчонку я никогда не видел».

Что? Я ошарашенно впилась в него взглядом. Что это ему вздумалось отречься от меня перед целым отрядом? Но спустя несколько секунд я все-таки догадалась, что за этим кроется: ему нужно было и дальше играть свою роль. Очевидно, он был мушкетером в гвардии кардинала. И в этой роли не имел права навлекать на себя какие-либо подозрения и делать что-то слишком заметное или необычное. Например, обнимать перепачканных девиц. Или просто вести себя не так, как другие.

В лице его читалось лишь вежливое участие. Он помог упавшей девушке подняться, настоящий кавалер старой закалки, и этим выполнил свой долг. Когда кардинал приказал гвардейцам двигаться дальше, все тут же тронулись с места, и Себастьяно тоже. Он шел замыкающим, что дало мне возможность незаметно пристроиться следом за ним.

– Тсс! – прошипела я ему в спину громким шепотом. – Не оборачивайся! Я все поняла. Ты только остановись там на углу, и мы поговорим недолго, да?

Он бросил недоуменный взгляд через плечо, чем неприятно поразил меня. Я, конечно, все понимаю, но зачем же так переигрывать.

– Там, в сводчатой галерее, – прошептала я. – У шляпной лавки. Через полминуты.

После этого я остановилась, позволив ему спокойно идти дальше, и сделала вид, что изучаю порванный рукав. Там действительно образовалась приличная дыра, украшенная по краю изрядным количеством грязи и кровью из ссадины под ней.

Меня снова звал Филипп. Судя по всему, он метался в поисках между рыночными прилавками, где мы потерялись. Но сейчас мне было не до того. Себастьяно важнее.

Не особо торопясь и стараясь быть незаметной, я прошла за торговыми рядами и дальше через аркаду рынка, пока не оказалась в галерее у шляпной лавки. Увидев торчащий кончик пера шляпы Себастьяно, я с облегчением выдохнула. Он ждал меня!

Но уже через секунду меня охватила паника, потому что не успела я

подойти к галерее, как чья-то рука сцапала меня и затащила под своды. Меня со всей силы прижали к стене, и я хотела уже звать на помощь, – кто-то, видимо, меня здесь караулил! – но, к ужасу своему, поняла, что это именно Себастьяно, так грубо ухватив за ворот, с грозным видом пристально смотрел мне в лицо.

– Кто ты, девчонка, черт тебя побери? Откуда тебе известно мое имя? И зачем так глупо навязываться, не говоря уже о том, чтобы назначать свидания?

– Че... Что? – промямлила я.

– Кто ты такая? – рыкнул он.

Нет, это не игра, все по-настоящему. На какое-то безумное мгновение я поддалась иррациональной надежде, что, может быть, это двойник. Или кто-нибудь из параллельного мира. Но потом увидела у него над правой бровью маленький шрам. И маленькую родинку под ухом, которую так часто целовала.

«Но ты же меня знаешь! Мы же оба из будущего и уже второй год вместе», – хотела сказать я. Но ни звука выдать не получилось. Рот открыть я смогла, а что-то произнести не вышло. В действие вступила блокировка, а это означало, что поблизости, прислушиваясь к нашему разговору, находился кто-то непосвященный. Я попыталась говорить шепотом, чтобы не услышал никто, кроме Себастьяно. К моему ужасу, и на этот раз ничего сказать не получилось. Ни одного слога. Как в разговоре с кем-то из Неведающих. Этому могло быть только одно объяснение: Себастьяно забыл, кто он и откуда! Блокировка сработала из-за него!

– Кто тебя подослал? – наехал он на меня. – Не заодно ли ты с этим типом в маске?

– Нет!

Он смотрел на меня недоверчиво.

– Что тебе от меня нужно? Как тебя зовут?

– Анна, – с трудом вымучила я.

– Имя не французское. Откуда ты родом?

– Из Германии. У меня мама – француженка, – пролепетала я, инстинктивно прибегнув к той же лжи, какую насочиняла для Сесиль. По лицу побежали слезы, я разрыдалась. Пережитый шок был слишком сильным. – Я хотела только поговорить с тобой... побыть с тобой наедине...

Лицо его смягчилось, он смотрел теперь с легкой насмешкой.

– А, у кого-то, похоже, амурные притязания, да? Рандеву с офицером гвардии? Так дело в этом? – Он взял меня за подбородок. – А ты

прехорошенькая, Анна из Германии. Я мог бы соблазниться. Эти сладкие губки и правда так и зовут целовать их. – Внезапно склонившись ко мне, он прижался своими губами к моим. Поцелуй был коротким, но крепким, и у меня тут же задрожали колени. Но в следующее мгновение он уже отпустил меня. – Лучше тебе поискать для своих амурных дел кого-нибудь другого. И не стоит пытаться залезть на дерево, которое для тебя слишком высоко. – Он легонько щелкнул меня по носу, а затем просто развернулся и ушел.

Я так и стояла под сводами галереи, словно парализованная ужасом, в то время как он быстрыми шагами скрылся за ближайшим углом, чтобы присоединиться к своему отряду. Я почти ничего не видела сквозь плотную пелену слез. А думать и тем более не могла. Охваченная страшным смятением, я ничего не понимала. Ясно было лишь то, что при последнем переходе во времени что-то у Себастьяно пошло наперекосяк. Я теперь была для него чужой. Ему подсунули новую жизнь, а старую стерли, и меня вместе с ней.

Меня трясло. И все-таки я постаралась, сделав глубокий вдох, взять себя в руки. Только не психовать! Кто-то должен вытащить Себастьяно из этой истории. Если я ему не помогу – то кто же? Нужен план действий, и срочно. Для этого мне требовалась помощь.

Филипп все еще звал меня. Собравшись с духом, я покинула своды галереи и пошла к нему. Ноги двигались с трудом. Раньше как наркоз действовали адреналин и радость встречи, а теперь боль дала о себе знать. Локоть горел, и содранные ладони тоже, не говоря уже о том, что делалось у меня в душе. Там была сплошная открытая рана.

Я подозревала, что мне предстоит решить самую трудную в моей жизни задачу.

Часть вторая

Париж, 1625

– Да-а-а, боюсь, теперь у нас действительно проблемы, – сказал Гастон, услышав, что произошло.

Филипп привел меня к нему. От рынка было действительно недалеко, только два раза свернуть, и ты на месте. Гастон жил на втором этаже респектабельного дома на Рю дю Жур, он занимал там две большие наполненные светом и воздухом комнаты с окнами из настоящего стекла и красивым паркетом. За домом находился чистый туалет, и это меня спасло, потому что после встречи с Себастьяно со мной случилась сильнейшая атака раздраженного кишечника всех времен. Разумеется, сортир был без канализации, но относительно новый, поэтому там не воняло так отвратительно, как в обычных отхожих местах, а это уже настоящая роскошь.

Да и в остальном Гастону в этом столетии, кажется, жилось неплохо. У него даже был слуга, который, перед тем как с поклоном удалиться, подал нам разбавленное вино и мясные паштеты. Мы с Гастоном хотели поговорить без блокировки, значит, нас никто не должен был слышать, даже Филипп. Пока мы разговаривали, он ждал у дома. Гастон, сидя в кресле у окна, набивал себе живот, а я обрисовывала ему ситуацию.

– Прости, что ем, – сказал он. – Я всегда голодный, когда нервничаю.

Еще один паштет исчез у него во рту.

– Не напрягайся.

– Так, значит, Себастьяно ничего не помнит? Вообще ничего?

– Ничего, – подтвердила я.

– Это объясняет, почему он так грубо со мной обошелся. Логично. Мои послания были ему ни к чему, раз он не понимал, что все это значит.

– А как он повел себя, когда вы сюда прибыли? – спросила я. – Я имею в виду, сразу после перехода во времени. Он тогда еще знал, кто он?

– Меня же в тот момент рядом не было, был только Старейшина.

– Тот самый клошар на мосту?

– Именно.

– А где же он сейчас?

– Понятия не имею, он постоянно где-то в разных местах.

Как и Эсперанца. Я невольно положила руку на мешочек, висевший под одеждой.

– А как же нам отсюда выбраться, если Старейшина не здесь? – спросила я.

– Пустяки, к смене лунных фаз он опять объявится. Тогда я с ним все и обговорю. – Гастон ткнул пальцем в закуски: – Попробуй-ка. Они очень вкусные, эти штуки. Особенно вон те маленькие, с салями. Свежак, только что с рынка.

– Спасибо, я не голодна. – Горло мне словно сдавило. Ни кусочка не смогла бы проглотить. А разбавленного вина я несколько глотков отпила, ужасно мучила жажда. В этом времени уже за завтраком все смешивали воду с вином, потому что колодезная вода часто отдавала затхлостью. Заодно и настроение поднималось – в самый раз новый день начинать. Хорошее настроение мне сейчас совсем не помешало бы. Но ведь стоит только эту дурацкую привычку перенять, раз-два – и ты алкаш, а проблем и без того хватает. Заметив, что вино ударило мне в голову, я тут же отставила бокал. В затуманенном состоянии сознания я неспособна мыслить здраво.

Гастон с этим не парился. Он щедро наполнил свой бокал и потихоньку влил в себя все до капли, пока я рассказывала ему о подозрительном типе, которого видела сперва у гостиницы, а потом на рыночной площади.

– И ты абсолютно уверена в том, что это один и тот же человек? – скептически поинтересовался он.

– Совершенно уверена.

– Может, ты перепутала?

– Нет, я его узнала.

– А как он выглядел?

– Обычно, – я и сама понимала, что этого маловато. В описании людей без особых примет я не слишком сильна. – Лет тридцати пяти – сорока, шатен, ничем не примечательное лицо.

– Ну, так это мог быть мой зубной врач. Или дядя. Или мой школьный учитель немецкого.

– Или какой-нибудь путешественник во времени, – разозлилась я.

– Теоретически, конечно, – допустил Гастон. – Я их тоже не всех знаю.

Казалось, все это не очень его интересовало, и поэтому я пока не стала разворачивать свою теорию о том, что застрелить кардинала попытался чуть позже именно тот незнакомец на рыночной площади.

– Так что же нам делать с Себастьяно? – спросила я. Как бы то ни

было, сейчас этот вопрос был важнее всего.

– В любом случае нам нужно бороться с потерей памяти, – высказал свое мнение Гастон. Он скрестил ноги в шелковых чулках, а руки сложил поверх набитого центра своего мироздания. – Надо что-то придумать. Вообще-то у меня только одна идея. Его нужно отсюда убрать. Из этой обстановки, из этого времени. Ты должна вернуть его. Ну, то есть в две тысячи одиннадцатый год. Вероятно, там он все вспомнит.

– Прекрасная идея. Но, может, ты подскажешь заодно, как это сделать? Мне, что ли, пойти к нему и сказать: «Эй, не желаешь ли сегодня ночью прогуляться со мной по мосту?»

– Почему бы и нет? В конце концов, вы пара, и к тебе он скорее прислушается, чем ко мне.

– Ты забыл про одну маленькую деталь. Мы – *не пара*. Во всяком случае, в данный момент. Он меня вообще не знает!

– Вот это, дорогая Анна, тебе и нужно изменить. Ты должна убедить его, что вы созданы друг для друга. И в первую очередь, что эта ночная прогулка стоит того, чтобы ее совершить.

– И как именно мне нужно действовать?

– С помощью женской хитрости! Романтическая прогулка, поцелуй под луной – почему бы этому всему и не сработать? В конце концов, один раз он в тебя уже влюбился.

– Ну супер! – разочарованно ответила я. – Ничего не скажешь, грандиозный план.

– Звучит как-то саркастически.

– Потому что это и сказано с сарказмом.

Мне вспомнились последние слова Себастьяно. *Лучше тебе поискать для своих амурных дел кого-нибудь другого, малышка Анна. И не стоит пытаться залезть на дерево, которое для тебя слишком высоко.*

– Он считает себя существом высшего сорта, – объявила я, охваченная внезапным негодованием. – В образе Золушки я, видимо, не пробуждаю в нем охотничьего инстинкта. – И в раздражении прибавила: – Он мне тут даже сам заявил, что я его не привлекаю. Может, придумаешь, что с этим делать?

Гастон посмотрел на меня более внимательно:

– Хм, да, вид у тебя сейчас не больно-то привлекательный. Ты что, всю ночь кутила? – Он ткнул пальцем в мое платье: – Выглядит так, словно ты поразвлеклась на славу.

– Ну еще бы. На вечеринке зажигала. И если уж веселиться – то до упаду, вот я только что в грязи как следует и вывалялась. – Я, в гнев

отдернув порванный рукав, показала ему содранные до крови ладони. – Упала я, понятно? И ночью я почти не спала, потому что Сесиль хотелось поболтать! Вдобавок спала я на полу, – с горечью я указала на соседнюю комнату, где в открытую дверь видна была широкая, заваленная подушками кровать. – С твоим бюджетом не сравнить.

– Я по делам здесь часто бываю, – стал защищаться он. – Поэтому, ясное дело, хочется устроиться поудобнее. – Он откашлялся: – Если история затянется, я подыщу тебе пристанище получше.

– Что значит «затянется»?

– Ну, дольше, чем до следующей смены фаз Луны. Ведь может же так случиться, что тебе понадобится время, чтобы убедить Себастьяно.

– А до смены фаз я буду спать у Сесиль на полу, что ли?

– Я позабочусь, чтобы она поставила для тебя кровать. Ты должна жить у надежного человека, который не станет задавать лишних вопросов и поможет в быту. Она родилась в Париже и знает город как свои пальцы.

– Пять пальцев, – поправила я.

– Что? – он посмотрел на меня с недоумением.

– Нужно говорить «как свои пять пальцев», а не «как свои пальцы».

– О, спасибо! – с довольным видом улыбнулся он. – Всегда рад узнать что-то новое. Здорово, что мы можем говорить по-немецки, не пользуясь универсальным режимом.

Ага. Значит, он называет межгалактический преобразователь универсальным режимом.

– Это официально принятое выражение? – спросила я.

– Нет, его только я использую. Мне оно кажется очень подходящим.

– А с кем-нибудь из Старейшин ты уже об этом говорил? Я имею в виду, про универсальный режим. Откуда он взялся и кто его создал. И о блокировке. Как ты называешь блокировку?

– Просто блокировка, – сказал Гастон. – А что касается разговоров, ты же знаешь этих Старейшин. Их можно тысячу раз спрашивать, ни одного ответа не получишь.

Да, это я знала на собственном опыте. И все-таки не исключала вероятности, что Гастон осведомлен обо всем несколько лучше. Но, видимо, он был таким же рядовым сотрудником, как мы с Себастьяно.

– Так что же мы будем делать дальше? – спросила я. – Как-то ведь мне нужно к нему подобраться, если я собираюсь его в чем-то убедить.

– Кажется, у меня родилась гениальная идея.

Я нашла идею довольно глупой, но в нашем положении особого выбора у меня не было, и я согласилась. Прежде чем начать действовать,

нужно было срочно привести себя в порядок, поэтому мы с Филиппом сперва вернулись на Рю Персе, пройдя несколько долгих километров, по крайней мере об этом говорила боль в ногах, засунутых в разболтанные сандалии Сесиль. Только когда мы уже почти пришли, я вспомнила, что Эсперанца положила мне в мешок и туфли.

На этот раз мы пересекли Сену по другому мосту, какому-то деревянному сооружению, скорее производившему впечатление временного.

– А почему мы не пошли по мосту Нотр-Дам?

Филипп смущенно откашлялся:

– Этот путь короче.

Ага. Значит, надушенный Батист был прав, упрекая Филиппа, что тот делает крюк специально из-за него. Но сердиться на Филиппа я не могла, в конце концов, благодаря ему я наткнулась на лавку Эсперанцы. Хотя не исключено, что, даже если бы мы пошли более короткой дорогой, я все равно нашла бы ее, и, вероятно, совсем в другом месте.

– А это что за мост? – поинтересовалась я. – Просто чтобы знать, когда буду ходить по городу одна.

– Понт-о-Шанж.

Я остолбенела. Этот простой, похожий на временное сооружение мост использовали как портал? Рассмотрев здания на другом берегу, я действительно узнала старый дворцовый комплекс с башнями или по крайней мере отдельные его части, которые видела с моста Понт-о-Шанж в своем настоящем времени. Чуть дальше вниз по реке виднелся Пон-Неф, еще один сохранившийся до наших дней мост.

– Еще четыре года назад Понт-о-Шанж был большим и роскошным, – рассказал Филипп. – В этом месте через реку шел еще и второй мост, Пон-Маршан. Всего здесь стояло четыре ряда домов. А потом случился страшный пожар, в течение нескольких часов все сгорело дотла. Мост собираются построить заново, но для этого нужно время.

Я спросила себя, не связано ли разрушение моста с находившимся здесь порталом. Когда мы шли по нему, я с любопытством озиралась вокруг, но ничего примечательного так и не обнаружила. Только на середине мне показалось, что по спине пробежал озноб, но, возможно, у меня просто разыгралось воображение.

Когда мы пришли на Рю Персе, Сесиль все еще спала. Прошло какое-то время, прежде чем нам удалось, барабанив в дверь, вытащить ее из постели, и настроение у нее было соответствующее. И все же спустя несколько минут она стала гораздо любезнее, поскольку Филипп передал

ей пригоршню серебряных монет. Гастону пришлось раскошелиться, чтобы обеспечить мне на ближайшие дни надежный кров. Я ни словом не обмолвилась о том, что теперь у меня самой есть деньги, потому что у Гастона наличных, судя по всему, было предостаточно. Одни его чулки стоили, вероятно, целое состояние, поэтому я не посчитала нужным растрачивать собственные средства. По своему печальному опыту я знала, как важно, когда застрял в прошлом, иметь хоть какой-то неприкосновенный запас. В тяжелых случаях на счету был каждый цент. Или каждый денье, если считать в местной валюте.

По пути к дому Сесиль Филипп рассказал мне о ходивших здесь в обороте монетах. Двенадцать денье равнялись одному су, а двадцать су – одному ливру, причем ливр был не монетой, а лишь счетной единицей на основе массы серебра, состоящей из определенного количества денье или су. Кроме того, в обращении ходила еще золотая монета под названием эку, самая ценная, стоившая несколько десятков ливров. Сколько точно, Филипп и сам не знал, ведь у него никогда не было золота. А еще можно было расплачиваться монетами других государств, главное, чтобы они не оказались фальшивыми.

Филипп разъяснил мне и покупательную способность этих денег, ну, например, за сколько можно пообедать, сколько стоит пара обуви или аренда комнаты в месяц. С моим запасом я могла протянуть довольно долго. Мне ведь много не надо. Спать я могла у Сесиль, получая к этому, как она мне великодушно пообещала, ужин и вино для сладкого засыпания. Одежды, благодаря Эсперанце, у меня тоже было достаточно. А есть и пить я буду на рабочем месте, о котором должен договориться Гастон. Предполагалось (в этом и состояла «гениальная идея» Гастона), что я буду обслуживать посетителей в таверне «Золотой петух», куда постоянно заходил Себастьяно со своими друзьями-мушкетерами. Там-то я и смогу опять встретиться с ним, сделав вид, будто встреча абсолютно случайная.

– Я лично знаком с хозяином, – заявил Гастон. – Классный ресторатор! Это у него готовят те вкуснейшие паштеты. Кстати, там еще и буйабес великолепный. Попробуй непременно.

Есть мне по-прежнему не хотелось, но, когда Сесиль предложила кусок вчерашнего засохшего хлеба, я не сказала «нет». За это время хлеб стал твердым, как сухарь, но желудок успокоил. Филипп принес воды из колодца и, пока я мылась и переодевалась, ушел добывать для меня матрас. Сесиль дала мне горшочек с мазью для заживления ран, чтобы обработать ссадины, и снова угнездилась на кровати, прихватив бумагу и перья. Она

делала заметки к новой пьесе, придумывала для нее сюжет.

– Меня очень вдохновила комедия, о которой ты мне рассказала, – Соq au vin. Я построю на этой идее свою историю. Пьеса получится чудесная! Буду регулярно сообщать тебе, как продвигается работа.

Я бы лучше побольше узнала о ее ужасном браке с надушенным Батистом, но расспрашивать все-таки не решилась, посчитав это бестактностью. В любом случае сейчас Сесиль казалась не слишком уж несчастной, а скорее, наоборот, вполне довольной жизнью. Отчасти ее настроение, конечно, объяснялось деньгами и классными идеями для новой пьесы, но наверняка свою роль играло и вино, которым она заправлялась в больших количествах. Пусть даже она прилично разбавляла его водой, но при выпиваемых объемах это уже тянуло на хорошую утреннюю попойку.

Она наблюдала, как я надеваю свежие вещи из мешка Эсперанцы – чистое белое нижнее платье и синее верхнее, из хлопка. Ничего сногсшибательного, но все точно моего размера. Довершали образ суперудобные туфли из мягкой кожи со шнуровкой по ноге. Эсперанца положила мне еще два комплекта нижней и верхней одежды, а также вторую пару обуви, так что переодеваться было во что. Нижнее белье представляло собой что-то вроде мешковатых трусиков на тесемках и такой же мешковатой рубашечки, которую я не стала надевать из-за жары.

– Очень приличные вещи, – заключила Сесиль. Она тайком рыгнула. – И где ты их так быстро раздобыла?

– Купила в одной лавке по дороге.

– На деньги твоего кузена? Того самого, что собирается устроить тебя в таверну «Золотой петух»?

– Точно.

Филипп рассказал ей о моем кузене Гастоне и о том, что я за это время его разыскала и он поддержал меня деньгами. Сесиль без дальнейших расспросов просто припрятала переданные Филиппом деньги за постой.

– А ты когда-нибудь прежде работала подавальщицей? – поинтересовалась она.

– Нет, но надеюсь быстро научиться.

– Не сомневаюсь. Для этого большого ума не требуется. Нужно просто все делать быстро, а главное – быстро уворачиваться. Важно с самого начала показать мужчинам, что им позволено, а что нет.

– Ты о чем? – Я стояла перед зеркалом, разглядывая свое отражение. Недурно, особенно по сравнению с тем, как я выглядела сразу после пробуждения.

– Ну, например, разрешаешь ли ты себя лапать. Посетители мужского

пола чаще всего именно это и проделывают, когда ты наклоняешься над столом и обе руки у тебя заняты.

Я одернула платье и подтянула шнуровку под мышками, чтобы оно лучше село.

– Конечно же, лапать себя я не позволю, – заверила я.

– Вот-вот. Тебе нужно дать им это понять. Погоди. Давай-ка порепетируем. – Она вскочила, отбросив листы со своими заметками в сторону. С выражением нетерпения на лице она всучила мне в правую руку большой флакон духов, а наполовину пустую чашу для вина – в левую.

– Представь, что вот это – пивная кружка, а это – миска с супом. А я сейчас буду посетителем, – положив руку мне на грудь, она подбадривала меня взглядом: – Ну, и что ты теперь будешь делать?

Я, ничего не понимая, посмотрела сначала на руку, затем на Сесиль. Через пару секунд до меня дошло. Я сделала то, что было проще всего, – отступила на шаг назад, так что ее рука повисла в воздухе, но Сесиль неодобрительно покачала головой.

– Этого недостаточно. Как только ты опять подойдешь к столу, парень сделает то же самое. Кто-нибудь такого сорта там обязательно найдется. Некоторые уже с утра приходят пьяными, им галантные манеры неведомы.

– Понимаю. – Поставив пивную кружку и миску, я изобразила, будто влеплю ей затрещину, но она только расхохоталась.

– Сама идея замечательная. Но поверь, оплеуха не поможет. Она их только раззадорит. Нет, чтобы отпугнуть, нужно сделать что-нибудь ошеломляющее. Вот как нужно действовать. – Схватив флакон с духами, она сделала вид, что выплескивает содержимое мне в лицо. К сожалению, пробка сидела не прочно. Брызги отвратительной фиалковой воды попали мне на лоб. Вытираясь, я хихикнула:

– Это что – пиво или суп?

* * *

– Это моя кухня Анна, – сказал Гастон хозяину. – Она из Германии, бежала от ужасов войны. Анна так хорошо говорит по-французски, потому что мать ее родом из Парижа.

Мы остановились на этой легенде из практических соображений. Раз уж я ее использовала, то по крайней мере не запутаюсь, если возникнут еще какие-то вопросы.

Хозяина звали Мирабо. Он страшно обрадовался, если не пришел в

полный восторг, потому что свято верил, что небо вняло его молитвам. Случаю было угодно, чтобы не больше часа тому назад предыдущая подавальщица взяла расчет.

– Просто так, на ровном месте! – сетовал месье Мирабо. Его бакенбарды колыхались от возмущения. – Жюли сказала, что нашла место получше! И кому она это сказала! После всего хорошего, что я для нее делал! Она ведь даже посуду не мыла!

Спорный вопрос, была ли новая работа Жюли лучше, но рабочее время она себе в любом случае значительно сократила. Теперь ей нужно было два раза в неделю убирать квартиру и чистить отхожее место у Гастона за те же деньги, что она получала в «Золотом петухе». Переманив ее таким образом за спиной месье Мирабо, Гастон заявился туда на обед и предложил – конечно, чисто случайно – решение внезапно возникшей проблемы: меня.

Таверна находилась на Рю Сен-Дени, недалеко от рынка. Низкий потолок лежал на толстых деревянных балках, стены тоже имели фахверковую конструкцию. Помещение для посетителей грубо сколоченными столами и скамьями напоминало большую, уютную комнату в сельском доме. При первом же взгляде на месье Мирабо, дородного оживленного человека под сорок, в нем угадывалось пристрастие к хорошей еде. Это объединяло их с Гастоном. Едва успев согласовать детали моего трудоустройства – двенадцатичасовой рабочий день без выходных, еда без ограничений и оплата, граничащая с рабской, – они принялись со знанием дела обсуждать, каким способом лучше всего готовить седло ягненка.

Я стояла рядом и слушала вполуха, осматриваясь. В таверне стояли три больших стола на восемь мест, то есть самое большее здесь могло поместиться две дюжины человек. Но сейчас обедали, время от времени с любопытством поглядывая в нашу сторону, всего восемь посетителей, сидевших в разных углах таверны.

После того как Гастон и месье Мирабо пришли к единому мнению, что седло ягненка в медовой глазури гораздо вкуснее седла ягненка с розмариновой корочкой, месье Мирабо оглядел меня более внимательным взглядом.

– Ваша кухня, кажется, еще совсем юна, – критически заметил он. – По меньшей мере в половину моложе Жюли.

– Но ведь и платить вы ей будете в половину меньше, – парировал Гастон.

– Откуда вам это известно?

Гастон элегантно обошел этот вопрос:

– Кроме того, она привлечет к вам в два раза больше посетителей. Посмотрите только, как она мила.

– Хм, – хмыкнул месье Мирабо. – Действительно мила. Но есть ли у нее опыт в обслуживании?

– Она все схватывает на лету. Вам потребуется только один раз объяснить ей, что нужно делать, и она справится. Ах да, пока не забыл: бить ее нельзя. Она крайне чувствительна.

Меня всегда раздражало, если люди в моем присутствии говорили обо мне так, словно меня не было рядом, но в этом случае я предпочла воздержаться от вертевшихся на языке едких замечаний. Прежде всего на тему побоев.

Тут Гастон счел, что ему пора исчезнуть, предоставив меня моей судьбе. Месье Мирабо помахал ему вслед, как лучшему другу, а затем обернулся ко мне, призывно хлопнув в ладоши:

– Давай-давай, девочка! Чего ждешь? За работу! – Он погнал меня в кухню, где я познакомилась с остальными работниками – служанкой с круглым, как луна, лицом, мывшей посуду и разливавшей вино, и пожилым помощником повара, который стоял у огня, помешивая что-то в исходящем паром котле. Пахло дымом и гороховым супом. Облака пара заполняли помещение, окутывая туманом месье Мирабо, пока он вкратце, загибая пальцы, чтобы легче запоминалось, объяснял мне, в чем состоят мои обязанности – конкретно в трех пунктах: во-первых, принимать заказы, во-вторых, приносить их и, в-третьих, убирать со столов. Принимать оплату месье Мирабо предпочитал сам. У женщин, как он мне объяснил, с этим очень большие трудности. Жюли, по его словам, тоже не была на это способна.

– Она вообще не умеет считать, – сказал месье Мирабо. – Даже простейшие суммы сложить не могла.

Это обстоятельство прямо-таки расположило меня к Жюли. Описанная работа не показалась такой уж тяжелой. Никакого меню не существовало, тем более что большинство людей не умели читать, и кроме того, на выбор предлагалось всего три блюда – гороховый суп со шпиком, мясо с хлебом и холодная закуска из ветчины, колбасы или сыра. Напитки были тоже лишь трех видов: красное вино, белое вино и пиво. Готовые блюда выставлялись в кухне на большом комод, напитки разливались у барной стойки. От меня требовалось только забирать их и относить на столы. В принципе, ничего особенного, и младенец бы справился.

Через час голова у меня шла кругом, и я совершенно запуталась. А началось все очень безобидно – с фартука. Служанка дала мне его со словами, мол, пригодится. Но я отказалась, потому что эта гадость была усеяна жирными пятнами и воняла. Я не хотела, когда появится Себастьяно, снова выглядеть так, словно проползла на животе пол-Парижа. В конце концов, мне нужно было произвести на него хорошее впечатление, чтобы он как можно скорее вспомнил меня, и это тем вернее удастся, чем больше я буду похожа на саму себя, а не на половую тряпку на ножках.

В общем, я принялась за работу без фартука, и это оказалось большой ошибкой, ведь мне пришлось таскать столько мисок с переливающимся через край супом и столько тарелок и блюд, с которых тек жир, что скоро платье спереди выглядело гораздо хуже, чем фартук. Те восемь человек, что уже отобедали, были, так сказать, ранней сменой. Только я успела убрать за ними пустые тарелки, горшки и блюда, как нахлынула следующая волна дневных посетителей, и их было действительно много. Шумные и голодные, они ввалились в таверну, втиснулись за столы и стали во все горло требовать обслуживания, то есть меня. В секунду помещение набилось до отказа. На скамьях сидело чуть не вдвое больше людей, чем полагалось, и все хотели получить свою еду немедленно. Напитки, конечно же, тоже – и как можно больше. Я непрерывно носилась между столами, кухней и барной стойкой, пот лился с меня ручьем, потому что становилось все жарче. Окна были открыты нараспашку, но беготня туда-сюда действовала почище сдвоенного занятия по легкой атлетике у господина Шиндельмайера, нашего учителя физкультуры, которого все звали просто Живодером. К тому же постоянно приходилось забегать на кухню, где было по меньшей мере еще на десять градусов жарче. В этой парилке моя коса расплелась, и волосы беспорядочными прядями спадали на лицо. Красивое, когда-то чистое платье все больше покрывалось пятнами, а голова казалась забитой липкой жвачкой. Когда посетителей набралось больше тридцати, я уже никак не могла запомнить, кто из них что заказал, и, соответственно, дело шло очень медленно. Несколько раз я приносила не ту еду, про какие-то заказы забыла вообще. Когда прозвучали первые жалобы, месье Мирабо задал мне при всех хорошую взбучку.

– Что же ты за безмозглое, нерадивое существо! Я уже начинаю жалеть, что по доброте сердечной предложил тебе оплату и еду! И уж в любом случае мне жаль, что по договору с твоим кузеном я не могу тебя

отлупить, потому что сделал бы это сейчас с огромным удовольствием!

Люди за столами засмеялись. Я чувствовала себя совершенно уничтоженной и уже была готова сдаться и пойти к Гастону, чтобы он придумал какой-нибудь другой план, но потом, сцепив зубы, при следующем заходе на кухню спросила месье Мирабо, есть ли у него чем писать.

Он уставился на меня, как на пришельца из космоса.

– Зачем это тебе, девчонка?

– Ну, чтобы писать.

– Ты умеешь писать? – осведомился он, вне себя от удивления.

– Да. Я хочу записывать заказы, так дело пойдет быстрее.

По-прежнему пребывая в замешательстве, он принес восковую дощечку и грифель – блокнотов и карандашей в это время, конечно, еще не было. Я сообразила, как это работает – острым концом пишешь, а тупым, широким, стираешь записи, и опять появляется место для новых. Фартук мне все-таки пригодился, потому что в нем был большой карман, куда я могла класть дощечку, когда несла еду и напитки или собирала грязные тарелки и бокалы. Теперь все пошло гораздо лучше. Я пронумеровала столы и разделила дощечку на три столбика для заказов, благодаря чему ни разу больше не ошиблась и ничего не забыла. Я заметила, что люди шушукались – вероятно, не каждый день увидишь грамотную подавальщицу, – но меня это совершенно не волновало. Месье Мирабо, преодолев сомнения, тоже был более чем доволен моим эффективным методом работы. Ему даже пришло в голову, что, может, я и считать умею достаточно для того, чтобы принимать оплату. Тогда у него появилось бы время для приготовления рагу из оленины – задачи, по словам месье Мирабо, очень сложной и требующей самой высокой степени концентрации. Я тут же заявила, что в цифрах разбираюсь плохо (и по меркам моего собственного времени вовсе не лгала). В ответ он, грустно пожав плечами, предположил, что вставить в голову бабы отсутствующие мозги не удалось бы, пожалуй, даже самому старательному учителю.

Несмотря на утомительную работу, время тянулось мучительно медленно. Часы мне были не нужны, потому что колокола всех окрестных соборов очень кстати били каждый час. Некоторые звонили даже каждые пятнадцать и тридцать минут, поэтому все знали, сколько сейчас времени. В Париже почти на каждом углу стоял какой-нибудь собор или монастырь с колокольной, и не услышать перезвон было просто невозможно. Я пахала час за часом, а Себастьяно так и не появился. Постепенно я начала нервничать и задаваться вопросом, все ли верно разузнал Гастон. В конце

концов, Себастьяно мог приходить сюда вовсе не каждый день, а всего лишь раз или два в неделю. А я буду зря торчать тут как дура.

В «Золотом петухе» все еще царило оживление, хотя суматоха несколько улеглась. Приходили в основном торговцы с рынка и владельцы лавок, иногда вместе с женами – солидные господа, желавшие просто спокойно поесть. Но чуть позже я разволновалась, потому что после часа дня в таверне стали появляться мушкетеры. Они уже полностью заняли один из столов.

– Откуда здесь так много мушкетеров? – спросила я как бы между прочим у месье Мирабо, забирая на кухне очередную порцию воловьего жаркого.

– Рядом казарма гвардейских частей. Но многие молодые господа и живут в округе, они каждый день у нас едят. Отличные клиенты, большинство из них – древняя знать. Храбрые офицеры. Гордость короля и кардинала. Будь с ними пообходительней, дитя мое!

Некоторые мушкетеры появлялись тоже в сопровождении дам. Под конец вошли пятеро гвардейцев в прекрасном расположении духа в компании двух девушек моего возраста. Обе расфуфыренные, с наруганными щеками, завитыми локонами и кружевными декольте. Принарядились и гвардейцы. Расстегнутые из-за жары камзолы были украшены золотой тесьмой, рубашки с пышными рюшами, сапоги надраены до блеска, а перевязи для шпаг обшиты серебром. Широкополые шляпы с перьями полетели на прибитую рядом с входной дверью полку, перевязи с оружием были повешены на крючки за скамьями, где их владельцы в любой момент могли до них дотянуться. Не прерывая оживленной болтовни, мушкетеры расположились за последним свободным столом. Обливаясь потом, на отяжелевших ногах я потащилась к новым посетителям, чтобы принять заказ. Надежда на то, что Себастьяно еще появится, почти улетучилась. Но в эту самую минуту подоспел еще один припозднившийся посетитель. Сняв шляпу, он положил ее к остальным и стал оглядываться в поисках своей компании. От страха я выронила восковую дощечку. Это был Себастьяно.

* * *

– Эй, Себастьян, ну наконец-то! – крикнула одна из юных дам с кокетливой улыбкой. – Иди сюда, мы оставили для тебя местечко!

Улыбаясь, Себастьяно пересек комнату. На меня он не смотрел, только

на своих друзей за столом. Сделав следующий шаг, он наступил на мою восковую дощечку, которая под его сапогом раскололась надвое. Я поспешно нагнулась, чтобы ее поднять, чего лучше было не делать – потому что Себастьяно наклонился в ту же секунду и мы с размаху столкнулись головами.

– Что, черт по... – он выпрямился, раздраженно потирая лоб. Несколько мгновений спустя он узнал меня, и лицо его приняло грозное выражение: – Ты?

Я тоже терла лоб. Было очень больно, и я чувствовала, как на месте удара растет шишка.

– Простите, – вяло извинилась я.

– Себастьян, это не та ли девчонка, что сегодня утром бросилась тебе под ноги?

За вопросом молодого гвардейца, сидящего на скамье с краю, последовал всеобщий хохот. Это был миловидный тип лет двадцати с небольшим с каштановыми локонами и темными глазами под густыми ресницами. Поднявшись, он собрал обломки дощечки и протянул их Себастьяно.

– Смотри, что ты натворил, – усмехаясь, сказал он. – Боюсь, теперь это милое дитя не сможет принять наш заказ.

Себастьяно, нахмутив лоб, рассматривал восковую дощечку или, лучше сказать, то, что от нее осталось. На ней еще сохранились последние заказы соседнего стола.

– Это ты писала? – спросил он.

Во рту у меня пересохло, и я только молча кивнула. Как же он невероятно красив! Я чуть было снова не разрыдалась при мысли, что он меня не помнит. Глаза жгло от наворачивающихся слез. Судорожно щурясь, я отвела взгляд. Если я не возьму себя в руки, никогда не смогу привлечь его внимание. Точнее говоря, то внимание, которое для меня ценно, а не «Посмотри-ка, что за деревенщина».

– Что это за девчонка, Жак? – спросила одна из дам молодого человека, поднявшего дощечку.

– Ах, да она сегодня утром во время этой суматохи на рыночной площади хотела поговорить с Себастьяно.

– И о чем же?

Краем глаза я видела, что Жак многозначительно улыбнулся.

– Этого мы не знаем, – вмешался в разговор другой гвардеец. – Вероятно, тут какие-то сладостные секреты.

Они с Жаком походили друг на друга как две капли воды, видимо,

будучи близнецами. Различались они только цветом штанов. У Жака были серые, а у его брата голубые.

– Себастьян, Жюль говорит правду? – спросила вторая девушка. – У тебя с малышкой сладостные секреты? Мила-то она мила. Но ей стоило бы принять ванну.

Снова взрыв всеобщего смеха. Я почувствовала, как от смущения кровь прилила к щекам. Больше всего на свете мне хотелось провалиться сквозь землю.

К моему великому облегчению, Себастьяно не поддержал этого обстрела насмешками.

– Оставьте ее в покое, – сказал он. – Девчонка меня вовсе не знает. Она просто ошиблась. – Он обратился ко мне: – Так ведь?

Я кивнула, благодарная за брошенную им спасательную веревку. Тем не менее обольщаться не стоило. Эта встреча началась так же по-дурацки, как и предыдущая. Я опять выглядела как младшая сестра Золушки. Больше того – я, как завзятая недотепа, стукнулась головой о его голову и стала в глазах его друзей каким-то анекдотическим персонажем. И теперь я просто обязана была каким-то образом все исправить. Нет, не так. Мне очень нужно было все исправить. Спрашивается только – как?

В любом случае мне следовало взять себя в руки и ни за что не распускать нюни. Вздернув подбородок, я как можно спокойнее взглянула на всю эту компанию, хотя чувствовала себя последним ничтожеством:

– Что принести господам?

Они стали заказывать, но делали это очень сумбурно. Обе дамы трижды меняли свое решение, а за соседним столом два посетителя захотели еще по бокалу вина. Схватив обломок дощечки побольше, я стала быстро записывать. Подняв глаза, я тут же встретилась взглядом с Себастьяно. Он казался каким-то... взволнованным. В надежде, что это хороший знак, я улыбнулась ему. Не натянутой улыбкой, а от всего сердца. Улыбкой, похожей на меня саму в эту минуту, – дрожащей, робкой, но полной любви.

– Вы еще ничего не заказали, месье, – сказала я.

Из-за того, что все остальные сгрудились вместе, он оказался на краю скамьи.

– Я возьму ветчину, хлеб и к этому бокал красного, – сказал он. – Но вина только на два пальца, остальное – вода.

Впившись в него взглядом, я судорожно сглотнула. Именно так он всегда заказывал вино в наших путешествиях в прошлое, когда мы вдвоем ходили что-нибудь выпить.

– Что-то не так, девочка? – спросил он.

– Нет-нет, все прекрасно, – лихорадочно закончив записывать, я поспешила к стойке, чтобы заказать напитки, а затем пулеметной очередью попросить на кухне заказанные блюда. Месье Мирабо ни в каких записях не нуждался, он без труда запоминал каждый заказ. В эту минуту он гигантским ножом мастерски нарезал огромный кусок ветчины на тонкие ломтики и только кивнул, когда я перечислила ему все заказанное.

– К сожалению, дощечка раскололась, – завершила я свой рассказ. – Я уронила ее из оплошности. Можете вычесть из моего жалованья.

– Я знаю, – пробурчал он. – Но она раскололась не от падения, а под сапогом молодого Фоскера.

– Вы его знаете? – спросила я с бьющимся сердцем.

– Ну конечно. Он один из тех, кто ест здесь каждый день. Живет на улице Рю Сен-Мартен и состоит в гвардии кардинала.

– Он уже давно сюда ходит?

Месье Мирабо наморщил лоб:

– Думаю, всего пару месяцев.

Во мне затеплилась робкая надежда. Судя по всему, Себастьяно не был навсегда переселен из будущего в прошлое, как Неведающий, а просто страдал временной амнезией.

– Он родом из Гаскони^[8], как и большинство отважных гвардейцев.

И снова сердце у меня упало. Это все-таки могло быть полное переселение. Со всем, что к этому относится, – друзьями, знакомыми, родственниками. Но только не в Париже, а в Гаскони, где бы она ни находилась. Может, у него там семья? При этой мысли все во мне похолодело.

– Единственный сын, рано потерял родителей, – продолжал месье Мирабо свой рассказ.

Я осторожно перевела дух. Семьи нет.

– И дом тоже потерял, – повествовал дальше месье Мирабо. – Все уничтожил пожар, пока сам он путешествовал. Остатка отцовского наследства как раз хватило на то, чтобы купить место в гвардии. Храбрый, целеустремленный юноша этот Фоскер. Не сдался, несмотря на трудную судьбу. Далеко пойдет.

– Вино можно забирать! – крикнула служанка на разливе.

– За работу, девочка, – велел месье Мирабо. – Я плачу тебе не за то, чтобы ты тут столбом стояла! – Но прозвучало это и вполнину не так злобно, как его первая бранная тирада.

У меня комок подступил к горлу. Рассказ месье Мирабо о Себастьяно

глубоко запал мне в душу, хотя на самом деле все было совсем не так. Пусть даже его воспоминания и не соответствовали реальности, – ведь ему внушили их какие-то высшие силы, – наверняка они все равно причиняли ему боль. Я подавала напитки, а сердце мое затопило сострадание. Когда я нагнулась, чтобы поставить на стол последний бокал вина, Жак, сидевший рядом с Себастьяно, принялся лапать меня сзади.

– Ты не прав, Себастьян, – сказал он с непристойной ухмылкой. – Под этим уродливым передником скрывается вовсе не маленькое, тощее существо. У нее там все как надо.

– Зато у вас – нет, месье! – Я плеснула вино из бокала ему в лицо: – Вот теперь все как надо.

Это спонтанное действие вызвало за столом взрыв смеха, и сам Жак смеялся, быть может, громче всех. Отфыркиваясь, он вытер лицо рукавом. По счастью, вино было белое, пятна на рубашке легко отстираются.

– Черт побери, девчонка! Ну и горяча же ты! – В его глазах зажглась искорка интереса. Не составляло труда истолковать этот взгляд, и, когда он заговорил, исчезли последние сомнения: этот тип на меня запал.

– Не присядешь ли ты к нам ненадолго?

– К сожалению, у меня работа, месье.

– А если попозже? Когда ты заканчиваешь?

– Еще не знаю. Я работаю здесь первый день.

– Так приходи после вечерни к Люксембургскому саду, мы всегда собираемся там по вечерам.

Я понятия не имела, где это, но ни в коем случае не собиралась упускать шанс сегодня еще раз увидеть Себастьяно, даже если для этого придется раньше времени бросить работу у месье Мирабо.

– Посмотрим, – с достоинством ответила я.

– Ого, малышка церемонится, – весело воскликнул Жюль. – Потрясающе!

– Да она же просто грязная маленькая служанка, – надув губы, сказала одна из девиц. – Неужели ты всерьез хочешь, чтобы она пришла к нам на встречу, Жак?

– У меня вся грязь только снаружи, – намеренно подчеркнуто парировала я.

Больше всего мне хотелось плеснуть изрядную порцию вина и этой козе в лицо. Я ненавидела ее лютой ненавистью, потому что она сидела напротив Себастьяно, постоянно прижимаясь ногой к его ноге, не говоря уже о томных взглядах, которые она с обожанием бросала в его сторону. Вот, опять! А самое ужасное – он отвечал на ее взгляд улыбкой! Уму

непостижимо. Скрипя зубами, я стояла у стола и размышляла, не пролить ли все-таки вино. Чисто по оплошности. И лучше сразу на обоих.

Жак улыбнулся мне обезоруживающей улыбкой:

– Не волнуйся, малышка. Я пригласил тебя совершенно серьезно. И даже не думал смеяться над тобой. Мне очень неловко из-за моего проступка, надеюсь, ты простишь мое бесстыдство.

– Прощено и забыто, – рассеянно сказала я.

– Где ты научилась писать? – внезапно спросил Себастьяно.

– В школе, конечно, – ответ сорвался, прежде чем я успела подумать.

– И как долго ты училась?

– Э-э-э... всего несколько лет, – признаться, что тринадцать, было совершенно невозможно, никто бы мне не поверил.

– По-моему, для женщины учиться – это странно, – прибодалась коза. – Учатся разве что монашки. Или эти мимозы, из благородных, кому деньги некуда девать.

– И правда очень необычно, – растягивая слова, сказал Себастьяно. Его глаза сузились. В них тоже мгновенно зажегся интерес, хоть я и не была уверена, что такого же сорта, как у Жака.

– Анна! Работать! – прорычал из кухни месье Мирабо, на чем пока и закончилась моя беседа с посетителями. И все же первый шаг был сделан. Я пробудила у Себастьяно интерес, и уже вечером у меня будет возможность познакомиться с ним поближе. Или, скорее, наоборот – знакомиться со мной нужно ему, ведь я-то его уже знала. И тогда он быстро вспомнит меня. Возможно. «Все будет хорошо!» – думала я.

И в эту минуту твердо верила, что так и будет.

* * *

За следующие полчаса возможности поговорить с Себастьяно больше не представилось, но я заметила, что он следит за мной взглядом. По крайней мере, мне он уделял столько же внимания, сколько и той козе. Я решила, что это хороший знак. Главное – он заметил меня.

Покончив с едой и расплатившись с месье Мирабо, он и его друзья довольно быстро собрались. Сжав кулаки, я смотрела, как коза на выходе зацепила Себастьяно под руку. Он не воспротивился. Но по крайней мере и не предпринял ничего, чтобы поддержать ее попытки к сближению.

Я услышала, как Жак, выходя, сказал моему хозяину:

– Какая у вас старательная новая подавальщица!

– Но ей не стоит подавать еду с распущенными волосами, – брезгливо взглянув через плечо, прибавила коза.

Ее слова принесли мне еще одну взбучку от месье Мирабо. Но я отнеслась к ней как к шуму дождя за окном и молча заплела волосы в косу. Теперь оставалось лишь продержаться до конца рабочего дня. К сожалению, это представлялось делом нелегким, так как месье Мирабо, похоже, ожидал, что я буду вкалывать без передышки до самого закрытия. Во всяком случае, когда основной наплыв посетителей схлынул, мне и самой позволили перекусить. Правда, только на кухне и стоя, но еда была поразительно вкусной. Я даже не заметила, как сильно проголодалась. Я стремительно проглотила порцию горохового супа, кусок жареного мяса с хлебом, а под конец еще и большой кусок сыра, запив все двумя бокалами воды в надежде, что колодец, откуда она взята, не заражен вредоносными микробами.

После этого я посетила отхожее место на заднем дворе, жутко вонючее место между курятником и кадкой с отбросами. Я поставила новый мировой рекорд по задержке дыхания, но это, к сожалению, не помогло. Зато меня переполняла решимость сделать все возможное, чтобы поскорее вернуть нас с Себастьяно назад в будущее.

Затем я обслужила еще несколько посетителей, непрерывно обдумывая, каким образом поскорее отсюда смыться. До вечерней службы (по прежним переходам в прошлое я знала, что к ней колокола звонят в шесть часов вечера) мне нужно было успеть помыться и переодеться, а значит, приближалась пора потихоньку двигаться к выходу. В конце концов помог случай в лице в стельку пьяного посетителя. Горланя какую-то песню и распространяя ядреный запах алкоголя, пота и свиного навоза, он нетвердым шагом вошел в таверну и плюхнулся на свободную скамью.

– Сейчас же выпроводи этого пьянчугу, – велел мне месье Мирабо.

Тот с готовностью дал себя поднять. Со слишком большой готовностью. Он был уже почти в бессознательном состоянии, но сумел-таки достаточно скоординироваться, чтобы меня облапать.

– О, какая красавица, – еле ворочая языком, пролепетал он, ухватив меня за вырез платья. Я отскочила, от чего передник и платье порвались. Раздался громкий треск, заглушенный моим воплем.

На самом деле урон был не так уж велик, ведь я надела еще и нижнее платье, а оно не пострадало. В общем, ничего страшного. Да и тип уже вырубился, через секунду после нападения он опять мешком повалился на скамью и заснул, положив голову на руки. Месье Мирабо тут же отправил прислугу принести мне другой фартук, еще к тому же и чистый. Тем не

менее я воспользовалась случаем, разыграв карту тонкой душевной организации. Этот шок, уверяла я, мне нужно пережить в полном уединении.

Месье Мирабо в ужасе заламывал руки, ведь вечерний наплыв посетителей еще даже не начался. Он предложил мне прибавку к жалованью (то есть не вычитать деньги за испорченные дощечку и фартук), а также подчеркнул, что настойчивость молодого дворянина я же как-то пережила. Но я не поддавалась.

– Это было последней каплей, – сказала я. – Не забывайте, что я еще почти ребенок!

Он наверняка продолжил бы приводить разные аргументы, но из кухни вдруг потянуло горелым, и он ринулся к плите.

– Ну, в общем, я пошла, – крикнула я ему вслед, но он меня не услышал. Несколько секунд спустя я уже бежала по улице, направляясь к Сесиль.

* * *

Колокола прозвонили, когда я двигалась по Рю Сен-Дени к Сене, – я считала удары, а чуть позже увидела время на часах следующей башни: четыре пополудни. Я ускорила шаг, хотя ступни горели, а ноги, казалось, налились свинцом. Найти дорогу не составляло труда, иди себе все время вперед, не сворачивая.

В городе царил та же суeta, что и утром. По шуму это столетие нисколько не отставало от моего времени. По булыжнику гулко грохотали телеги, между рядами домов цокали копытами лошади, на задних дворах гоготали гуси, на стропилах стучали молотками мастеровые.

Запахи стояли на жаре плотной стеной, воняло гораздо хуже, чем утром, особенно когда я проходила мимо того самого кладбища, которое, как я успела узнать от Филиппа, называлось Кладбищем Невинных и было самым большим в Париже.

Я прошла мимо какой-то церкви, затем к старому замку, и вот уже передо мной расстилалась река. На середине моста Понт-о-Шанж я в этот раз совершенно явственно ощутила странный озноб, и на миг мне даже показалось, что мешочек у меня на шее источает тепло. Я быстро положила на него руку, и ощущение пропало. Поспешив дальше, я пересекла остров Сите и по мосту Пон-Сен-Мишель наконец вышла на левый берег Сены.

Дверь дома Сесиль стояла открытой настежь. Рядом, сидя на табурете,

дремала старушка в черном. Дверь в квартиру Сесиль тоже была лишь притворена. Но я все-таки из вежливости постучала.

– Открыто! – крикнула Сесиль.

Я собралась войти – и в испуге отпрянула, потому что дверь потянули изнутри и в меня шибануло запахом, который я узнала еще до того, как увидела его источник. Это был не кто иной, как отставленный Батист. Лицо его над жабо налилось кровью, на лбу блестели бисеринки пота. Опустив глаза, он протиснулся мимо меня, оставив за собой огромное облако всевозможных запахов Востока, и со скоростью ветра, ни слова не говоря, исчез за дверью.

Сесиль, в чем мать родила, сидела в большом, дышащем паром ушате, натирая щеткой вытянутую вверх прекрасную ногу.

– Я не хотела тебе помешать, – проямлила я, испытывая мучительную неловкость.

– А ты и не помешала. Это всего лишь мой муж, – она беззаботно помахала щеткой. – Заходи, налей себе вина. Ты можешь помочь мне помыть голову, раз уж Батист ушел.

Ее мокрая грива викингши свешивалась через край ушата. Рядом уже стояли заранее приготовленные кадушка с чистой водой для ополаскивания и миска с мылом. Однажды я провела несколько недель в прошлом и поэтому знала, как трудно было тогда мыть длинные волосы. Пенистого шампуня еще не существовало, вместо него использовали нечто вроде кашеобразного мыла с добавлением ароматических масел. Его основательно втирали в волосы, а затем споласкивали чистой водой, и, поскольку процедура требовала много времени и сил, делали это не слишком часто. У Сесиль были блестящие, ухоженные волосы, значит, она мыла их чаще обычного. Волосы Себастьяно тоже выглядели свежими, из чего я заключила, что он регулярно соблюдал правила гигиены. В семнадцатом веке это вовсе не само собой разумелось. Правда, самые плохие времена наступят позже: через несколько десятилетий мытье полностью выйдет из моды, и жирные, вонючие волосы станут прятать под массивными париками, а едкий запах грязного тела начнут маскировать духами. От всех будет пахнуть, как от все-еще-мужа Сесиль, Батиста.

Мои собственные волосы пахли работой в «Золотом петухе», словно я мыла ими какую-нибудь закусочную. Мне нужно было во что бы то ни стало сегодня же помыть голову, пусть даже и холодной водой.

– Скажи-ка, Сесиль, – начала я, подцепив из миски мыльную массу и втирая ее ей в волосы, – а где находится Люксембург? И вообще, что это?

– Новый дворец за городской стеной. Его приказала построить для

себя мать короля. Там и парк есть красивый. Это недалеко. Нужно просто идти по улице Рю де ля Арп до конца, выйти за городские ворота, а оттуда его уже видно. По вечерам там часто встречаются молодые люди. А зачем тебе?

– Ах, мне очень хотелось бы сходить туда. В «Золотом петухе» я встретила несколько симпатичных мушкетеров. Один из них меня и пригласил. А где эта Рю де ля Арп?

– Как выйдешь из дома, так сразу на углу сворачиваешь направо. Длинная улица, которая ведет к выходу из города. – Повернув голову, она взглянула на меня. – Тебе следует остерегаться мушкетеров. Им всегда только одно нужно.

– Я буду осторожной. Можно мне взять остатки твоего мыла, когда мы закончим с твоими волосами?

– Ну конечно. И мою воду можешь использовать. Можешь помыться сразу после меня.

Я с недоверием уставилась на мутные помои в ушате.

– Паразитов или каких-нибудь заразных болезней у меня нет, – словно прочитав мои мысли, пояснила Сесиль.

– Большое спасибо, с удовольствием воспользуюсь твоим предложением.

Все остальные варианты требовали намного больше времени, и, кроме того, в жизни есть кое-что и похуже, чем мыться уже использованной водой. Например, когда от тебя воняет, как от старой фритюрницы.

– А ты что, помирилась с мужем? – спросила я. – Филипп рассказывал, что вы живете раздельно.

– Ну, что значит – помирилась? – Сесиль вальяжно откинула голову, чтобы мне было удобнее споласкивать ей волосы из кадушки. – Батист приходит сюда раз в неделю и на кухне у консьержки греет мне воду для мытья. За это ему разрешается смотреть, как я моюсь.

– Ах, вот оно что, – без всякого выражения пробормотала я. Не об этом ли говорил Филипп, когда упомянул, что Батист требует от Сесиль чего-то такого, что и произнести стыдно?

– А иной раз он приносит мне еду, вино и писчую бумагу. Ах да, и деньги на квартиру. За это я его немножко луплю.

– Ты... э-э-э?..

Она показала на висевшую на стене среди ее нарядов плетку, которую я приняла за театральный реквизит.

Ага. Понятно, они с бывшим практикуют свои тайные пятьдесят оттенков серого. Их личное дело, и меня это совершенно не касается (хотя

мне все-таки было интересно). За исключением, конечно, одного важного аспекта.

– Ты делаешь это добровольно или он тебя принуждает? Филипп рассказывал, что твой муж донес на тебя в инквизицию.

Сесиль вяло отмахнулась:

– Знаешь, Филипп принимает большое участие в моей жизни. Он завсегдатай театра. Думаю, он меня боготворит. Он бы не понял, если бы узнал, что я делаю такие вещи и очень даже хорошо себя при этом чувствую.

Значит, сказки про инквизицию она ему насочиняла, чтобы во всей этой истории предстать бедной жертвой. Я сочла такую игру довольно нечестной. О чем ей и сказала.

– Филипп мог бы оказаться из-за этого в очень сложном положении, – объяснила я. – Он уже ссорился с твоим мужем, я сама видела. Мне он сказал, что убьет его, если встретит где-нибудь одного. Думаю, он собирается вызвать его на дуэль.

– О, правда? Какой очаровательный юношеский пыл! Да он ведь такой милый мальчик!

Она одним махом выбралась из ушата. Вода расплескалась во все стороны, и на меня тоже. Плевать – вонючую, всю в пятнах одежду все равно нужно было снять. Не теряя времени даром, пока Сесиль льняным полотенцем растирала свое пышное тело валькирии и расчесывала перед зеркалом волосы, я, быстро выскочив из одежек, залезла в ушат, спешно надраила себя сверху донизу, втерла в волосы мыло и ополоснулась оставшейся в кадушке водой. Затем я вытерлась влажным полотенцем Сесиль и, распутав ее гребнем волосы, простоты ради снова заплела их в тугую, пусть и влажную, косу. Облечившись в чистые вещи из мешка Эсперанцы, я вновь почувствовала себя человеком. Хоть и очень, очень усталым. А ведь проработала-то всего полдня. Интересно, как же люди, которые занимались в этом столетии тяжелым физическим трудом, умудрялись по вечерам куда-то выходить? Вероятно, никак.

– Ну, тогда я пошла, – сказала я в полном изнеможении.

– Удачи, дорогуша! Ой... постой! – Сесиль, сидевшая на табурете перед туалетным столиком и при помощи сурьмы, румян и белой пудры превращавшая себя в волнующую театральную диву, повернулась ко мне: – Ты же еще даже не видела сюрприза. Взгляни-ка, что там у меня под кроватью. Это Филипп для тебя принес, славный мальчик.

Нагнувшись, я вытащила из-под кровати сюрприз – нечто похожее на каталку, только без роликов и с матрасом, довольно тонким, но зато

чистым.

– Ну-ка, приляг, – потребовала Сесиль. – По-моему, эта штука удобнее, чем кажется.

Я послушно улеглась и вытянула ноги. Ах, как хорошо! Кровать действительно оказалась удобнее, чем представлялось на первый взгляд. Мне нужно было совсем ненадолго расслабиться. Несколько минут в запасе точно оставалось. Только минутку покоя... С этой последней осознанной мыслью я погрузилась в сон.

* * *

Снова придя в себя, я на мгновение решила, что уже вернулась домой. Сейчас папа крикнет, пора, мол, наконец вставать, иначе в школу опоздаю. Потом стало ясно, что вовсе я не дома, а в Париже и что школа моя в нескольких столетиях отсюда.

Щурясь, я подняла взгляд. Сесиль в сиянии свечей стояла у кровати, добродушно взирая на меня сверху вниз. В первую секунду я с трудом узнала ее. В шуршащем шелковом платье антрацитового цвета она была такой большой и прекрасной, как богиня, с сияющими пепельными волосами и идеально покрашенными красными губами. Правда, румяна на ее щеках и насурьмленные брови выглядели явно нарисованными, и лицо было слишком выбелено пудрой. Но такая уж мода распространилась в это время. В семнадцатом веке в тренде была белая кожа, пусть даже и смотрелось это неестественно.

– Который час? – хрипло спросила я.

– Скоро десять, – сказала она.

Я испуганно уставилась на нее:

– Вечера?

– Ну конечно. Ты спала, как ангел. Я не хотела тебя будить. Тем более что ты ничего не пропустила. С мушкетерами в темноте лучше не встречаться. Эти парни могут быть какими угодно очаровательными, но в такой же степени они и бессовестны. Только и ждут, как бы затащить юную невинную девушку в кусты. Ты заслуживаешь лучшей участи.

Я удрученно уселась на кровати. Свидание в Люксембургском саду, похоже, упущено.

– Вместо этого ты можешь пойти со мной, – предложила Сесиль.

– Очень мило с твоей стороны, но этим вечером мне как-то не до театра. – Правду говоря, мне было уже вообще ни до чего. Хотелось только

лечь и спать дальше. Я чувствовала себя совершенно разбитой, и при одной мысли, что завтра снова нужно заступать на работу в таверне и целый день подавать еду, все начинало болеть с удвоенной силой.

– Нет-нет, сегодня представления нет. Я иду на званый вечер к маркизе де Рамбуйе. – Сесиль смотрела на меня, явно ожидая реакции, видимо, маркизу знали все.

– Извини, но я никогда не слышала этого имени. Кто это?

– У Катрин самый популярный в Париже салон. Люди из кожи вон лезут, чтобы получить ее приглашение.

– То есть... э-э-э... салон – это ведь не что-то такое... ну, ты понимаешь, запретное?

Сесиль широко улыбнулась:

– А, ты подумала про плетки и прочие тайные пороки. А ты хотела бы в таком участвовать?

– Ни в коем случае.

– Ну и успокойся. У Катрин собираются только морально устойчивые личности, и встречи эти служат исключительно духовному очищению. Там говорят о литературе, о театре, живописи и музыке. И под салоном имеется в виду действительно салон, в одном респектабельном дворце на Рю Сен-Тома дю Лувр – отеле «Рамбуйе». А лучше всего то, что Катрин не признает сословных предрассудков, именно поэтому ее кружок так необычен и популярен. Знатные люди ведут споры с простыми смертными, никого не выделяют и не отвергают. Напротив, различного происхождения посетителей притягательно именно для высокопоставленных особ. Ты не поверишь, кто постоянно посещает этот салон! – Сесиль для большего эффекта выдержала маленькую драматическую паузу. – Кардинал Ришелье собственной персоной!

Внезапно я полностью проснулась:

– И сегодня вечером он тоже будет?

– Очень даже вероятно. Кардинал редко пропускает эти встречи. Он любит вести глубокомысленные беседы с умными, высокообразованными людьми, а столько их, собранных в одном месте, он нигде больше не найдет.

Перед моим мысленным взором пульсировала фраза, сказанная Филиппом: *А кардинал в Париже и шагу без своих гвардейцев не ступит*. Совершенно очевидно, что в этот салон он заявляется в сопровождении своей постоянной охраны. И, значит, можно предположить, что Себастьяно тоже там будет.

Я решительно вскочила на ноги:

– Идем, – но затем решила все же уточнить: – И ты можешь меня вот так запросто привести с собой?

– Ну конечно! – Глаза Сесиль сияли. – И как раз именно такую, какая ты есть, в простой одежде, без грима. Ты – прямо-таки наглядный пример того, что может сила духа, и не важны тут ни сословие, ни пол! Ты только посмотри на себя! Совсем юная, изгнанная из своей родной страны девочка. Без родительской защиты, без опекуна, без состояния. И тем не менее ты умеешь читать и писать и даже играешь на клавикорде! Катрин будет без ума от тебя! Она сама говорит на нескольких языках, легендарно образованна!

С чувством легкой дурноты я спросила себя, во что же такое опять ввязываюсь.

* * *

Меня приятно удивило, что не нужно было идти пешком. За этот день мои внутренние резервы совершенно исчерпались. Ступни сбились в два сгустка боли. Поэтому я вздохнула с облегчением, увидев ждавшую нас у дома карету, которую Сесиль заказала специально для поездки к отелю «Рамбуйе». По дороге я опять почти заснула. Колеса громыхали по бульжнику, карета кренилась из стороны в сторону. Внутри было почти темно, только слабо горела маленькая сальная свечка, и снаружи света почти не проникало. Время от времени где-то на улицах мелькали факелы или фонари, но светлее от них не становилось. Зато воняло все сильнее. Окна кареты представляли собой деревянные, обтянутые тканью створки, открытые из-за жары. От Сены поднимались мерзкие испарения, такие резкие и отвратительные, что мне пришлось зажать нос рукавом. Пахло какой-то смесью отхожего места, кладбища и едкой кислоты.

Сесиль объяснила, что вонь идет от дубильни на берегу реки, где часто работают по ночам, потому что днем живущие в округе люди не в состоянии выносить этих ужасных запахов.

– Они сдирают с мертвых животных шкуры, удаляют с них шерсть и разложившуюся плоть, смазывают их ужасной массой из толченого мозга и закапывают в дьявольски воняющие ямы, где они лежат до тех пор, пока на них окончательно не сгниет все живое. – Она приподняла узкую ногу, обутую в туфлю из тончайшей кожи. – Просто невероятно, как из этого получается нечто столь восхитительное, не правда ли?

Прежде я не особо задумывалась о производстве кожи в этом столетии,

но от одного рассказа с души воротило.

У цели нашей поездки, на Рю Сен-Тома дю Лувр, было значительно светлее, чем на других улицах, потому что рядом располагался королевский дворец – освещенный факелами Лувр, мощное строение в духе эпохи Возрождения, но пока все же вполонину меньшее, чем в наше время, потому что в 1625 году некоторых корпусов еще не существовало.

Отель Рамбуйе оказался элегантнм зданием с высокими окнами. У портала стояли слуги в ливреях, один из них тут же подскочил, чтобы помочь Сесиль выйти из кареты. Мне предоставили выбиратьса самостоятельно, видимо, я не выглядела достаточно важной персоной. Никем не замечаемая, я поплелась вслед за Сесиль, которая с гордо поднятой головой вошла в дом. Очевидно, вечеринка проходила на втором этаже, как было принято в благородных домах. Мы поднялись по широкой нарядной лестнице, наверху которой нас тоже встречали слуги. Один, проходя мимо с подносом, предложил нам напитки. Сесиль, прихватив два бокала с вином, один всучила мне, а я тем временем напряженно разглядывала окружающих. От большой галереи отходило несколько залов, где толпилось множество людей. Большинство гостей составляли мужчины, но встречались и элегантно одетые дамы. Я тут же ощутила себя профессиональной Золушкой, и мне стало ясно, что Сесиль взяла меня с собой вовсе не для того, чтобы доставить мне удовольствие. Скорее, она собиралась продемонстрировать меня как какую-то комнатную собачку экзотической породы.

Повсюду велись оживленные споры. В одном углу стоял пожилой господин в камзоле с высоким воротником, декламируя стихи в окружении сонма почитателей. Шелестя юбками и радостно приветствуя всех присутствующих, Сесиль прошла мимо них, и мне ничего не оставалось, как хвостом идти за ней. Пока она здоровалась с разными знакомыми, по мне скользили их любопытные взгляды. Я проследовала за ней в обитую голубой тканью комнату, где царила особая толчея. Многие стояли в очереди к большому, похожему на кровать дивану, где, скорее лежа, чем сидя, темноволосая дама принимала своих гостей. Судя по тому, как все вокруг нее сгрудились, это и была хозяйка вечера – та самая маркиза. Пышнотелая дама лет под сорок, втиснутая в шелковое платье с рискованным декольте.

Сделав что-то вроде книксена, Сесиль представила маркизе меня, но я слушала лишь краем уха. Как замороженная, я не отрываясь смотрела в открытый проход галереи. Там появился кардинал! Я с трудом узнала его, потому что теперь на нем было не красное парадное, а обычное черное

одеяние. Я лихорадочно просеивала взглядом его ближайшее окружение и поэтому едва заметила, как Сесиль выдвинула меня вперед:

– Бедная сиротка... высокообразованное дитя... очень большой талант к языкам... играет на клавикорде, – доносился до меня ее голос, в то время как я высматривала Себастьяно.

– Сколько языков ты знаешь, девочка? – поинтересовалась маркиза любезным, но довольно-таки высокомерным тоном.

– Не так уж много, – рассеянно сказала я. – И в любом случае не в совершенстве. Кроме немецкого, ведь это мой родной язык. А еще английский и итальянский. Вот и все, к сожалению. – Я вытянула шею. Ну где-то же должны быть мушкетеры из гвардии Ришелье!

– А как у тебя с испанским, малышка? – осведомилась маркиза.

– Я крайне сожалею, – ответила я, – но самое большее – несколько слов. Добрый день, спокойной ночи и тому подобное.

– Неужели? Мне кажется, ты скромничаешь. А что насчет русского?

– К сожалению, вообще ни слова. Никогда не представлялось случая выучить его.

Сев на диване, маркиза смотрела на меня большими глазами.

– Невероятно, – сказала она Сесиль. – Действительно уму непостижимо! Никакого акцента! – Она поднялась. – Какое необычное создание! Если уж ее познания в языках столь впечатляют, то я просто сгораю от нетерпения познакомиться с ее музыкальным дарованием! Сейчас же велю принести клавикорд.

Она удалилась, улыбаясь в предвкушении чего-то невообразимого.

Сесиль смотрела на меня с восхищением.

– Я знала, что ты произведешь впечатление. Готова поспорить, ты станешь украшением этого салона!

– Чего? – оторопела я.

Сесиль добродушно рассмеялась:

– Жаждешь получить комплименты? Она только что заговаривала с тобой на трех разных языках, и ты на каждом из них безупречно ей отвечала. Немудрено, что она от тебя в полном восторге!

Я недоверчиво уставилась на нее, а потом сообразила, что случилось. Преобразователь! Он автоматически все переводил. А поскольку в принцип его работы заложено, что ты ничего не замечаешь – кроме тех случаев, когда современные слова он преобразовывает в какие-то более подходящие ко времени, – я, конечно же, ничего и не заметила.

– Мой бокал пуст, – сказала Сесиль оживленно. – Я быстренько схожу за добавкой. А ты не двигайся с места. Сейчас вернусь.

Она исчезла в соседней комнате в поисках выпивки. Едва она ушла, чей-то смутно знакомый голос выкрикнул мое имя:

– Анна!

Из толпы посетителей вынырнул какой-то человек, и я непроизвольно затаила дыхание. Но, сияя от радости, ко мне приближался не Себастьяно, а Жак (а может быть, и его брат-близнец Жюль):

– Что ты здесь делаешь? Почему не пришла на встречу к Люксембургу? Я тебя ждал!

Тут хотя бы стало ясно, что все-таки это действительно Жак.

– Прости, но вмешались кое-какие обстоятельства, – сказала я.

В крайнем возбуждении я высматривала, что делалось у него за спиной. Там стоял Себастьяно. Он и правда был здесь! О господи, и опять так хорош собой! Я невольно вздохнула. На этот раз он был не в форме, а в элегантном небесно-голубом камзоле, который в сочетании с искусно задрапированной перевязью и широким кружевным воротником любому другому мужчине придавал бы сомнительно женоподобный вид, но Себастьяно шел необычайно.

Рядом с ним стоял кардинал. Они разговаривали. А Жак разговаривал со мной. Впрочем, я мало что слышала из его слов.

– ...действительно чудесно, – говорил он.

– Я рада, – сказала я, погруженная в свои мысли, в надежде, что ответила впопад.

Себастьяно с кардиналом исчезли в соседней комнате. Нужно было что-то предпринять, чтобы поговорить с ним наедине. Спрашивалось только – что?

– А это не твой друг Себастьяно тут только что был? – спросила я Жака. – Что вы вообще тут делаете?

– Мы на службе, – сказал Жак. – Его высокопреосвященство кардинал очень ценит собрания у маркизы де Рамбуйе.

– И берет с собой сразу всю свою гвардию?

– Только самых лучших. Особенно сегодня. Для безопасности, после покушения нынче утром.

– А стрелка в конце концов схватили?

– Нет, он бесследно исчез. Его высокопреосвященство до сих пор взбешен из-за этого.

Затем Жак стал выпытывать все обо мне – среди прочего, откуда я родом, с кем я здесь и есть ли у меня друг. Я, насколько возможно, ответила на его вопросы и собралась было расспросить его о Себастьяно, но мне не удалось.

Вернулась маркиза в сопровождении двух слуг, которые, обливаясь потом, тащили клавикорд – что-то вроде допотопного рояля со струнами наружу, который я раньше видела только на YouTube. Час от часу не легче! Я опозорюсь на всю оставшуюся жизнь. Но ничего не поделаешь. Маркиза велела поставить перед инструментом скамеечку и настояла, чтобы я села на нее. Она призывно захлопала в ладоши, привлекая ко мне всеобщее внимание.

– Дамы и господа! Сегодня у нас новая гостья – юная эмигрантка из Германии по имени Анна. Она хотела бы немного порадовать нас своей игрой.

Я оглянулась, ища помощи, но никто мне не сочувствовал. Напротив, все выглядели так, словно превратились в слух, от чего я совсем разнервничалась. Сесиль приветственно подняла бокал с вином, она явно очень гордилась мной. Я лихорадочно соображала, как выкрутиться из этой ситуации, но в голову ничего не приходило. Хорошо хоть, Себастьяно среди слушателей не было, они с кардиналом пока не возвращались. Лучше всего поскорее покончить с этим, чтобы все уже поняли – никакой я не вундеркинд. Глубоко вздохнув, я начала играть. Звучало непривычно, совсем не так, как рояль, но по крайней мере я разобралась с расположением клавиш. Я даже не пыталась сыграть какую-нибудь из пьес, разученных прежде, потому что блокировка все равно бы этого не позволила. Я ограничилась несколькими импровизированными вариациями, наверняка не похожими ни на какие более поздние произведения, просто милое, но довольно скучное бренчанье. Гости, вероятно, тоже так считали, потому что никто не потребовал сыграть на бис. Я намеренно играла очень тихо и невыразительно, чтобы на меня перестали обращать внимание. Когда примерно через три минуты я встала и вежливо поклонилась, все опять углубились в разговоры, как и сама маркиза, к счастью, быстро потерявшая ко мне интерес. Сесиль всю охмуряла седобородого типа в одежде из золотой парчи, который, будучи вдвое ниже, пока она произносила перед ним монолог из какой-то своей пьесы, восхищенно разглядывал ее декольте.

Только Жак прослушал все до конца и сильно впечатлился моим музыкальным талантом.

– Как искусно ты играешь, Анна! – воскликнул он с поклоном. – Позволь еще раз принести тебе мои глубочайшие извинения. Мое поведение сегодня в «Золотом петухе» не заслуживает прощения!

– Хорошо-хорошо, забудем об этом. – Я оглянулась в поисках Себастьяно. Если мне сегодня же не удастся поговорить с ним наедине, мои

шансы заметно ухудшатся.

– Я хотел бы искупить свою вину, – торжественно заявил Жак. – Скажи, чем мне порадовать твое сердце?

Лучше всего тебе было бы просто испариться, чтобы я могла поискать Себастьяно.

– Может, ты принесешь мне что-нибудь поесть? Я ужасно проголодалась.

Говоря это, я заметила, что вовсе не лгу. С середины дня я ничего не ела. В эту эпоху с регулярным питанием как-то не ладилось.

Жак тут же отправился исполнять мое желание, а я бросилась на поиски Себастьяно. Я протискивалась сквозь стоящие повсюду группки разговаривающих, высматривала поверх плеч и вызывающих декольте, обходила вокруг кресел и диванов, занятых оживленно болтающими гостями. Войдя в следующую комнату, я оказалась на волосок от столкновения со слугой, обносящим гостей напитками на подносе. Я затормозила буквально перед его носом – и остолбенела. Прямо за ним стояли Себастьяно с кардиналом, погруженные в разговор. Если наострить уши, мне, вероятно, удалось бы понять, о чем они говорят.

– ...ни на йоту не доверяю герцогине де Шеврез, – говорил Ришелье. – Она что-то замышляет, и поэтому вы должны разведать, что именно.

– Вы уверены, ваше высокопреосвященство, что я справлюсь с этой задачей?

– Абсолютно уверен. Вы лишь недавно у меня на службе, но я вам полностью доверяю. Вы больше всех подходите для этой миссии. Выясните, что там за намерения у герцогини.

– Ваше пожелание, как всегда, приказ для меня, ваше высокопреосвященство, – ответил Себастьяно.

– Вина, мадемуазель? – вежливо спросил меня слуга. Он все еще стоял передо мной с подносом.

– Э-э-э... вина? – Я подсматривала у него из-за плеча, используя его широкую фигуру как прикрытие.

– Красное или белое, какое пожелаете.

– И как же мне действовать? – спросил Себастьяно у кардинала.

– Самая мощная сила – любовь. Мари де Шеврез – молодая красивая женщина. Ее салон на Плас Рояль пользуется все большей популярностью. Для вас легче легкого найти доступ в ее круг и... поймать ее в свои сети. Соблазните ее, если надо. Как я слышал, от дам у вас отбоя нет.

– Ну, это скорее безмерное преувеличение, – с тихим смешком сказал Себастьяно. – Но в данном случае я обещаю вам сделать все, что от меня

зависит. Завтра же займусь выведыванием секретов милейшей герцогини.

Я заскрипела зубами. Что же тут, в конце концов, происходит?

– Есть всего два сорта вина, – сказал слуга. – Красное и белое. Вам нужно только выбрать. Оба сорта хороши и очень вам понравятся. Или возьмите просто по бокалу каждого сорта и попробуйте, какое вам больше по вкусу.

Я механически схватила один бокал и быстро выпила. Слишком быстро. И, главное, слишком много. Крепкое вино тут же ударило в голову. От первого бокала я отпила совсем чуть-чуть, но вместе с тем, что я опрокинула в себя сейчас, этого хватило, чтобы сознание слегка помутилось.

Слуга освободил пространство, и я в ужасе стала искать новое прикрытие. Но увидела уже только краешек голубого камзола Себастьяно – он как раз выходил из комнаты и точно меня не заметил. В отличие от кардинала. Покидая комнату вслед за Себастьяно, он обнаружил меня, стоявшую столбом с бокалом вина. Он замедлил шаг и, прищурившись, взглянул на меня.

«Кажется, я тебя уже где-то видел», – говорил его взгляд. Я незаметно спрятала лицо за бокалом в надежде, что при свечах он меня не узнает. В то же время я сделала вид, будто ошиблась комнатой. Стараясь выглядеть как можно более непринужденно, я двинулась прочь, замешавшись среди остальных гостей, или, точнее, спрятавшись за ними, чтобы снова не попасться на глаза кардиналу и чтобы ему, чего доброго, не вспомнилось, что мы с ним уже встречались. Этот тип производил на меня какое-то зловещее впечатление, и вовсе не из-за того, что я вычитала о нем в Википедии. Он и утром на рыночной площади не показался мне особо симпатичным, но потребовать от Себастьяно закадрить герцогиню – это уже перебор.

Герцогиня де Шеврез, Плас Рояль. Я несколько раз повторила про себя имя и адрес, чтобы ни в коем случае не забыть ни того, ни другого.

В своем путешествии по комнатам – где-то же должен был зависать Себастьяно! – я наткнулась на ученого вида типа с моноклем и лихо закрученными вверх усами. Его интересовало, не приводил ли меня случайно мой интерес к языкам когда-нибудь в Португалию, на что я рассеянно ответила, что еще никогда там, к сожалению, не бывала. Судя по всему, он говорил со мной на португальском, что я заметила лишь после того, как он сделал комплимент моему прекрасному произношению и завел нудный рассказ о своей юности в Лиссабоне. Я немного послушала, а затем, извинившись, продолжила поиски Себастьяно, но так нигде его и не

обнаружила. Зато опять всплыл Жак, он меня уже разыскивал и безмерно обрадовался, что наконец нашел.

– Вот ты где! Я уже думал, что больше тебя не увижу! – Он организовал мне кусочек миндального торта, который я проглотила в галерее, спрятавшись между Жаком и обнаженным, в человеческий рост, мраморным дискоболом.

– К сожалению, я не могу остаться, – сказал Жак, огорченно оглядываясь в сторону лестницы. Кардинал как раз собирался спускаться в сопровождении Себастьяно и еще двоих гвардейцев в штатском, но со шпагами на боку.

Черт, сегодня мне к нему уже не подобраться!

– А что ты поделываешь завтра? – спросила я Жака.

– То же, что и всегда. Вместе с другими мушкетерами охраняю его высокопреосвященство.

– А на обед вы опять придете в «Золотого петуха»?

– Завтра не придем. Завтра стрельбища в казарме, поэтому мы едим там, – его лицо просветлело. – Но после этого мы наверняка опять встретимся в Люксембурге. Я могу за тобой зайти. Где ты живешь?

Все это представлялось слишком сложным. Кроме того, не было никакой гарантии, что Себастьяно тоже там объявится. В конце концов, кардинал нагрузил его определенными... дополнительными обязанностями – выполнению которых я в любом случае должна помешать, не важно как. А для этого мне требовалось выработать новый план действий.

– Я живу на левом берегу, – расплывчато ответила я. – Но заходить за мной не нужно.

Этим ему и пришлось удовольствоваться, потому что на какие-то более конкретные договоренности времени не оставалось – кардинал и остальные мушкетеры уже стояли внизу. Жак поспешил к ним.

– До завтра! – крикнул он мне уже на середине лестницы.

Я помахала ему, испытывая угрызения совести. Остаток вечера я провела, скрываясь от гостей маркизы по углам в отдаленных анфиладах комнат. В самой маленькой, реже всего посещаемой комнате я нашла кресло и устроилась в нем поудобнее. Должно быть, там я уснула, потому что глубокой ночью Сесиль разбудила меня, трясая за плечи. Маркиза уже отправилась отдыхать, и большинство гостей разошлись, мы были одними из последних. На негнущихся ногах и с болью в спине я поковыляла за Сесиль и забралась в карету, которая доставила нас назад на Рю Персе. Там я едва сумела снять верхнее платье и туфли, прежде чем в смертельной усталости опуститься на свою низкую постель. Думать я была уже не в

состоянии, а планировать что-то — тем более. Над тем, как помешать Себастьяно подкатить к этой сомнительной герцогине, я решила поразмыслить завтра.

День второй

Из сна меня вырвал странный скрежет. Звук был такой, словно кто-то говорил сквозь кучу гравия. Со слипающимися глазами я попыталась сориентироваться. Все еще в семнадцатом веке. Сесиль, скорее раздетая, чем одетая в своей прозрачной рубашке, сидела перед своим гримировальным зеркалом и произносила какой-то монолог, звучащий с прищелкиванием и пришепетыванием. Увидев, что я проснулась, она обернулась ко мне. Щеки ее поразительно раздулись, как у морской свинки, только что затолкавшей в себя громадную порцию корма.

– Фпокойно мовеф фпать далфе. Ты яфно еффо не отдофнула.

– Что случилось? Ты как-то странно разговариваешь.

– Я фыпылнау вефевые упвафнения, – она выплюнула на ладонь несколько стеклянных шариков, после чего заговорила яснее. – Нет ничего лучше, чтобы добиться отточенной дикции и идеальной модуляции.

– Который час?

– Еще рано, – Сесиль засунула шарики обратно. – Фамое бовфее одиннадфать.

Уже одиннадцать! Господи, а у меня еще никакого плана! Я лихорадочно вскочила со своей низкой кровати и с легким туманом в голове поплелась с кадушкой за водой к колодцу, после того как Сесиль, пощелкивая и потрескивая, объяснила, как его найти. Притащив воду в квартиру, я умылась и причесалась, при помощи чистой тряпки и щепотки толченого мела почистила зубы, а затем как следует пощипала себя за щеки, чтобы не выглядеть с недосыпа бледной, как зомби.

Сесиль, вытащив наконец шарики изо рта, достала откуда-то свежий хлеб, и мы по-дружески поделили его на завтрак. Есть вообще-то не хотелось, но я впихнула в себя свою долю, ведь, когда голод появится, у меня не будет возможности просто пойти к холодильнику. В прошлом нужно было брать все, что шло в руки, прежде всего – пропитание. Этот болезненный урок я получила в первом же путешествии во времени.

– Что ты сегодня собираешься делать? – осведомилась Сесиль.

– Я хочу найти себе новое место работы, – внезапно в голове у меня сложился нужный план. – И, может быть, ты мне поможешь.

– Конечно, если это в моих силах. – Закончив завтракать, она втискивала свои роскошные округлости в узкий корсет. Помогая ей зашнуровать его на спине, я объяснила, что собираюсь предпринять.

– Я хочу устроиться в дом одной герцогини. Она живет во дворце на Плас Рояль, и зовут ее...

– Постой не говори, – подняла руку Сесиль. – Это герцогиня де Шеврез.

– А ты, что, с ней знакома?

– Ну да. Мари де Шеврез считается лучшей подругой королевы. И она увлекается искусством! Время от времени она посещает представления нашего театра. Ее званые вечера пользуются большой популярностью, о ее красоте ходят легенды. Все мужчины лежат у ее ног.

При этих словах во мне проснулась ревность, оскалившись в жуткой ухмылке. Я непроизвольно с такой силой дернула шнурки корсета, что Сесиль застонала.

– А почему тебе хочется работать в доме герцогини? – спросила она, с удовлетворением рассматривая свой выпирающий бюст, который шнуровка приподняла, подобно бюстгальтеру с эффектом Push-Up.

– Мне нужно там кое-кого встретить, – спонтанно я решила говорить ей правду, насколько это возможно. – Одного мушкетера по имени Себастьяно. Он нравится мне, и я хочу снова увидаться с ним. – Щеки у меня горели от смущения.

– О-ла-ла! – Сесиль восторженно захлопала в ладоши. – Моя маленькая квартирантка влюбилась! – Она задумчиво наморщила лоб: – А почему ты хочешь увидаться с ним именно там?

– Потому что... – Я поколебалась, но и тут правда звучала лучше всего. – Я узнала, что сегодня он должен приударить за ней. И я хотела этому как-нибудь помешать. Поэтому все так срочно.

– *Должен* приударить? На спор с друзьями, что ли?

– Э-э-э... да.

– О! – Сесиль с негодованием покачала головой. – Эти ветреные молодые бездельники! Я тебя уже предостерегала. Мушкетеры – самые опасные соблазнители. Для них любовь – всего лишь веселый досуг. – Она посмотрела на меня сочувственно. – И ты всерьез считаешь, что сможешь потеснить герцогиню в борьбе за его благосклонность? Тебе стоит знать, что она не только молода и сказочно хороша собой, но еще и очень богата.

Ревность, оскалив зубы, показала мне вытянутый средний палец.

– Кто не рискует, тот не выигрывает, – храбро сказала я.

– Очень правильный взгляд на вещи! – Глаза Сесиль блеснули, мой план явно захватил ее, и она пообещала мне сделать все, что в ее силах, чтобы ввести меня в дом герцогини. – Какая волнующая идея! Ты не будешь возражать, если я использую ее в сюжете моей новой пьесы?

- Я думала, она о драматурге, вынужденном заботиться о ребенке.
- В хорошей пьесе всегда должно быть несколько сюжетных линий.
- По мне так пользуйся на здоровье.

Сесиль, обмакнув перо в чернила, уже приступила к записям. Спустя какое-то время я робко спросила, что она собирается предпринять по поводу моей новой работы, а главное – когда, на что она лишь с отсутствующим видом отмахнулась: «Еще минуточку».

Я принялась грызть ногти. Примерно через час она вынырнула из творческого дурмана, очень довольная собой и своим первым наброском. И мы вместе отправились в путь.

* * *

Плас Рояль выглядела еще совсем новой – огромная площадь, окруженная зданиями, больше похожими на дворцы. Элегантные постройки прятались за тенистыми аркадами. Беспримесная роскошь всего ансамбля сражала наповал. Робко оглядываясь, я следовала за Сесиль, которая целеустремленно шагала к воротам, богато украшенным резьбой. Я нервно сглотнула комок в горле, когда она велела мне дожидаться ее, а сама постучала в ворота дверным молоточком. Ей открыл слуга в ливрее. Как только он увидел Сесиль, его равнодушное лицо приобрело услужливое выражение. Поклонившись, он пригласил ее войти и снова закрыл дверь. Усилием воли я заставила себя прекратить грызть ногти и вместо этого лучше изучить окружающее пространство.

Никаких сомнений: здесь все было самое лучшее. По площади шли только прилично одетые люди, нищих оборванцев нигде не наблюдалось. Даже здешние разносчики и посыльные явно не знали недостатка в еде и были опрятно одеты. У одного из соседних домов остановилась украшенная гербом карета, откуда вышла аристократического вида пара. Из другого дома появилась одетая в красный бархат дама, вокруг нее суетились две камеристки, одна из которых держала над ней зонтик из расписного шелка. На вороном коне, идеально вычищенном скребницей, мимо прогарцевал какой-то тип в шляпе с пером. Серебряные накладки на седле просто ослепляли, а чтобы надраить его ботфорты до такого зеркального блеска, кто-то не столь привилегированный явно семь потов пролил.

Под аркадами находились лавки, но, насколько я могла судить, там ничего не продавалось для людей с тощим кошельком, только для богатых

и великолепных. По соседству четыре работника вытащили на улицу громадное зеркало в широкой золотой раме. В следующем доме два человека закатывали в дверь бочку под присмотром нервного торговца, постоянно требовавшего, чтобы с его товаром обращались поаккуратнее. Из его озабоченных выкриков следовало, что в бочке самое дорогое вино во всей Франции.

– Мадемуазель?

Слуга, опять открыв ворота, взмахом руки пригласил меня в дом. Из холла в бельэтаж вела широкая мраморная лестница с изогнутыми перилами. Богатство хозяев ощущалось уже в прихожей перед входом в гостиную. Повсюду искрились хрустальные светильники, стены были обтянуты голубым шелком, на окнах висели портьеры с роскошными драпировками, а вдоль лестницы красовались живописные полотна размером с малолитражный автомобиль.

Слуга через двустворчатые двери провел меня в залитую солнцем гостиную.

– А вот и она, – сказала Сесиль, поднимаясь с дивана с высокой спинкой. – Подойди ближе, Анна, чтобы сподручнее было тебя рассмотреть.

Чтобы сподручнее было тебя съесть, – промелькнуло у меня в голове. В жутком волнении я споткнулась о порог и ухватилась за украшенный бахромой бархатный шнурок, после чего откуда-то снизу послышался тихий звон. Супер, я по оплошности вызвала слуг. Теперь о работе можно забыть.

– Первое впечатление обманчиво, – сказала Сесиль. – Обычно она вовсе не такая неуклюжая.

Ослепленная падавшим мне прямо в глаза солнечным светом, я видела только силуэты двух других находившихся в комнате людей – мужчины в удобном кресле с подголовником и женщины на диване, с которого Сесиль только что встала.

– Она мила, – услышала я голос женщины. Он показался мне удивительно знакомым, но, только сделав несколько шагов и увидев темноволосую красавицу в дорогом шелковом платье, я узнала ее. И задохнулась, глазам своим не веря: это была американская туристка, что вместе со мной переходила в прошлое, – Мэри. А седоволосый старик в кресле был ее дед Генри.

Я зависла перед ними с открытым ртом, не в силах вымолвить ни слова. Не потому, что вступила в действие блокировка, просто от растерянности я потеряла дар речи.

– Э-э-э... добрый день, – наконец промямлила я.

После этого я так и продолжала безмолвно пялиться на моих новых работодателей, как овца, пока Сесиль улаживала с ними все остальные формальности. Вышло намного лучше, чем я ожидала. Я надеялась получить место камеристки, но выходило так, что мне не придется ни заправлять постели, ни скрести полы. С радостной решимостью Мэри провозгласила, что из меня выйдет идеальная компаньонка.

Дед поддержал ее идею.

– Лучшей ты не найдешь, – убежденно сказал мистер Коллистер. С некоторым трудом выбравшись из кресла, он обеими руками оперся на трость. На его морщинистом лице играла добродушная улыбка. – Не знаю почему, но эта юная девушка мгновенно пришлась мне по сердцу.

– Мне тоже, – сияя, подтвердила Мэри. – И правда удивительно, со мной еще такого не случалось. Такое чувство, будто я давно искала тебя и наконец-то нашла.

Они оба были явно преисполнены энтузиазма. Мэри даже настояла на том, чтобы я поселилась у них немедленно.

– За твоими вещами я пошлю слугу позже, – сказала она. – А сейчас пойдем со мной, я покажу, где ты будешь жить.

– Спа-пасибо, – заикаясь, пробормотала я. – Э-э-э... госпожа герцогиня.

– Зови меня Мари. В должности компаньонки ты мне не служанка, а подруга.

Сесиль смотрела на нее во все глаза. Казалось, она с удовольствием ущипнула бы себя, потому что не могла в это поверить.

– Уму непостижимо, – шепнула она мне на лестнице, когда мы обе вслед за Мари поднимались на четвертый этаж, где находилась моя комната. – Она же тебя буквально удочерила! Ее восторг – для меня загадка. Конечно, я расписала ей тебя во всех красках. Ты ведь и правда милое создание и действительно очень способна к языкам, – тут она покачала головой, – но, к сожалению, еще и неуклюжа и не особо остроумна. Другими словами, с тобой скорее скучно. И все же она, кажется, прямо-таки очарована тобой. Говорю же – загадка.

Почувствовав себя оскорбленной, я собиралась возразить, но все-таки сдержалась, потому что Сесиль была совершенно права. Мне тоже казалось ненормальным, что Мэри – а здесь Мари – пришла от меня в такой восторг.

Я могла бы объяснить Сесиль, что поведение Мари – как и ее деда – связано с их подсознанием, которое где-то очень глубоко еще работало, несмотря на полностью стертую и замененную память. Я была, так сказать, ископаемым фрагментом в первичных отложениях их воспоминаний. Чем-то, что они инстинктивно хотели сохранить и запомнить.

Этот феномен я уже однажды наблюдала у Маттиаса Тассельхоффа, немножко влюбившегося в меня полтора года назад в Венеции. Когда я опять встретила его в 1499 году, его звали Маттео Тассини и он ничего не помнил о своей прежней жизни в будущем. И все же ко мне его по-прежнему тянуло. Подсознание – мощная сила. Именно на него я очень рассчитывала, пытаясь вернуть Себастьяно.

Но, конечно же, ничего такого я никому рассказать не могла. Вообще-то сердечность Мари должна была бы вызвать у меня угрызения совести, но я испытывала слишком большое облегчение от того, что все так легко устроилось.

Моя комнатка располагалась под крышей и была обставлена солидной новой мебелью – здесь стояли кровать с настоящим матрасом и свежей белой простыней, комод, канделябр, скамеечка и – хм, ночной горшок с крышкой.

– Разумеется, это только временно, – извиняющимся тоном сказала Мари. – Я велю приготовить для тебя комнату получше, в том же коридоре, где и моя, чтобы ты всегда была рядом.

Сесиль приняла это сообщение с недоверием. Когда мы снова оказались внизу, она несколько раз порывалась что-то сказать, но потом только растерянно качала головой. Видимо, такой поворот событий совершенно ошарашил ее. У меня появилось подозрение, что Сесиль, возможно, завидовала Мари, ее беспечной жизни и расточительному богатству и что ей показалось забавным с моей помощью насолить герцогине. А теперь то, что ей поначалу представлялось классным планом, – ввести меня в дом Мари, чтобы я отбила у нее потенциального возлюбленного, – приняло оборот, на который она не рассчитывала.

На прощание Мари одарила ее солнечной улыбкой.

– Без вас я никогда бы не нашла такую милую компаньонку. Ваша рекомендация, моя дорогая, осчастливила меня сверх всякой меры. Я сумею оценить вашу дружескую услугу, и моя благодарность не заставит себя ждать. Не хотите ли сегодня прийти на мой званый вечер?

– К сожалению, я занята, у нас в театре репетиция, – сказала Сесиль несколько официальным тоном.

– Как жаль. Тогда в следующий раз.

– Конечно, ваше высочество. Я надеюсь, что вы очень скоро опять почтите своим присутствием какое-нибудь наше представление.

– О да, несомненно, – заверила Мари. – Вы же знаете, как я люблю театр.

Услышав это, я почувствовала себя омерзительно, ведь обе они понятия не имели, что общие воспоминания существуют только в их воображении. Мари только думала, что бывала в театре Сесиль, и память Сесиль тоже лишь неизбежно подстроилась, как и память всех остальных людей в Париже, убежденных, что знают Мари уже давно. Например, королевы, лучшей подруги Мари, по словам Сесиль. Или Ришелье, который ни на йоту не доверял Мари, бог знает почему.

Как и перед отправлением в 1625 год, я спросила себя, почему же Мари, прежде Мэри, перенесли сюда. Может быть, причина выяснится лишь через много лет. И, следовательно, я никогда этого не выясню. Но уже сейчас я с железной уверенностью знала одно: я помешаю Себастьяно закрутить с ней роман. Если понадобится, при помощи самых подлых уловок.

* * *

Обедая с Мари и ее дедом в большой столовой, я побольше узнала о Мари, по крайней мере о здешней версии ее жизни. Она сама совершенно чистосердечно поведала мне все, что стоило знать, за *легким перекусом*, как она это называла. На самом деле стол ломился от всевозможных блюд, подносимых многочисленными слугами. Мари лишь поклевывала то от одного, то от другого кушанья, да и мистер Коллистер накладывал себе маленькие порции, в то время как я до краев нагрозила свою тарелку всеми этими вкусностями.

Мари два года как овдовела. Своему усопшему супругу она была обязана не только титулом герцогини и гигантским состоянием, но и дворцом в городе, и соответствующим положению замком на природе. Генри, чье имя здесь удобно трансформировалось в Анри, был ее дедом по матери и единственным еще живым родственником. Родители ее умерли так давно, что она их даже не помнила. О ее муже я узнала немного, кроме того, что он был уже довольно немолод и большую часть времени находился в разъездах. На стене над буфетом висел его портрет в полный рост, изображавший седовласого, несколько угрюмого человека лет сорока пяти с накрахмаленным воротником.

– Это герцог, спаси Господь его душу, – сказала Мари. Особо подавленно ее слова не звучали. Видимо, она легко пережила его смерть, и не важно, что событие это произошло лишь в ее воображении.

В общем, Мари показалась мне спокойной и счастливой. Очевидно, со второй жизнью ей повезло, и она ни в чем не нуждалась, если, конечно, не говорить о таких неотъемлемых радостях повседневности, как Facebook, iTunes и телесериал «Как я встретил вашу маму». Но так как она даже не догадывалась об их существовании, их отсутствие утратой можно было и не считать. Кроме того, она ела из серебряной посуды (и это не фигура речи, посуда была действительно из серебра!) и могла позволить себе самые модные наряды своей эпохи. И она была не одинока, рядом всегда находился любимый дед, сопровождавший любое ее слово лукавой, радостной улыбкой и время от времени отпускавший добродушные комментарии. Среди всего прочего, он щедро раздавал комплименты, не забывая и про меня.

– Что за воспитанное дитя, – сказал он, наблюдая, как я поглощаю на десерт что-то вроде блинчика с малиной и сливками. – Как деликатно ты обращаешься с ножом и вилок! У тебя так ловко это выходит.

Я озадаченно уставилась на свои руки. Вилка в левой, нож в правой, все как учили. Спустя мгновение я взглянула на Мари и Анри – они держали приборы точно так же. Значит, ничего особенного. Но потом мне вспомнилось, что в этом столетии далеко не все пользовались за едой вилок, она еще только входила в обиход. А с ножом и вилок *одновременно*, вероятно, не ел почти никто. Разумеется, кроме меня. И кроме Мари и Анри. Многолетние привычки не уходят, несмотря на стертую память.

– Кстати, на сегодняшний вечер я заказала струнный квартет, – сказала Мари. Она обернулась ко мне:

– Тебе понравится. Сесиль мне рассказывала, что ты любишь музыку.

– Но сама я лучше перед гостями играть не буду, – быстро сказала я.

– О, тебя никто не заставляет, раз тебе не хочется, – заверила Мари.

– А кто придет сегодня вечером? – спросила я.

– Заранее никогда точно не знаешь. Я кому-нибудь рассказываю о том, что устраиваю небольшой прием, люди разносят эту информацию, ну, и приходят все, у кого есть время и желание. Без ограничений.

Ага. Значит, можно с уверенностью сказать, что объявится и Себастьяно, он ведь только и ждет удобного случая. От волнения сердце забилось сильнее. Еще несколько часов, и я снова увижу его!

Ближе к вечеру один из домашних слуг принес мешок с моими вещами, но критический взгляд Мари был беспощаден к его содержимому.

– Ты ни в коем случае не можешь это носить. Первым делом я тебя как следует одену!

И она действительно этим занялась. Она потащила меня в свою спальню, помпезные покои с кроватью под балдахином и бело-золотой мебелью. К спальне примыкал своего рода платяной шкаф размером с гараж на две машины, в который можно было войти, битком набитый самыми изысканными шмотками. Мари вытащила оттуда охапку платьев, заверяя, что все равно не стала бы их больше надевать. Разложив одеяния на кровати, она настояла, чтобы я немедленно все примерила, что я и сделала сначала против воли, а потом все с большим удовольствием. Верх у всех платьев сидел превосходно, только подолы волочились по полу. Мари решила, что это вовсе не проблема.

– В нижнем этаже есть швейная мастерская с прекрасными портнихами, они в секунду все уладят. Сейчас велю, чтобы кто-нибудь из них поднялся с булавками.

Когда я перед ее примерочным зеркалом любовалась собой, нарядившись в сказочной красоты шедевр высокой моды из крепдешина в розовую и белую полоски, – иногда выражение «одежда делает человека» все-таки справедливо! – Мари показала на кожаный мешочек, по-прежнему висевший у меня на груди.

– Что это?

– Ах! – отмахнулась я. – Всего лишь немного денег на черный день. – Маску я на всякий случай не упомянула.

– В этом доме своих денег и касаться не думай, Анна. Я дам тебе все, что нужно. И даже больше.

Милое лицо Мари приняло решительное выражение, и завитые спиралью темные локоны энергично качались, когда она тащила остальные вещи. Туфли, шелковые чулки, ленты и подвязки, нижние платья из тончайших тканей, расшитые корсеты – я даже не знала, что примерять в первую очередь. Вещи выглядели так, словно попали сюда прямиком из какого-то высокобюджетного костюмного фильма. Особенно усыпанные жемчугом туфли. Они были мне чуточку велики, но Мари просто отрезала от какой-то шали два кусочка бархата и вложила их в туфли так, что те стали как раз по ноге.

В швейной мастерской мне укоротили платье для сегодняшнего вечернего приема – ту самую бело-розовую мечту, – и после того как я его надела, Минетта, камеристка Мари, уложила мне волосы. Мари, чья прическа уже была готова, наблюдала, поудобнее устроившись в кресле. Минетта, жизнерадостная толстушка лет тридцати, была, по словам Мари, лучшей куафершей Парижа, возможно, даже искуснее той, что причесывала саму королеву. Услышав об этом, я тут же попыталась разузнать об отношениях Мари с королевой.

– Сесиль обмолвилась, что вы с ее величеством дружны, – сказала я, пока Минетта раскаленными железными щипцами для завивки накручивала мне мелкие кудряшки.

– О да, она моя лучшая подруга! Мы с ней неразлучны.

– А правда, что королева не особо жалуется кардинала?

– Они действительно в ссоре. Он никогда ее не любил, с самого начала. – Внезапно Мари хихикнула. – Кстати, зовут королеву так же, как тебя, – Анна. И она удивительная красавица. На самом деле ты на нее даже немного похожа. Хотя она, конечно, постарше, ей двадцать четыре года, ну, почти мне ровесница.

– А почему кардинал ее терпеть не может?

Многозначительно взглянув на Минетту, Мари приложила палец к губам. Она дождалась, когда камеристка объявила свое произведение законченным и вышла из комнаты, а потом приглушенным голосом сказала:

– Знаешь, не нужно обсуждать наши тайны в присутствии прислуги.

– Разве у королевы есть тайна?

Мари кивнула.

– К сожалению, поведать ее тебе я не могу, иначе это будет уже не тайна.

– А ты и не должна мне ничего говорить, – великодушно произнесла я, хотя просто сгорала от желания узнать, что же это за тайна.

– Главное, ее никогда не должен узнать Ришелье, – объяснила Мари, – иначе королеве будет грозить смертельная опасность.

Теперь я действительно умираю от любопытства, напряженно пытаюсь сообразить, как выудить из Мари побольше информации. Но она, вскочив, сказала, что хочет наконец показать мне дом. Я послушно осмотрела многочисленные комнаты и коридоры на всех четырех этажах, стараясь хотя бы приблизительно запомнить, что где находится.

А затем наконец настало время званого вечера. Постепенно стали прибывать гости, группками растекаясь по большой гостиной. Слуги обносили всех напитками. Комнату освещало множество свечей, а

обещанный Мари струнный квартет создавал ненавязчивый музыкальный фон.

Все походило на вчерашний вечер у маркизы, хотя несколько отличий все-таки было: в то время как у маркизы собирались в основном интеллектуалы всех возрастов, на вечеринку у Мари явилась преимущественно золотая молодежь, сплошь богато одетые дамы и господа от двадцати до тридцати, которые не только выглядели снобами, но и вели себя соответственно. Для них одно было важно: людей посмотреть и себя показать, ну и поразвлечься на славу.

Мари всучила мне бокал с вином, а затем повела от одной группы к другой, представляя как свою компаньонку. То в одном, то в другом высокомерном взгляде угадывался легкий интерес, но, кроме нескольких ничего не значащих приветствий, мне ничего не перепало. Вероятно, я выглядела слишком пресно. В платье в розовую и белую полоску и с мелкими кудряшками я походила на послушную младшую сестру, которую в десять часов следовало отослать в постель. По сравнению со мной все остальные присутствующие здесь дамы туго затянутыми корсетами, откровенными декольте и обильным макияжем напоминали кинозвезд на вручении премии «Оскар». Но самой красивой и волнующей из всех однозначно была Мари, и для этого ей даже не требовалось много косметики. Бархатное платье насыщенного красного цвета с глубоким вырезом подчеркивало ее безупречный цвет лица и сияющие глаза. Длинные волосы не вились детскими кудряшками, как мои, а спадали на плечи пышными локонами.

Внезапно меня накрыло волной уныния. Против Мари шансов у меня не было. Она вмиг пленит Себастьяно. Таковы все мужчины, и Себастьяно наверняка не исключение. Его подсознанию не хватит времени оживить прежние чувства, ведь он потеряет голову при виде Мари.

Я словно вызвала его силой мысли, потому что именно в эту секунду он вошел в зал. У меня опять перехватило дыхание. Из-за этого я поперхнулась вином, не успев проглотить. Закашлявшись, я хватала ртом воздух, теряя драгоценные секунды, потому что в это время ничего не могла предпринять и только пялилась, как загипнотизированная овца.

Камзол Себастьяно был такого же яркого красного цвета, как и платье Мари, так что оба они выделялись в толпе присутствующих, словно два парных драгоценных украшения. В этом совпадении заключалась такая символическая сила, что я невольно тихонько вскрикнула от ужаса, когда он действительно направился прямо к ней, а она в это же время пошла ему навстречу. Они притягивали друг друга, как два магнита. Остановившись

перед ней, он галантно поцеловал ей руку, а она, закинув голову, заливисто рассмеялась, когда он сказал что-то остроумное. Он сиял, глядя на нее, я видела, как на весь зал сверкнула его белозубая улыбка.

Потерял волю. Господи! Я так и знала!

Я и сама не заметила, как пришла в движение. Словно кто-то вел меня к ним за веревочки, как марионетку. Я не слышала больше ни гула голосов, ни пикиканья струнного квартета, только стук собственных каблуков, отбивавший *слиш-ком-позд-но-слиш-ком-позд-но-слиш-ком-позд-но*. Ощущая себя каким-то гибридом Алисы в Стране Чудес и Сумасшедшего Шляпника, я пошла быстрее. Слишком быстро. Чуть-чуть не дойдя до обоих, я поскользнулась на до блеска натертом инкрустированном паркете и шлепнулась плашмя. Точно так же, как на рыночной площади, – буквально бросилась под ноги Себастьяно. Но на этот раз с одним существенным отличием. При падении бокал с вином, выпав из моей руки, полетел в его сторону. Молниеносным движением он поймал его прямо в воздухе. Однако содержимое бокала последовало закону Мерфи (а также закону Ньютона) – остаток вина выплеснулся на его изысканный красный камзол.

– О боже! – воскликнула Мари.

Себастьяно тоже что-то произнес (мне послышалось что-то вроде «вот дерьмо-то»), но его слова потонули в испуганном вскрике Мари. Кто-то сразу же помог мне встать на ноги. Слегка покачиваясь, я подняла голову и первым делом встретила ошарашенный взгляд таких родных синих глаз.

– Простите, – не дыша, выдавила я.

Если бы Себастьяно меня не поддержал, я бы тут же снова грохнулась, настолько его близость вывела меня из равновесия. У меня сдавило горло, и я заметила, как к глазам подступили слезы, до того я по нему соскучилась.

– Это Анна, моя очаровательная компаньонка, – прозвучал голос Мари.

– Так вот это кто, – протяжно ответил Себастьяно, отпуская меня. В лице у него ничего не изменилось, но прищур не давал усомниться в том, что все здесь казалось ему подозрительным.

– Честное слово, это моя оплошность! – сбивчиво затараторила я. – По счастью, он красный. Ну, то есть камзол. И вино тоже. Мы можем все быстро... э-э-э, промокнуть. Чтобы у вас все полностью не загадилось... э-э-э, не впиталось. Пойдемте, я вам помогу, – спотыкаясь, я пошла вперед, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что он идет следом. Казалось, ему все же стоило труда оторваться от Мари.

– Я скоро вернусь, и мы продолжим наш разговор, – пообещал он ей, достав платок и прижав его к расплывающемуся на груди пятну.

Мари, кивнув, улыбнулась ему, и на лице Себастьяно появилось торжествующее выражение, за что я возненавидела его всей душой. По крайней мере в эту секунду. А в следующую, поборовшись с собой, простила, ведь он ни в чем не был виноват.

Я повела его вниз, в хозяйственные помещения, где слуга занялся пропитанным вином камзолом, в то время как Себастьяно со скрещенными на груди руками стоял, прислонившись спиной к стене бельевой. Белая, отделанная кружевами рубашка подчеркивала здоровый загар на его лице. В последние недели он много времени проводил на свежем воздухе. Кроме того, бросалось в глаза, что он усиленно тренировался обращаться с оружием. Мускулистым он был и прежде, но даже пышные рукава рубашки не могли скрыть, насколько вырос объем мышц.

А вдруг... вдруг он назначал свидания женщинам? Может, даже той козе из «Золотого петуха»? По крайней мере, ему даже преодолевать себя не пришлось, чтобы отправиться по велению Ришелье на вечер к Мари. Я изо всех сил сжала зубы, чтобы подавить гнев. В борьбе с приступами ревности я не продвинулась ни на шаг.

Он наблюдал за мной с непроницаемым лицом.

– Странное совпадение, что в городе, где живут сотни тысяч человек, тебя я встречаю третий раз за два дня. И каждый раз с тобой случается какая-нибудь неловкость. Или ты что-нибудь роняешь, или сама падаешь.

– Или и то и другое, – вырвалось у меня.

Короткий смешок вздернул уголки его губ.

– Или и то и другое, – подтвердил он. – И все же это странное совпадение.

– Совпадения случаются гораздо чаще, чем мы предполагаем, – заявила я. – Я прочитала как-то об одном научном исследовании, где выяснилось, что пять процентов встреч между знакомыми друг с другом людьми происходят случайно.

Я придумала это на ходу, но звучало разумно и убедительно. Научные исследования и статистика великолепно подходят для того, чтобы развеивать сомнения.

– И где же ты читала об этом исследовании? – осведомился Себастьяно.

– Э-э-э... понятия не имею, уже забыла. Я много чего читаю.

– Читаешь, значит, – он наморщил лоб. – Для столь юной особы это в высшей степени необычно.

– У меня отец – профессор, в нашем доме всегда много читали, – сказала я в полном соответствии с действительностью. И добавила, пока он

не спросил сам: – Я родом из Франкфурта.

– Знаю.

Я с удивлением уставилась на него.

– Откуда?

– Мне Жак рассказал. После того, как вчера у маркизы побеседовал с тобой. Я тебя вообще не заметил, но это ничего не меняет – ты там была. Строго говоря, за два последних дня ты не три, а четыре раза попадалась на моем пути.

– О, и правда. Вот уж действительно... э-э-э... совпадение. Но я ведь уже сказала, что случайности непредсказуемы. Ну, возьми, к примеру, игру в кости, – я решила обращаться к нему на «ты», ведь, в конце концов, он тоже так делал. – Представь, что ты бросаешь пять костей одновременно. И хотя у каждой кости шесть граней, все-таки случается, что все они показывают одно и то же число. Это наверняка не менее вероятно, чем встретить одного и того же человека четыре раза за два дня.

Себастьяно поднял брови.

– Похоже, у тебя сложилось обоснованное мнение о случайностях и вероятностях.

– Да, это в моем духе, – не особо уверенно подтвердила я.

Уголки губ у него опять дрогнули, на этот раз более явно. Впечатление меня не обманывало: кажется, он находил меня занятой. Пока я размышляла, хорошо это для начала или плохо, он приподнял пальцем мой подбородок.

– Тебе уже когда-нибудь говорили, что ты довольно дерзка?

– Думаю, достаточно часто, – я улыбнулась ему дрожащими губами, ведь его прикосновение прожгло меня насквозь, и тут произошло чудо – он улыбнулся в ответ. В ту же секунду мой пульс скакнул по меньшей мере до ста восьмидесяти.

И продолжил ускорение, когда Себастьяно взял мои руки в свои.

– Как поживают твои ссадины?

– Они совсем уже не болят, – с трудом выдавила я.

– Анна, – тихо сказал он. Когда он произносил мое имя, я таяла, как шоколад. По ощущениям, частота пульса достигла двухсот ударов в минуту. – И что же мне с тобой делать? – задумчиво продолжал он.

Поцелуй меня, идиот ты этакий! Но вслух я этого не произнесла, хотя романтические чувства переполняли меня до краев. Он плохо подумает обо мне, если я буду так легко доступна. Вариант броситься ему на шею исключался однозначно. Ведь он еще вчера на рынке дал понять, как к этому относится. Нет, здесь нужно действовать гораздо тоньше.

– Может, мы могли бы вместе чем-нибудь заняться, – предложила я.

Он выпустил мои руки.

– И что бы это, по-твоему, могло быть?

– Мы могли бы пойти в театр, – я мысленно похвалила себя за эту гениальную идею. – Одна моя хорошая приятельница, по счастливой случайности, актриса, выступает в театре «Отель де Бургонь». Мы можем завтра же вместе пойти на представление, если хочешь.

– Почему бы нет. Я найду за тобой.

Свидание! Он хочет встретиться со мной. Я сделала это! Ликуя, я смотрела на него с сияющей улыбкой. Он ответил на мою улыбку, что пробудило во мне чудесное чувство. Но, к сожалению, это длилось недолго, так как в следующую секунду слуга принес камзол.

– Я вывел пятно щеткой с большим количеством соли, месье. Его больше не видно.

Надев камзол, Себастьяно вежливо поблагодарил слугу, и тот покраснел от радости. Проявлять признательность по отношению к прислуге в эту эпоху не считалось чем-то само собой разумеющимся. И тут явно не обошлось без подсознания – хорошее воспитание пережило смену времени и даже потерю памяти. Должно быть, то же самое подействует и в любви. Себастьяно скоро вспомнит меня, это точно!

Однако его следующий вопрос лишил меня этой уверенности.

– А как ты, собственно, из «Золотого петуха» попала именно сюда, в дом герцогини?

– Ах, прислуживать в таверне было мне не по душе, – уклончиво ответила я. – Вот я и подумала, что было бы славно работать в каком-нибудь прекрасном доме, вроде этого.

– И к тому же щеголять в прекрасных платьях?

Я смущенно потерла бело-розовую мечту.

– Хм, да. В конце концов, я компаньонка Мари, и тут негоже в рубище ходить, не так ли?

– А как давно ты знакома с герцогиней?

– Э-э-э... вообще-то с сегодняшнего дня. Но моя приятельница знает ее давно. Ну, актриса, я тебе рассказывала. Ее зовут Сесиль. Она порекомендовала меня Мари.

– Ты зовешь герцогиню по имени, хотя знакома с ней всего один день?

– Мари сама предложила мне так к ней обращаться. Просто она очень... м-м-м... сердечная и совершенно не чванлива.

– Что ж, тогда мне не терпится познакомиться с ней поближе.

Я перепугалась. Только этого не хватало! Я же только что добилась

того, что он захотел поближе познакомиться со мной!

– Что ты имеешь в виду? – вырвалось у меня.

Он пожал плечами.

– А что имеет в виду мужчина, когда хочет поближе узнать красивую женщину?

Руки у меня сами собой сжались в кулаки, но я заставила себя изобразить солнечную улыбку.

– Хм, понимаю. Но тогда тебе стоит остерегаться, – я постаралась придать голосу побольше озабоченности. – Иначе тебя могут ожидать большие неприятности.

– Что еще за неприятности?

– Ах, да просто есть тут кое-кто... один обожатель. Он любит Мари до невозможности, постоянно шлет ей любовные письма. Она каждый день их получает. Целыми пачками, – я начала входить во вкус. – Этот человек никого не замечает, кроме Мари, и безумно ревнив.

Воображение мое разгулялось не на шутку. У меня неплохо получалось выдумывать всякие драматические повороты, ими всегда изобиловали мои сочинения. Уже в десять лет на тему «Мои летние каникулы» я сочинила настоящий триллер, где фигурировали акула-убийца и откушенные конечности.

– Поэтому на твоём месте я была бы очень осторожна, – в заключение заметила я.

– Я прекрасно умею за себя постоять. – Себастьяно похлопал по поясу, на котором на видном месте висели шпага и кинжал, его любимые виды оружия.

– Мое дело предупредить, – ответила я. – И, кстати, тебе стоит знать, что тут полная взаимность. Ну, то есть у Мари и этого человека.

– Откуда же тебе знать, если ты при ней первый день?

– Женщины такое всегда примечают, – заявила я. – Кроме того, она хранит его письма в надушенной шкатулке из розового дерева, которую по ночам кладет под подушку.

Я могла бы импровизировать часами, хотя, между прочим, про шкатулку из розового дерева я не придумала. Я действительно видела сегодня такую в спальне у Мари, но что там лежит, разумеется, не знала.

– А имя этого обожателя тебе тоже известно? – спросил Себастьяно.

– Нет, она мне его не назвала.

– Хотя вообще-то она все тебе рассказывает?

– У каждого есть что-нибудь очень личное, – с достоинством ответила я.

– И этот самый обожатель нынче вечером тоже здесь?

– Готова побиться об заклад, что да.

– А почему же он не добивается ее официально, если, судя по всему, так ее обожает? – Себастьяно опять сделал непроницаемое лицо, но я смутно подозревала, что он с трудом сдерживает улыбку. Тем не менее я не поддалась. Когда выдумываешь истории, весь фокус в том, чтобы до конца придерживаться первоначальной версии, пусть даже дыр в ней больше, чем в швейцарском сыре.

– Потому что он – игрок и проиграл в кости все свое состояние. Стыд удерживает его от того, чтобы ухаживать за ней официально.

Тут я однозначно пережала, потому что Себастьяно недвусмысленно поднял брови. Истолковать это было несложно – его взгляд говорил: «Ну ни слову не верю!»

– Думаю, нам пора вернуться наверх, – сказал он.

Сама я так вовсе не считала, но возразить было нечего. К моему величайшему облегчению, за весь вечер он ни разу не попытался флиртовать с Мари. Между ними не произошло ничего, кроме одной дружелюбной, но короткой беседы, а так как я все время упорно оставалась рядом с Мари, то слышала каждое слово. Он сделал комплимент ее потрясающей внешности, но это я еще могла как-то пережить. Если бы он постарался, то легко мог бы продвинуться в выполнении данного ему поручения, но он явно держался в стороне. Вместо этого он наблюдал за собравшимися – прогуливаясь среди гостей, как бы случайно вступал в разговоры. Взгляд его все время возвращался ко мне, я замечала это даже боковым зрением. Я и прежде всегда чувствовала его взгляд, такая между нами существовала странная магия.

Наконец это ощущение исчезло, как отрезали. Когда я в следующий раз поискала его глазами, он уже ушел.

День третий

Ночью мне снились какие-то беспорядочные сны, спала я плохо, несмотря на то, что кровать в моей комнатке под крышей была очень удобной. На следующее утро я встала рано, помылась, причесалась и надела простую одежду из костюмных фондов Эсперанцы. Мари и дед Анри еще спали и вряд ли проснулись бы в ближайшее время, как я узнала от одной служанки, которую повстречала на лестнице. Я попросила ее объяснить, как пройти на рынок. Оттуда до квартиры Гастона на Рю дю Жур рукой подать. Я хотела сообщить ему о последних событиях. К моему разочарованию, его не было дома, и слуга сказал, что хозяин отлучился на несколько часов. Отсутствие Гастона меня очень обеспокоило, потому что без его помощи, или, точнее, без помощи его Старейшины, о возвращении в будущее можно было забыть. Правда, у меня была еще маска, но Эсперанца ясно дала понять, что воспользоваться ею я имею право, только находясь в смертельной опасности. Я не собиралась нарушать это правило, ведь в результате можно было оказаться вообще неизвестно где. Я знала, что время течет не по раз и навсегда проложенной траектории, что на его пути образуются опасные отклонения, дыры и тупики, в которых можно затеряться навсегда. Хосе неоднократно настойчиво предостерегал нас с Себастьяно и строго-настрого велел пользоваться только известными порталами под присмотром кого-нибудь из Старейшин.

Я попросила слугу обязательно передать Гастону, что переселилась к герцогине де Шеврез и до завтрашнего вечера непременно зайду еще. Затем пришлось пуститься в обратный путь. Солнце взошло лишь два часа назад, но на улицах и площадях уже было очень оживленно. Город населяли самые разные люди, большинство из которых торопились в сторону рынка. Я видела телеги, доверху заваленные овощами, груженные бочками повозки и навьюченных тяжелой поклажей осликов. Посреди всего этого с тьявканьем носились собаки и играли дети.

Около одной церкви мне на пути попало несколько монахов в коричневых сутанах. Молитвенно сложив руки, они пели какую-то духовную песню. Их наголо выбритые затылки блестели на утреннем солнце. На следующем углу стадо коз, высыпав внезапно с громким блеяньем, перегородило улочку, пока мальчишка-пастух руганью не погнал его дальше.

У самой городской стены в конце широкой улицы возвышалось

громадное уродливое здание. Тихий ужас охватил меня при виде мощных башен, потому что служанка, описывая дорогу, упомянула название этой постройки – речь шла о Бастилии, печально известной тюрьме для особо опасных преступников этой эпохи. Через каких-то сто пятьдесят лет, во время Великой Французской революции, разъяренные жители Парижа возьмут Бастилию штурмом и освободят заключенных, но из тех, кто томился там сейчас, разумеется, никого в живых уже не будет. Содрогнувшись при этой мысли, я поспешила к Плас Рояль.

Мари тем временем уже встала и беспокоилась обо мне. Она настояла, чтобы я села с ней завтракать. Как и днем раньше, на столе стояло гораздо больше еды, чем возможно съесть. Но я, воспользовавшись ситуацией, все же наполнила тарелку разнообразными кушаньями, потому что после прогулки на свежем воздухе у меня разыгрался аппетит. Мари же, как и в прошлый раз, только клевала по чуть-чуть и, казалось, есть вовсе не хотела. В своем шелковом халате с китайским рисунком она была сказочно прекрасна. Грациозно восседая на обитом бархатом стуле, она нехотя откусила кусочек вишневого торта.

– С тобой когда-нибудь так бывает, что ты не знаешь, чего бы съесть? – она обвела рукой стол. – Тут так много всего, а у меня такое чувство, что нет ничего, чего бы мне действительно хотелось. И вино... Вообще-то я не люблю вино на завтрак, – с каким-то потеряннм видом она показала на бокал с вином.

– Хм, – хмыкнула я, набив рот омлетом с ветчиной. А что тут скажешь? Что-нибудь типа «Подожди еще пятьдесят лет, тогда появится кофе и какао с чаем»? А что касается еды, может, прежде она всегда ела на завтрак тосты с джемом. Или мюсли с йогуртом. А может быть, в своей прежней жизни она и вовсе была вегетарианкой. Ясное дело, что ей ни к чему все эти крошечные мясные паштеты и теплые куриные бедрышки. Очень хотелось надеяться, что она еще найдет для себя свой идеальный завтрак, ведь пути назад, в прежнюю жизнь, для нее не было.

– Чем сегодня займемся? – спросила она, значительно повеселев. – Мы могли бы по очереди почитать друг другу вслух. Или поиграть в пикет. Ты умеешь?

Я покачала головой, потому что рот у меня по-прежнему был набит и ничего ответить я не могла.

– Я тебя научу, – радостно пообещала Мари.

И выполнила обещание. Игра оказалась замысловатая, но спустя какое-то время я по крайней мере освоила основные ходы. В колоде тридцать две карты со знакомыми мастями – крести, пики, червы и бубны,

из которых восемь остаются лежать закрытыми в центре, а остальные раздаются двум игрокам. Затем каждый игрок может заменить часть своих карт, вытягивая новые из лежащей в центре колоды, а в конце по довольно непрозрачной схеме подсчитываются очки. Затем игроки ходят по очереди, выкладываются карты одной масти, и взятку забирает тот, у кого старше козырь. После этого повторным подсчетом очков определяется победитель. Игра показалась мне чем-то средним между покером, ромме и скатом, но ни в одну из них я толком играть не умею, поэтому делала довольно много глупостей. Мари постоянно выигрывала, настроение ее все улучшалось.

Где-то к полудню объявился наконец и дед Анри. Опираясь на трость, он прохромал в гостиную и с любопытством заглянул в мои карты.

– Ну, и кто же выигрывает?

– Я, – сообщила довольная Мари. – Но Анна несколько раз меня чуть не обыграла.

Она сказала это лишь для того, чтобы я не выглядела полной дурой. На самом деле я каждый раз проигрывала с разгромным счетом.

Дед Анри подмигнул нам.

– Неужто вы весь белый день так и собираетесь дуться в карты? В такую чудесную погоду! Как насчет того, чтобы отправиться в карете в Булонский лес? Я велю запрягать?

– О да! – Мари радостно захлопала в ладоши. – Прекрасная идея, дедушка! Мы можем устроить там пикник на природе! – Она озабоченно взглянула на меня. – Но перед этим тебе нужно переодеться. Я не хочу, чтобы ты разгуливала в этом старом тряпье.

Притащив в свои покои, она одела меня в солнечно-желтое платье, которое сидело на мне так же безукоризненно, как и вчерашнее. Как выяснилось, за это время портниха уже укоротила все наряды, которые Мари отобрала. Кроме того, Мари велела приготовить мне другую комнату, прямо напротив своей. Она была обставлена дорогой изящной мебелью, включая венецианское зеркало в вычурной раме с завитушками. Стены были обтянуты кремовым шелком, а полог кровати украшали воланы с вышивкой. В такой комнате могла бы жить какая-нибудь сказочная принцесса, вся эта роскошь казалась мне почти нереальной. Я бесконечно благодарила Мари, но она и слышать ничего не хотела.

– Ты мне как сестра! – сказала она, похоже, совершенно серьезно. Я знала, что это чувство продиктовано ее подсознанием, и поэтому тут же почувствовала укол совести, ведь она мне тоже была очень симпатична. Казалось, для Мари и деда Анри было самым обычным делом брать меня с собой в запряженную четверкой лошадей карету и везти на прогулку за

город.

Когда западные ворота города остались позади, двигаться стало проще. У кареты были хорошие рессоры, и тряска не доставляла больших мучений. Время от времени на прямых участках дороги кучер щелкал хлыстом, и тогда мы мчались еще быстрее. За городскими стенами природа оставалась почти нетронутой. Из открытого окна кареты кое-где виднелись небольшие крестьянские дворы, но здесь, за пределами города, следы цивилизации попадались редко.

Дед Анри задремал, и я заметила, что у меня тоже глаза слипаются. В какой-то момент заснув, я погрузилась в кошмар: я мчалась в ночи, преследуемая убийцей без лица. Я все бежала и бежала, но мне не удавалось уйти от него, как бы я ни старалась. В затылке у меня зудело и горело со страшной силой, убийца был совсем близко!

Наконец, тяжело дыша, я встрепенулась. В затылке по-прежнему зудело, такой глубокий след оставил этот сон. Зуд не собирался проходить, сохранялось и ощущение преследования, так что я даже в тревоге выглянула из окна проверить, не едет ли кто-нибудь за нами. Но там никого не было. Мари, читавшая книгу, взглянула на меня с легким недоумением:

– Анна, все хорошо?

– Все прекрасно, – заверила я. – Просто мне приснился безумный сон.

– Со мной такое тоже часто бывает, – призналась она. – Вот только этой ночью я во сне зашла в какую-то странную огромную птицу, полую внутри. Птица поднялась в воздух и полетела за море.

Услышав эту историю, я вздохнула. Видимо, у Мари воспоминания о прежней жизни перепутались со снами. Хотелось надеяться, что сон был хотя бы приятным.

Вскоре мы добрались до цели. Булонский лес был большим и местами походил на парк. Оставив вещи на поляне под гомон птиц, мы не спеша побрели к живописному озерцу. Иногда нам встречались другие гуляющие. Все они выглядели довольно респектабельно и прекрасно проводили время здесь, на природе, вдали от городской воню. По озеру каталась на лодке молодая пара. На берегу какой-то малыш резвился со своей собакой под присмотром строгой гувернантки. Мари расстелила на траве покрывало для пикника, а кучер притащил корзину с едой, где запасов, включая две бутылки вина на выбор, хватило бы по меньшей мере на шестерых. Однако на этот раз для утоления жажды прихватили еще и кувшин с великолепным на вкус вишневым соком. Уютно расположившись втроем на покрывале, мы устроили по-настоящему классный пикник. Мы ели свежий хлеб и маленькие пирожные, запивая их соком и вином. За едой мы разговаривали

обо всем на свете, среди прочего о моем детстве во Франкфурте, которое я сплела из реальных и вымышленных событий, стараясь обходить рискованные моменты. С ними я чувствовала себя уютно, почти как дома, вероятно, потому, что мы были родом из одного времени, а значит, действительно в некотором смысле родственными душами.

После еды дед Анри, прислонившись спиной к стволу дерева, задремал, а Мари тем временем опять погрузилась в свою книгу – отчет об исследовательской экспедиции в овечья легендами государство ацтеков.

Мне же захотелось размяться, и я отправилась прогуляться вокруг озера. За большим, в человеческий рост, камнем, напоминавшим причудливой формы кулак, я по малой нужде полезла в кусты. Сидя там с задранными юбками, я ощутила внезапную перемену. Стало не слышно птичьего щебетанья, по кронам деревьев будто ледяной ветер прошел, и было в нем что-то жуткое – я его не просто кожей почувствовала, он прохватил меня насквозь, и внутри похолодело. Подскочив, я в испуге выбежала из-за камня. Пока я растерянно озиралась, ветер прекратился, и все опять стало как обычно. Воздух был по-летнему теплым, наперебой радостно заливались птицы. Я поспешила вернуться к Мари и деду Анри, который к этому времени уже проснулся и дружелюбно поинтересовался, все ли у меня хорошо. Очевидно, мое лицо все еще выражало пережитое потрясение.

– Да, все чудесно, – рассеянно сказала я.

Достав из кармана жилета усыпанные драгоценными камнями часы, дед Анри постучал по выпуклому стеклу.

– Пора. Нам нужно возвращаться. – Он прищурил один глаз. – Иначе наша малышка Анна опоздает к условленному времени.

– И правда, чуть не забыла, – подключилась Мари. Она тоже улыбалась. – У нее же свидание с молодым Фоскером.

Я заметила, что краснею. Видимо, слуга вчера подслушал наш с Себастьяно разговор и не нашел ничего лучше, как немедленно передать им обоим его содержание.

Мари подняла палец в шутливом предостережении.

– Только будь осмотрительна. Эти мушкетеры – настоящие сердцееды.

Она говорила прямо как Сесиль. Должно быть, было во мне что-то такое, что вызывало у людей желание меня опекать.

– Мы всего лишь идем в театр, – сказала я смущенно.

– Разумеется, – подмигнул дед Анри. Он обратился к своей внучке: – Как думаешь, Мари, можем ли мы допустить, чтобы он вскружил ей голову?

Мари покачала головой.

– Даже не знаю. Он производит на меня впечатление человека опасного и таинственного.

– Я полностью доверяю ему, – вырвалось у меня.

– Кардинал ему тоже полностью доверяет, – заявила Мари.

– Что ты хочешь этим сказать? – Я сама сразу же заметила, что этот вопрос задавать не стоило. Я ведь уже знала, что Мари не выносит кардинала и, соответственно, настороженно относится к людям, с ним связанным. Догадалась ли она, что кардинал приставил своего любимца за ней шпионить?

– Я ничего не хочу сказать, – откликнулась Мари. – Кроме того, что тебе нужно быть осторожной.

– Не беспокойся, буду.

По дороге в город я размышляла, не рассчитывает ли Мари, что я, со своей стороны, тоже постараюсь выпытать у Себастьяно, известно ли кардиналу о тайне королевы, в чем бы она ни заключалась. Видимо, поэтому она и не возражала против нашей встречи.

В театр я собиралась особенно тщательно – надела светло-голубое платье с обтягивающим, украшенным вышивкой верхом и вырезом, делавшим грудь больше, чем на самом деле. Волосы я оставила распущенными. Себастьяно любил, когда я не собирала их, и часто зарывался в них лицом. Вдруг я добьюсь того, чтобы он и этим вечером так сделал. Возможно, тогда он все вспомнит.

Часы пробили семь, и я волновалась все сильнее. Себастьяно собирался зайти за мной в половине восьмого, за полчаса до начала спектакля. Я чувствовала себя как перед нашим первым свиданием.

Дед Анри, перед сном еще раз заглянув в гостиную, похвалил мой внешний вид: «Ты очаровательна, деточка! Что за милое платье!» Сам он выглядел скорее небрежно, потому что был уже в ночной рубашке и колпаке, в каких спали в эти стародавние времена.

Едва он, шаркая туфлями, удалился, как в дверях возник слуга с сообщением о том, что пришел мсье Фоскер. Сердце у меня подскочило к самому горлу. Мари набросила мне на плечи подходящий к платью бархатный палантин.

– Не забывай о том, что я тебе сказала.

– Да-да, я буду настороже.

– И не повредило бы, если бы ты разузнала о нем побольше. – Она спешно добавила: – Разумеется, только для того, чтобы получить о нем более полное представление.

Ага. Значит, все-таки – да. Мои предположения подтвердились. Она хотела, чтобы я вызнала у Себастьяно, плетет ли кардинал какие-нибудь интриги против королевы и если да, то какие.

– Я постараюсь завоевать его доверие, – пообещала я. И даже не солгала, ведь именно этого я и намеревалась достичь. И не только этого. Если все получится, как я себе представляла, уже очень скоро мы с Себастьяно будем в нескольких сотнях лет отсюда, дома в двадцать первом веке. Там о раздорах между кардиналом и королевой будут напоминать только несколько учебников да статьи в Википедии. И, может, еще старая история о нескольких мушкетерах, случившаяся в 1625 году и якобы основанная на реальных событиях, но по большей части наверняка вымышленная, как во всех романах. С нашим возвращением все благополучно закончится. Кошачья маска мне вовсе не пригодится, ведь Себастьяно давно уже выполнил все свое задание. Иначе и быть не может.

«Желаю тебе приятного вечера», – сказала Мари. Прозвучало это вполне искренне. В глазах ее чувствовалась тоска, дыхание одиночества. Меня опять затопило сочувствие. Вероятно, в прошлой жизни она оставила друга, которого любила, а теперь забыла его. Как меня Себастьяно.

Сочувствие превратилось в жалость к самой себе, а затем в страх, ведь никто не мог гарантировать, что он меня вспомнит. Спускаясь к выходу, я несколько раз глубоко вздохнула. С лестницы я увидела его стоящим в вестибюле. И на последних ступеньках нацепила на лицо сияющую улыбку. Вечер мог начинаться.

* * *

Восхищение, вспыхнувшее в его глазах, пролило бальзам на мою душу.

– Привет! – едва дыша, сказала я (а вышло «*Вот и я*»).

В ответ он в качестве приветствия галантно поцеловал мне руку, чему я несказанно обрадовалась.

– Анна, ты прелестна! – Он подставил мне локоть, чтобы я могла взять его под руку.

– Спасибо, – кончиками пальцев я ощущала, какая сильная и натренированная у него рука. И как же здорово было идти так близко от него. Это свидание началось поистине многообещающе. Себастьяно приехал за мной в двухместном открытом экипаже, запряженном одной лошадью. Значит, мне не придется идти в прекрасных туфельках из

светлого шелка по грязной мостовой и губить подол роскошного платья. Себастьяно предусмотрительно распахнул дверцу кареты и помог мне войти. Я казалась самой себе настоящей леди.

– Ты когда-нибудь бывал на представлении в театре? – спросила я, когда мы оба уже опустились на мягкое сиденье экипажа.

– Бывал, и часто.

Он велел кучеру трогать.

– И какие пьесы ты смотрел?

Он наморщил лоб, вспоминая:

– Я не припомню ни одного названия. Должно быть, они были так себе.

– Совсем ни одного не помнишь?

Морщины на его лбу стали еще глубже.

– Боюсь, что нет.

– Как я рада! – во мне снова вспыхнула надежда. Судя по всему, в искусственно вживленных ему воспоминаниях имелись большие пробелы. И это означало, что настоящая память где-то в нем еще жива.

Он взглянул на меня, пораженный моим пылким возгласом.

– Почему тебя так радует моя забывчивость?

– О, хм, нет, я хотела сказать, как мило с твоей стороны, несмотря ни на что, пойти со мной в театр. Пусть даже тебе это прежде не доставляло удовольствия.

Немного робея, я искоса рассматривала его.

– Между прочим, ты сегодня отлично выглядишь.

И правда. В приталенном сером с синеватым отливом камзоле, элегантной шляпе с пером и до блеска начищенных ботфортах вид у него был действительно впечатляющий. Мне нравилась мужская мода семнадцатого века, по крайней мере на Себастьяно. Эта одежда ему потрясающе шла. Еще немного, и я бы со вздохом прильнула к нему.

Казалось, он что-то почувствовал и нахмурился. Наверно, я смотрела на него слишком влюбленными глазами. Он мне как-то рассказывал, что не любит женщин, которые сами липнут к мужчинам. Ему всегда больше нравились независимые и ершистые.

– Именно это вместе с твоим чувством юмора меня с самого начала больше всего и привлекло, – сказал он. – Что ты такая ослица упрямая, а не из тех, что глазки строят.

Я тут же перестала пялиться на него и принялась с напускной небрежностью рассматривать свои ногти. За последние, полные стресса дни я сгрызла их почти до основания. Выпускной экзамен по математике

уже не пошел им на пользу, а остальное довершил Париж, прежде всего Париж этого столетия.

– Ты грызешь ногти, – констатировал Себастьяно.

– Да, когда у меня стресс, – вместо слова «стресс» я произнесла «трудности», что в данном случае одно и то же. Преобразователь хорошо чувствовал нюансы.

– И что же это за трудности? – поинтересовался Себастьяно.

– Ах, их так много, и не перечесать.

– А ты попробуй. Мне интересно.

Я взглянула на него потрясенно и радостно. Он потихоньку начинал оттаивать!

– Ну, хуже всего, что я очень скучаю по дому во Франкфурте. И... по Италии. Прежде всего по Венеции.

Запустив этот пробный шар, я затаила дыхание.

Лицо Себастьяно приняло озадаченное выражение.

– Почему по Венеции?

– Я там часто бывала и очень люблю этот город.

– А зачем ты туда ездила?

– Первый раз я была там с родителями. Мой отец... ученый, я же тебе уже рассказывала. Он занимается раскопками всяких исторических достопримечательностей. Так я познакомилась с Венецией и полюбила ее.

Бросив красноречивый взгляд на Себастьяно, слово «полюбила» я выделила особо.

– Венеция, – медленно повторил он. Это прозвучало задумчиво и немного растерянно. – Я слышал о ней. Город, построенный в лагуне. Там много каналов и дворцов. И люди надевают маски на карнавале. Думаю, я с удовольствием когда-нибудь съездил бы туда.

Я взволнованно наблюдала за его лицом. Глаза выдавали, что он погрузился в глубокое раздумье. Во взгляде было что-то отсутствующее и вместе с тем ищущее. Еще чуть-чуть, и он вспомнит! Мне стоит только самую капельку помочь ему, все описать. Толпы людей у моста Риальто. Дворец дождей в лучах весеннего солнца. Золотого ангела на Кампаниле Сан Марко. Высокие колонны на Пьяцетте. Если только я распишу ему все в самых ярких красках, память обязательно вернется!

К сожалению, в эту секунду экипаж, дернувшись, остановился. Мы приехали.

Себастьяно, расплатившись с кучером, велел ему ждать до конца представления.

Театр находился напротив дворца, бывшей резиденции герцога Бургундского, про который Сесиль мне уже подробно рассказывала. Этому дворцу он и был обязан своим названием. Да и сам театр имел давние традиции. По словам Сесиль, уже несколько десятков лет в его стенах сменяли друг друга разные труппы. Та, где все главные роли исполняла она, вообще-то еще не обрела, по ее же самокритичному признанию, большой популярности. Но она заверяла, что это лишь вопрос времени, ибо особые надежды возлагала на пьесы собственного сочинения.

– Онавды фсе вудут левать у моих вок, – провозгласила она с полным ртом стеклянных шариков.

Я взяла Себастьяно под руку, и мы вместе прошли в зрительный зал, не очень большое помещение, освещенное свечами в настенных канделябрах и люстре. Зал от зрителей не ломился, свободных мест хватало, так что мы сели совсем близко к сцене. К моему большому удивлению, там сидел Филипп, с благоговейным ожиданием глядя на завешанную плюшевым занавесом сцену. Он приделся и на затылке перевязал светлые волосы новой шелковой лентой. Шляпу он положил на колени. Мы с Себастьяно заняли свои места, и он изумленно повернулся ко мне.

– Анна! Что ты здесь делаешь?

– То же, что и ты – пришла посмотреть спектакль Сесиль.

При виде Себастьяно на его лице выразилось еще большее удивление. «Приветствую вас», – осторожно сказал он, вопросительно глядя на меня. В ответ я едва заметно покачала головой. Нет, память к Себастьяно, к сожалению, не вернулась, но я над этим работаю.

Сообразив, Филипп откашлялся.

– Рад видеть тебя здесь, Анна. Сесиль и словом не обмолвилась, что ты сегодня придешь.

– Ах, да мы собрались в последний момент.

– Она наверняка обрадуется. – Филипп кивнул Себастьяно со сдержанной доброжелательностью. – Желаю вам получить удовольствие от представления, месье.

– Спасибо, – сказал Себастьяно. Он подозрительно изучал Филиппа, а потом, прищурившись, посмотрел на меня. Было понятно, что эта встреча показалась ему странной, вероятно, такой же странной, как и обстоятельства, при которых он видел Филиппа в первый и во второй раз, когда тот передавал ему послания от Гастона и тем самым оставил о себе

не самые лучшие впечатления.

– Что общего у тебя с этим типом? – осведомился Себастьяно. Он даже не особо понизил голос, так что Филипп слышал каждое слово и в мучительной неловкости уперся взглядом в свою шляпу.

Я не успела еще придумать объяснение, как нас отвлек оглушительный рев фанфар. Я вздрогнула, потому что раздался он совершенно внезапно и действительно был ужасно громким. На сцену вышел человек в зеленых пятнистых одеждах, трубя в фанфару, на которой висел такой же зеленый и пятнистый флажок. Люди, только что дремавшие себе на скамейках, мгновенно пробудились и захлопали. Фанфарист, толстяк с лихо закрученными кверху усами, выступал еще и в роли ведущего. Оттрубив, он не слишком приятным фальцетом начал нахваливать предстоящее представление и объяснять сюжет. Речь шла о каких-то богах, нимфах и отважных героях, а также о злобных интригах, алчных торговцах и несчастной любви. Вытянувшись в нетерпеливом ожидании, я искоса бросила взгляд на Себастьяно. Он по-прежнему пристально смотрел на меня, и я поняла, что к своему вопросу он еще вернется. Позже он наверняка будет настаивать, чтобы я ответила.

Но пока его внимание от меня отвлекли, потому что началось представление. Плюшевый занавес отдернули в сторону, а усатый ведущий исчез за декорацией, представлявшей собой картонную стенку с нарисованным на ней лесом. Тут же раздалась барабанная дробь, и в следующую минуту на сцене появилась Сесиль. Всех зрителей (я вдруг заметила, что в зале почти одни мужчины) словно током ударило, потому что, как всегда, внешность Сесиль так и притягивала взгляд. Она, фигурой напоминавшая Мэрилин Монро, была облачена в шелковый наряд, подчеркивавший каждую округлость. По правому плечу водопадом струились пепельные волосы, левое оставалось оголенным. Обведенные сурьмой глаза мерцали при свечах, а на увеличенных помадой губах играла обольстительная улыбка. В развевающемся одеянии она стала танцевать, кружась по всей сцене, исполняя повороты и прыжки, от чего у нее во все стороны метались не только волосы. Танцуя, она отбивала такт на маленьком тамбурине, а колокольчики на ленточках вокруг лодыжек сопровождали все действие радостным перезвоном. Стихи, произносимые ею в танце, почти полностью терялись, потому что в зале все как один сконцентрировали внимание на ее груди, при каждом шаге грозившей выскочить из одежд. Мимолетный взгляд в сторону Себастьяно показал, что и он смотрел, не отрываясь. Больше всего мне хотелось встать перед ним и загородить ему сцену, но это выглядело бы весьма своеобразно.

Поэтому я, подавив накатившую ревность, держалась как ни в чем не бывало. Наконец Сесиль, закончив танцевать, вышла на край сцены. Торжественно, с великолепной дикцией (видимо, шарики делали свое дело!) она произнесла монолог, тоже в стихах. В них, правда, не было рифмы, но по ритму я узнала – спасибо урокам немецкого – пятистопный ямб, которым Сесиль поведала нам, что она – лесная нимфа, только что вышла из ручья и безумно влюбилась в какого-то случайно сидящего на берегу юношу. Однако тот как раз ехал в город, чтобы жениться на богатой наследнице, что подыскал для него жестокосердый опекун. Произнося этот монолог, Сесиль заставила себя разрыдаться, от чего у нее задрожал не только голос, но и грудь. Некоторые зрители, уже было заскучавшие, снова полностью отдались происходящему. После нескольких строф, где Сесиль объясняла, что умрет от разрыва сердца, если юноша женится на другой, она со скорбно опущенной головой ушла со сцены, на чем первое действие и закончилось. Перед тем как исчезнуть за кулисами, она подмигнула мне, лукаво улыбнувшись. Ей явно было приятно, что я пришла на представление.

Следующим на сцену вышел юноша, которому стукнуло, однако, как минимум тридцать, и у него уже образовались отчетливые залысины. Кроме того, он плохо знал текст. Он много раз прерывался, что вызывало у публики непредусмотренные сюжетом взрывы смеха, и тогда лицо его делалось обиженным. В пространных выражениях он объяснил зрителям, что случайно проходил в лесу мимо ручья, утолил жажду, и тут ему явилась прекраснейшая женщина всех времен.

– Она была так чудесна, так восхитительно изящна. Волосы серебрились подобно водопаду. Под одеждами вздымалась пышная грудь.

В этом месте он опять застыл, уставившись на зрителей, словно надеялся обнаружить забытый текст у них.

– Дальше! – крикнул кто-то. – Про грудь расскажи подробнее!

Юноша возмущенно засопел, но выкрик возымел желаемое действие. Оставшийся текст он вспомнил.

– Любовь поразила меня, подобно молнии. Но горе мне, я должен исполнить тяжкий долг.

– Пусть опять выйдет нимфа! – прокричал какой-то зритель.

Но она пока не выходила. Зато появлялись другие действующие лица, или те же, но по-другому одетые. Старик, долго и нудно представлявший опекуну юношу (это был ведущий, только теперь не в зеленом, а в красном), затем богатая наследница (Сесиль в черном парике), на самом деле любившая соседского сына и готовая скорее умереть, чем выйти

замуж за навязанного ей жениха, и, наконец, соседский сын, который мечтал тайно бежать с наследницей, но боялся мести богов. Под конец в грохоте (барабанная дробь) и дыму (за сценой жгли что-то сильно чадающее) на сцену вступил Зевс собственной персоной. Несмотря на седую бороду и развевающиеся одежды, фальцет выдавал в нем все того же ведущего, который сулил героям пьесы страшную кару, если они станут сопротивляться воле богов, хотя в чем эта воля, собственно, заключается, так и осталось неясным. Тут в сюжете явно наблюдались недоработки. Да и вообще, честно говоря, было до зевоты скучно, не спасали даже выходы Сесиль. Она еще дважды появлялась в образе нимфы в чем-то похожем на короткую ночную рубашечку, но появления эти по сравнению с тягучими сценами между ними были слишком короткими, чтобы удержать зрителей. Перед последним действием добрая половина зала уже ушла, и я тоже считала, что мы с Себастьяно могли бы найти занятие поувлекательней. Но мне не хотелось обижать Сесиль, и поэтому я честно высидела до конца, который чем-то напомнил мне Ромео и Джульетту. В финале нимфа, обливаясь слезами, навсегда вернулась в свой ручей, чтобы там умереть, потому что по недоразумению считала свадьбу уже состоявшейся. Юноша, пришедший, к сожалению, на полминуты позже, обезумев от боли разлуки, под драматичную барабанную дробь закололся у ручья кинжалом. Перед этим наследнице и соседскому сыну все-таки удалось сбежать. Какой-никакой, пусть наполовину, но хеппи-энд. Когда спектакль закончился, все трое исполнителей собрались на сцене, чтобы принять аплодисменты, довольно скромные, потому что в зале, кроме нас, уже почти никого не было. Только Филипп хлопал как сумасшедший, с обожанием глядя на Сесиль. На узком лице была написана вся его безнадежная любовь. Она милостиво послала ему воздушный поцелуй, от чего он покраснел до ушей и все смотрел, как она вместе с другими актерами уходила со сцены и исчезала за кулисами.

Мы с Себастьяно и Филиппом пошли к выходу. Филипп заявил, что подождет Сесиль и проводит ее до дому. Я попросила передать ей от меня сердечный привет и сказать, что на следующий день я к ней непременно загляну. К Филиппу я тоже собиралась заскочить, чтобы до возвращения в будущее – а ведь оно уже завтра – обязательно попрощаться с ними обоими и за все поблагодарить.

Поднявшись с помощью Себастьяно в экипаж, я увидела, как Сесиль вышла из театра и остановилась рядом с Филиппом. В свете факелов было видно, что они шушукались, довольно открыто поглядывая в нашу сторону. То, как Сесиль в разговоре кривила лицо, пробудило во мне какое-то

нехорошее чувство. Она выглядела сейчас примерно так же, как в тот момент, когда Мари объявила, что хочет обустроить для меня комнату рядом со своей. Я спросила себя, что же они там обо мне говорят, но тут же отвлеклась, потому что рядом уселся Себастьяно с выражением лица, предвещавшим грозу.

– Так что у тебя общего с этим типом? – повторил он свой прежний вопрос. – Откуда ты его знаешь?

– Никакой это не «тип», его зовут Филипп, и он очень милый. Когда я приехала в Париж, он мне очень помог. И кроме того, он дружен с Сесиль. Не заметил, как он ее боготворит?

Экипаж, гроыхая, тронулся и покатил в ночь. На небе висела бледная, почти полная луна. Я тут же вспомнила, что следующей ночью полнолуние, и другого шанса уговорить Себастьяно прогуляться по мосту Понт-о-Шанж у меня уже не будет. С этой точки зрения разговор о Филиппе пришелся очень кстати, потому что давал возможность незаметно перейти к основной теме.

– А почему ты так настроен против Филиппа? – прикинулась я дурочкой. – У меня такое ощущение, что вы друг друга знаете.

– Он по поручению одного очень странного человека дважды доставлял сообщения, которые показались мне более чем подозрительными.

– И что же там было написано?

– Что я при следующей смене фаз луны непременно должен явиться на мост Понт-о-Шанж. – Он покачал головой. – Сперва я решил, что они ошиблись адресом, но во второй раз этот Филипп заверил меня, что все правильно и мне при смене фаз луны нужно быть на мосту.

Я продолжала изображать неведение.

– И что же это могло значить?

– Откуда мне знать?

– А что с тем странным человеком, чье поручение он выполнял?

– О, он, по-видимому, такой же полоумный. С ним я познакомился несколько недель спустя. Этот разряженный толстопуз заклинал меня пойти с ним ночью на мост, чтобы воспользоваться порталом, – Себастьяно искусно передразнил Гастона. – Мне пришлось применить силу, чтобы от него отвязаться.

– Хм, действительно странно, – я приняла глубокомысленный вид. – Завтрашней ночью как раз полнолуние. Может, нам просто пойти и посмотреть, что там, на мосту, произойдет.

– Да ничего там не произойдет.

– Но тогда этот... толстопуз не стал бы так усердствовать и трижды призывать тебя пойти туда.

– Чего только не взбредет в голову сумасшедшему.

– А ты уверен, что он сумасшедший? Ты вообще-то думал о том, что могло бы происходить на мосту в такую ночь?

В слабом свете сальной свечи, висевшей в экипаже, я видела, что Себастьяно растерянно наморщил лоб. Он оставил мой вопрос без ответа, из чего я сделала вывод, что он об этом очень даже думал.

– Мы могли бы завтра пойти туда вместе, – повторила я свое предложение. – Тогда бы все и выяснили!

– Там наверняка обретаются всякие сомнительные личности, которые только и ждут, как бы ограбить проходящих простаков.

– Кто собирается грабить, может сделать это в любую ночь. Зачем ждать полнолуния или новолуния? Тем более на мосту, что отовсюду хорошо просматривается? И что означают эти странные слова о портале? Здесь должен быть какой-то более глубокий смысл! Давай завтра сходим туда, а? Может, там произойдет что-нибудь... магическое!

– Ерунда. Никакой магии не существует.

– Еще как существует, – возразила я. – Я твердо в этом убеждена.

Себастьяно насмешливо поднял бровь.

– Убеждена, значит? Хотя прочла уже так много научных трактатов?

– Некоторые вещи наука не объясняет.

– И какие же?

Глубоко вздохнув, я решила поставить на карту все.

– Взять, к примеру, нас с тобой. Разве ты не чувствуешь между нами какую-то связь? Что-то необычное, особенное? Я чувствую, что ты мне очень близок, и готова побиться об заклад, что и ты ощущаешь то же самое, хотя знаешь меня всего два дня. В этом есть что-то... магическое, разве нет?

Я умолкла, затаив дыхание. Я говорила очень серьезно и всей душой надеялась, что его подсознание окажется достаточно сильным, чтобы позволить ему воспринять сказанное. Я взглянула на него с надеждой и немножко со страхом. В лице у него не было и тени улыбки. Оно сохраняло абсолютно непроницаемое выражение. Только глаза нереально ярко сияли в свете маленького экипажного светильника.

– Ты права, – тихо сказал он. – И это меня несколько беспокоит.

– Но почему? – Я вздохнула с облегчением, совершенно счастливая. – Есть вещи, которые не стоит анализировать. Особенно если речь идет о магии.

– Хм, может, и так. Давай проясним все до конца.
– То есть пойдем завтра вечером на мост?
– Почему бы и нет. Прогуляться при лунном свете, чтобы раскрыть тайну, – звучит, как увлекательное и в то же время романтическое приключение. Но вообще-то я имел в виду нечто другое.

Протянув руку, он осторожно провел кончиками пальцев по моей щеке. Прикосновение было легчайшим, скорее намеком на прикосновение – словно щеку перышком пощекотали, но меня тут же пронзило насквозь, и, не сиди я уже, пришлось бы за что-нибудь ухватиться, чтобы не упасть, – так закружилась голова. Его нога касалась моей, и я ощущала слабый аромат сандалового дерева, исходивший от его свежевыглаженной рубашки. Сидя в экипаже так близко от него, я испытывала пьянящее и в то же время до боли знакомое чувство. Я так истосковалась по его поцелуям, что невольно вздохнула с облегчением, когда он наконец склонился ко мне и обнял. Как только его губы нашли мои, я с готовностью и страстью откликнулась – и меня мгновенно охватило пламенем. Это был настоящий фейерверк! Такие эмоции он вызывал во мне с первых дней нашего знакомства. Между нами словно электрический ток пробежал, да так, что искры во все стороны летели, пока каждый атом моего тела не заряжался от его близости.

Мы целовались почти целую вечность и все не могли остановиться. Руки Себастьяно пустились в странствие, их прикосновение, как и легкое царапанье его бороды, приносило неопишемое блаженство. Я бы не возражала, если бы мы обнимались так всю жизнь, и мне наверняка ни на секунду не стало бы скучно.

Но кучер – о господи, я совсем про него забыла! – внезапно прервал нас отчетливым покашливанием. Мы с Себастьяно, тяжело дыша, отпрянули друг от друга. Он посмотрел на меня очень серьезным взглядом. На этот раз лицо его не оставалось неподвижным, в нем отражались самые противоречивые чувства. Желание и вместе с тем растерянность и недоверие. Сам он пока так и не вспомнил, что когда-то мы были вместе, но тело его вспомнило. В сильном возбуждении я ответила на его взгляд и тут же осознала, что свидание сейчас закончится: экипаж стоял у дворца де Шеврез. Наверху в открытом окне салона маячила фигура в светлых одеждах – Мари, глядя вниз, приветственно махала нам рукой. «Наконец-то ты вернулась, Анна!» – донесся до нас ее приглушенным голос, в котором слышалось нескрываемое облегчение.

– Звучит так, словно она беспокоилась за твою жизнь, – проворчал Себастьяно.

– Она считает тебя сердцеедом и не доверяет тебе.

Ответ был явно необдуманым, как я сообразила по его следующему замечанию.

– Неужели? – протянул он. – Почему же она тогда вообще отпустила тебя со мной?

– О, это... – я запнулась, ведь не могла же я выдать ему, что Мари надеялась получить какие-нибудь сведения о Ришелье. – Потому что я свободный человек и сама принимаю решения.

– Спасибо, что предупредила, – его лицо опять стало непроницаемым, словно мы и не целовались вовсе. Внезапно меня охватила тревога. Сейчас нельзя позволить ему пойти на попятный. Мы должны завтра вместе быть на мосту!

Но беспокойство еще не успело перерасти в панику, когда он, взяв мою руку, поднес ее к губам и поцеловал. Я затрепетала, ведь губы его, коснувшись моей руки, задержались там несколько дольше положенного.

– Спокойной ночи, прекрасная Анна. Завтра вечером я зайду за тобой перед нашей прогулкой.

– Д... да, – заикаясь, ответила я, приведенная поцелуем в полное замешательство. – То есть... э-э-э... когда?

– Я думал, и так понятно. Разумеется, когда взойдет луна.

Часть третья

День четвертый

Этой ночью я спала беспокойно, и сны перемежались кошмарами. Я опять бежала по темным, в клочьях тумана, улочкам, преследуемая кем-то опасным. Я все мчалась и мчалась и тем не менее никак не могла уйти от тени у меня за спиной. Всего несколько шагов отделяли от меня преследователя, сейчас он меня схватит! Задышавшись, я подскочила в кровати и, потирая зудящий затылок, в панике оглядела комнату. На маленькой консоли на стене горел ночник. Своей элегантностью спальня производила какое-то неестественное впечатление. Дорогая лакированная мебель в восточном стиле придавала ей вид красавицы, к которой и подойти-то страшно. В комнатке под крышей мне нравилось больше. Но это не имело никакого значения, ведь я провела здесь последнюю ночь.

В затылке все еще зудело, это был плохой знак. Помедлив, я откинула одеяло и встала. С бьющимся сердцем я сперва подошла к окну и подергала ставни. Они были плотно закрыты. Беззвучно ступая босыми ногами по зеркальному паркету, я подошла к двери и приоткрыла ее – очень медленно, потому что сердце колотилось как сумасшедшее и зуд все не проходил. Там, снаружи, что-то было. Или кто-то. Как бы то ни было, мне грозила опасность. Я вздрогнула, в глубине темного коридора мне почудились какие-то звуки. Медленно высунув голову в приотворенную дверь, я прислушалась. Но ничего не происходило. Звуки – если вообще они были – больше не повторялись. Я снова закрыла дверь и для надежности заперла ее на щеколду. Кто его знает. В доме Мари жил не один десяток людей: лакеи, служанки, камеристки, кухарки и слуги для грубой работы. Если среди них кто-то и замышлял недоброе, вполне могло оказаться, что я выясню это, когда будет уже слишком поздно. На зуд в затылке в этом смысле полагаться не стоило. При скрытой угрозе он проявлялся далеко не всегда, а при непосредственной опасности часто включался слишком поздно, когда времени на какие-то меры предосторожности уже не оставалось.

В любом случае сейчас он прекратился. Видимо, это действительно была реакция на сон с преследованием. Тем не менее снова заснуть я долго не могла.

Утром я, естественно, проснулась довольно поздно, позолоченные барочные часы на каминной полке показывали уже почти десять. Я лихорадочно стала собираться, чтобы выйти из дома. Предстояло еще много дел.

Мари и Анри в салоне пока не появлялись, поэтому, позавтракав на скорую руку в кухне, я сразу же ушла. Я надела одно из простых платьев, полученных от Эсперанцы, и мягкие кожаные туфли, в которых носиться по городу было гораздо удобнее, чем в шелковой обуви Мари. Дорогу я нашла без проблем, потому что за это время во всех направлениях уже знала какие-то точки, по которым могла ориентироваться. Серое каменное чудище – Бастилию. Тампль с возвышающимися над ним высокими башнями, который в Париже считали кварталом греха. Лувр и дворец Тюильри и, наконец, Сене и остров Сите с громадным собором.

Этим утром везде царил обычное оживление, весь город был на ногах. Его, казалось, прямо распирало от шумной деловитости. Я нигде не останавливалась, хотя иногда замедляла шаг. Например, когда проходила мимо женщины, которая у дверей своего дома ошипывала – еще живого! – гуся. Или рядом с мужчиной в железной маске, прикованным к позорному столбу.

Большинство улиц были грязными и заваленными отходами, но попадались и прекрасные уголки: где – цветущая живая изгородь из роз, где – волшебный колодец с мраморными стоками, а где – небольшой сад, похожий на парк.

Я пошла по мосту Нотр-Дам в надежде застать там Эсперанцу, но магазинчик масок был закрыт. Зато из парфюмерной лавки напротив на весь мост разносился масляный запах сирени. Батист, бывший муж Сесиль, стоя у откинутого прилавка, заметил меня, когда я проходила мимо. Сегодня на нем была канареечно-желтая бархатная жилетка, которая резко контрастировала со ставшим огненно-красным от смущения лицом. Сделав вид, будто его не заметила, я быстрым шагом прошла дальше.

На Рю Персе ставни комнаты Сесиль были еще закрыты, но дверь в дом стояла нараспашку, и старая консьержка, как и в прошлый раз сидевшая у входа на невысокой табуретке, впустила меня без всяких возражений. Мне пришлось долго стучать, выкрикивая свое имя, пока наконец раздалось глухое «заходи».

В квартире я тут же споткнулась о какой-то предмет на полу и едва успела ухватиться за основание кровати. Проникавший сквозь щели в ставнях свет не давал возможности как следует рассмотреть заваленную бархлами комнату. Моим глазам понадобилось несколько секунд, чтобы

привыкнуть к такому освещению.

Сесиль села в кровати, заспанно щурясь.

– Чего тебе?

– Ах, я просто хотела... я хотела поблагодарить тебя за все.

Внезапно мне показалось, что еще раз прийти сюда – плохая идея. Было не похоже, что Сесиль обрадовалась. Я старалась не делать глубоких вдохов, потому что в комнате стоял дурманящий запах сирени. А потом я увидела, обо что споткнулась – о плетку, которая в прошлый раз висела на стене. Последний визит Батиста состоялся, видимо, не так давно. Это предположение подкреплялось тем, что на ночном столике рядом с кроватью Сесиль лежало несколько серебряных монет.

Сесиль проследила за моим взглядом, голос ее прозвучал неприветливо:

– Да, он сегодня утром опять приходил. И что? Что ты теперь сделаешь? Помчишься к Филиппу и все ему расскажешь?

– Конечно, нет! – заверила я. – Это исключительно твое личное дело!

Коротко и неглубоко вздохнув, я продолжила:

– Еще я хотела пожелать тебе удачи с новой пьесой. Ну, ты знаешь. Про автора и девочку. Ведь, может, это будет твой прорыв к успеху!

– Для этого история слишком скучна, – заявила она, отмахнувшись. – А теперь дай мне поспать, я устала.

Она снова улеглась и натянула на голову одеяло. Я определенно застала ее врасплох, она ведь никогда не была ранней пташкой. Я усиленно соображала, как лучше выйти из этой ситуации. Меня угнетала мысль, что это останется на веки вечные нашим последним разговором.

И тут пришла идея. Вытащив из мешочка на груди несколько золотых монет, я бесшумно добавила их к деньгам на ночном столике. На них она сможет прожить несколько месяцев, не будучи зависимой от поддержки Батиста. А там, глядишь, придет наконец и долгожданный успех в театре.

– Прощай, – тихо сказала я. – И большое спасибо за все.

В ответ послышалось только недовольное бормотание. Несколько раз судорожно сглотнув, я в конце концов протянула руку, чтобы через простыню осторожно погладить ее по лицу.

– Всего тебе хорошего!

Ответа по-прежнему не было. Но вдруг ее рука, незаметно высвободившись из-под одеяла, схватила мою, коротко пожала, а затем снова исчезла. Я тихонько вышла из комнаты. На улице, похожая на большую равнодушную ворону, на своей табуретке по-прежнему сидела старая консьержка.

– До свидания, – вежливо сказала я, проходя мимо нее, но она только молча смотрела в пространство.

У меня за спиной распахнулись ставни, и в окне появилась взлохмаченная голова Сесиль.

– Вот еще что, – сказала она, ладонью прикрывая глаза от яркого дневного света. – Не верь ему.

Я повернулась к ней, ошарашенная.

– Кому?

– Мушкетеру. Он ведет двойную игру.

– С чего ты взяла?

– Все мужчины так поступают.

– Только не он.

– Как бы не так! Особенно он. Он подчиняется приказам Ришелье. Безоговорочно. Просто помни об этом. Ты – всего лишь средство для достижения цели. Если не будешь с ним держать ухо востро, за твою жизнь никто гроша ломаного не даст.

С этими словами она снова захлопнула ставни. Я растерянно побрела в сторону Сены, сначала медленно, а потом все быстрее, не оглядываясь до самого моста Сен-Мишель.

* * *

– Прозвучало так, будто она что-то знает, – сказала я Гастону. – Ну, то есть о Ришелье и его планах. Или о Себастьяно. Мне еще вчера вечером так показалось, когда они с Филиппом шушукались. Ты когда-нибудь говорил с Сесиль на эту тему? Прежде всего о Себастьяно?

– Ерунда, – возразил Гастон с набитым ртом.

Он опять велел слуге принести из «Золотого петуха» те маленькие паштеты, что месье Мирабо готовил для него собственноручно.

– Может, ты говорил об этом с Филиппом, а он потом с ней, – рассуждала я.

Слова Сесиль не шли у меня из головы. Она говорила так... убежденно, и это меня мучило. Я не сомневалась в правдивости ее рассказов о низостях Ришелье, но чтобы Себастьяно использовал меня для темных целей кардинала – это не могло быть правдой ни за что и никогда. Его влекло ко мне, поэтому он и встречался со мной, и ни по какой другой причине! И все-таки очень хотелось бы знать, почему Сесиль так настоятельно предостерегала меня от Себастьяно. Но Гастон лишь

отмахнулся, когда я его об этом спросила.

– Это совершенно не важно. Все равно завтра вы оба уже вернетесь в ваше время, и вам не нужно будет ломать голову, что за интриги плетет здесь кардинал. Ах да, кстати – я-то уже знаю. Провел небольшое расследование. – Довольный собой, он откинулся на спинку стула, скрестив облаченные в дорогие чулки ноги. – Кардинал собирается при всех раздеть королеву, и для этого не побрезгует никакими средствами.

– Что значит – раздеть? – с сомнением спросила я. – Он хочет... э-э-э-м... увидеть ее голой?

Гастон непонимающе наморщил лоб.

– Нет, он хочет предать огласке ее преступные действия. Ведь это и значит «раздеть», не так ли?

– А, ты хочешь сказать «разоблачить».

– А это разве не то же самое? Ну, не важно, в любом случае кардинал собирается с королевой так поступить, – Гастон победительно проткнул пальцем воздух. – Потому что ему известен ее секрет деликатного свойства! У нее тайная любовная связь!

Я посмотрела на него, совершенно потрясенная.

– Она изменяет? А король в курсе?

– Ну откуда, овечка ты этакая? Если бы он знал, это уже не было бы тайной. Нет, она делает все, чтобы об этой Amour fou^[9] никто не проведал. Но некоторые посвященные, которым она доверяет, разумеется, знают. Например, ее лучшая подруга, герцогиня де Шеврез.

– О господи, – сокрушенно пробормотала я.

Так вот что Себастьяно должен разнюхать для кардинала! И Мари беспокоилась, что, возможно, ему это уже удалось.

Тут я вспомнила о романе, который пролистывала перед отправлением. «Три мушкетера». В этой истории у королевы тоже была связь с человеком, которого она любила больше жизни, – с одним английским дворянином. А храбрый мушкетер д'Артаньян должен был помогать ей, спасая от предателя-кардинала, чтобы король ничего не узнал. Все совершенно так, как и в книге! Может, она и правда написана по реальным событиям!

Внезапно я пришла к убеждению, что задачей Себастьяно действительно было помочь королеве. И только загадочная потеря памяти заставляла его вместо этого шпионить в пользу кардинала. Должно быть, кто-то специально воздействовал на него, чтобы он перепутал стороны.

Гастон смеялся до упаду, когда я изложила ему свои умозаключения.

– Ха-ха-ха, ну надо же! Д'Артаньян? А где же тогда Портос и Арамис? И там ведь, кажется, был еще один? Как же его звали? А, ну да. Атос, – он

хихикнул. – А ты тогда кто будешь? Уж не та ли крошка-камеристка, влюбленная в д'Артаньяна? Или нет, скорее роковая Миледи, которая всем рулит, оставаясь в тени? Ах, нет, не получается, она же на стороне кардинала.

Гастон, усмехаясь, покачал головой.

– Нет, право, Анна, богатая же у тебя фантазия.

Но я не унималась.

– И все-таки что-то в этом есть! Разве ты не видишь сходства?

– Совпадение, Анна. Чистое совпадение.

– А если все же я права? Тогда ведь надо что-то предпринять?

– Давай ты не будешь этим озадачиваться, – покровительственно сказал Гастон. – Если в ходе событий действительно нужно что-то поправить, я займусь этим лично. В конце концов, это моя работа, за эту эпоху отвечаю я.

– Если бы это была твоя работа, они, наверное, не стали бы посылать сюда Себастьяно, разве не так?

– Я же уже говорил: я был в отпуске.

– Но ведь не все же время!

Гастон выглядел слегка обиженным.

– Eh bien, может быть, они послали сюда твоего друга, как своего рода пожарную команду. Но все это только предположения. Мы же вообще не знаем, о каком задании идет речь. Во всяком случае, мне никто ничего не говорил.

Казалось, ему пришла в голову новая идея.

– Очень может быть, что это просто конкурентная борьба между Старейшинами. Ты же знаешь, какими они бывают. С некоторыми из них супа не сварить.

– Каши, – машинально поправила я. – Правильно говорить: каши не сварить.

– Спасибо! Век живи – век учись. Я всегда считал, что ты просто золото, – на десерт записав в рот конфету, Гастон стал с наслаждением жевать ее.

– Попробуй, – сказал он. – Невозможно вкусно!

Я молча покачала головой. Мысль о том, что Старейшины – кто бы они ни были – могут в этом деле работать друг против друга, отбила у меня всякий аппетит. Я еще слишком хорошо помнила Якопо, Старейшину из Венеции, который, чтобы изменить ход времени по-своему, не чурался использовать самых отъявленных преступников.

– Скажи-ка, а что вообще за человек тот Старейшина, с которым ты

здесь работаешь? – спросила я.

– Тебе не стоит волноваться, – отбил мою атаку Гастон. – Мужик надежен, как швейцарские часы. Можно так сказать?

Я молча кивнула, а Гастон, отправив в рот очередное пралине, одобрительно зачмокал.

– М-м-м, как это прекрасно! С марципаном. Может, возьмешь штучку? – И тут же с сожалением покачал головой. – Ой, прости! Это последняя.

– Я все равно не хочу. Ты собирался мне что-то рассказать о твоём здешнем начальнике.

– Как я уже сказал, я абсолютно доверяю ему. В отличие от того странного одноглазого Старейшины из Венеции – как там его?

– Хосе.

– Точно. Вот за него я бы голову на отсечение не дал.

– Но ты же Хосе совсем не знаешь.

– Тоже верно. Но как бы то ни было, на здешнего Старика можно положиться, и могу гарантировать на сто процентов, что сегодня вечером он будет на мосту и откроет для вас портал. Тебе надо позаботиться только о том, чтобы Себастьяно туда пришел. На какое время мне рассчитывать?

– Себастьяно зайдет за мной, как только взойдет луна. Хотя я понятия не имею, во сколько точно.

Гастон был осведомлен лучше меня.

– Разумеется, вскоре после захода солнца, при полнолунии так всегда. Мы в любом случае будем готовы заранее. Смотри, чтобы нам не пришлось торчать там целую вечность.

– Я постараюсь. Ах да, вот еще что. Он очень недоверчив. Если вы все время будете стоять на мосту, это может выглядеть как засада. Он о чем-то таком упоминал, а, как тебе известно, со шпагой он управляется превосходно. То есть будет лучше, если вы сможете организовать как-нибудь... так, чтобы не возникло никаких подозрений, пока все не произойдет.

– Не беспокойся, мы будем ждать где-нибудь в незаметном месте на левом берегу. Отвлеки его, когда вы окажетесь на середине моста. И пока он поймет, что происходит, все уже будет позади.

Я кивнула.

– Договорились.

Душу терзал еще один вопрос, уже давно меня занимавший.

– А кто гарантирует, что мы с Себастьяно действительно окажемся в будущем в одно время и в одном месте? Когда возвращаешься в

полнолуние, попадаешь точно в тот момент, откуда отправлялся. Но ведь мы перемещались в прошлое в разные дни!

Я с ужасом представила себе, что его может выбросить в одной точке отправления, а меня в другой. И после этого мы, возможно, никогда больше не найдем друг друга, потому что этому будут препятствовать какие-нибудь странные, мне до сих пор неизвестные законы перемещения во времени.

– Об этом можешь не волноваться, – успокоил меня Гастон. – Такие ситуации у нас возникали довольно часто. Вы абсолютно точно возвратитесь вместе, это можно устроить.

– Это правда? – уточнила я. – Я могу на тебя положиться?

– Стопроцентно. Все будет хорошо.

Я облегченно вздохнула. Теперь мы обсудили действительно все.

* * *

Расставшись с Гастоном, я отправилась прощаться с Филиппом. Но его не было дома, как сообщил пожилой господин, открывший дверь на мой стук. В нем легко узнавался отец Филиппа, потому что они были очень похожи.

– Не могли бы вы ему от меня кое-что передать? – попросила я.

– Конечно, – он дружелюбно рассматривал меня. – И какое же послание я должен передать?

– Что я очень благодарна ему за все, что он для меня сделал.

– И кто же его благодарит?

– Анна. Меня зовут Анна.

– Я все ему передам, дитя мое.

За его спиной в открытую дверь я увидела портняжную мастерскую. Большой стол для раскроя, в глубине – полки, полные тканей в рулонах, несколько деревянных манекенов, а на стене много больших эскизов модной одежды. Я узнала платье на одном из них – Сесиль надела его на прием у маркизы де Рамбуйе. Очевидно, Филипп был не только ее большим поклонником, но и личным кутюрье.

С тяжелым сердцем я двинулась дальше. Будут ли эти оба когда-нибудь вместе? Для этого, видимо, нужно, чтобы Сесиль оставила тайные игры со своим бывшим, а для этого, в свою очередь, требовалось, чтобы ей стали регулярно поступать деньги из какого-то другого источника. Я искренне желала ей, чтобы это удалось, потому что они с Филиппом достойны всяческого счастья. За такой короткий срок я очень привязалась к

ним. И мучительно было думать, что завтра я окажусь уже очень далеко, а они к этому времени уже несколько сотен лет как умрут и рассыплются в прах.

– Ты слишком много об этом думаешь, – сказал мне как-то Себастьяно. – Тебе нужно научиться такие вещи не замечать.

Я много раз пыталась, но это стоило мне больших усилий. Иногда я использовала одну уловку: представляла себе, что прошлое и будущее существуют подобно параллельным мирам и отделены друг от друга только порталами. Это помогало. По крайней мере иногда, и теперь тоже.

Но, когда я наконец вернулась во дворец де Шеврез и встретила в гостиной Мари, у меня опять комок к горлу подступил. Насколько хватало сил, я старалась не подавать виду и чудесно провела с ней день. Мы поиграли в карты, вместе пообедали, примерили новые платья и съездили в карете в одну шикарную ювелирную лавку, так как она хотела что-то там заказать. Когда мы вернулись, к нам присоединился дед Анри. Мы поужинали, обсуждая званый вечер у короля, что должен был состояться в Лувре на следующей неделе, – большой бал-маскарад, куда съедутся все обладатели чинов и громких фамилий, сливки парижского общества.

– Это станет событием года! – сияя глазами, сказала Мари. – В Лувре все балы незабываемы! Ты будешь в восторге, Анна!

Я предпочла умолчать о том, что, к сожалению, не смогу поехать на этот бал, и сделала вид, будто уже сейчас радуюсь как сумасшедшая.

Вскоре после этого дед Анри, устав, удалился в свои покои. Я особенно сердечно пожелала ему спокойной ночи, – еще больше чувств проявлять было нельзя, это могло показаться подозрительным, – и еще на какое-то время осталась в гостиной с Мари. Она листала книгу, которую принесла из своей богатой библиотеки. Больше всего она любила путевые заметки, они ее особенно увлекали. Она поделилась со мной, что далеко не всеми авторами довольна. Некоторые сильно преувеличивают факты в своих фантазиях, сказала она. Или на много страниц растягивают всякую скучную ерунду, и, читая, приходится прилагать усилия, чтобы не заснуть.

Когда я спонтанно предложила ей взять и написать книгу самой, она посмотрела на меня с недоумением, но потом задумчиво кивнула.

– Интересное предложение, – сказала она. – Действительно стоит подумать! Например, я могу себе представить, что пишу о дамской моде. Возможно, я могла бы издавать журнал. Насколько мне известно, на эту тему еще ничего не издают.

Наш последний совместный вечер быстро подошел к концу, потому что мне еще нужно было переодеться для предстоящего свидания с

Себастьяно. Мари, легко, но, пожалуй, немного озабоченно кивнув, приняла к сведению, что сегодня я снова отправляюсь с ним на прогулку.

– Если ты уверена, что поступаешь правильно, значит, встречайся с ним, – сказала она.

Поборовшись с собой, я набрала воздуха в легкие.

– Мари, мне нужно тебе кое-что сказать. Я думаю, кардинал близок к тому, чтобы раскрыть тайну королевы.

Мари вздохнула.

– Я знаю, Анна.

– Возможно, было бы лучше, если бы королева... Ну, то есть если бы она просто больше не... – я запнулась в смущении.

Мари снова вздохнула.

– Любовь часто сильнее разума, Анна. Она слепа и не видит опасности.

Она невозмутимо произнесла истинную правду. И это правило распространялось не только на королев. В тот момент я терзалась беспокойной мыслью, что оно касалось и меня. Глубоко в душе я подозревала, что Сесиль права. Себастьяно вел двойную игру. Он – верный слуга кардинала и встречается со мной сегодня прежде всего для того, чтобы выяснить правду. О странных посланиях, что передавал ему Гастон. О моей роли в этой истории. И о моих отношениях с Мари, которая, в свою очередь, была лучшей подругой королевы и помогала ей скрывать какую-то темную тайну. Скорее всего, я просто самозабвенно врала себе, воображая, будто он договорился о встрече со мной, потому что им руководило все еще влюбленное в меня подсознание. Но душа моя сопротивлялась этим логическим выводам. «Ну и что из того»? – думала я. Завтра все это никого не будет интересовать. Мы уже будем в нашей эпохе, к Себастьяно вернется память, и все снова будет хорошо.

В гостиной пробили большие напольные часы. Восемь, пора.

– Мне нужно идти, – жалобно сказала я.

– Иди, дитя мое.

– Я... хорошего тебе вечера.

На глаза навернулись слезы. Мне очень хотелось обнять Мари на прощание. Или сказать какие-нибудь пророческие слова, типа: «*Перед тобой великое, лучезарное будущее!*» Но это прозвучало бы довольно глупо. И я, так ничего и не сказав, только улыбнулась ей печальной улыбкой.

– Ну, иди уже, а то опоздаешь, – сказала она.

Судорожно кивнув, я поднялась с дивана. Мари снова углубилась в книгу, а я поспешила к себе в комнату, чтобы собраться. Я надела одно из

платьев от Эсперанцы. Элегантные наряды Мари я аккуратно сложила, они мне больше не пригодятся.

Время от времени я посматривала в окно на небо. Наконец над крышами поднялся матовый, серебристый диск луны. Я увидела, как, приблизившись к дому, у двери остановилась фигура с фонарем, в котором горела свеча. Это был Себастьяно. Подняв голову, он посмотрел на меня. С бьющимся сердцем я помчалась вниз по лестнице.

* * *

– Добрый вечер, Анна, – сказал он.

В ответ я только кивнула. Время пришло. От сильного волнения я не могла вымолвить ни слова. Он подал мне руку, чтобы я оперлась на нее, что я без промедления и сделала. К разговорам мы оба были не расположены. Мы молча брели по вечерним улицам в сторону Сены. Кое-где на углах домов горели факелы, иногда попадались светящиеся окна, но большинство улиц лежало во мраке. На фоне освещенного луной неба выделялись только вздымавшиеся ввысь башни церквей и размытые линии крыш. Над нами мигали звезды, но свет их был далеким и холодным. Особенной романтики не ощущалось, я сильно нервничала.

Дневной шум затих, город спал. На улицах почти никого не было. Один раз нам встретились трое пьяных, мы пропустили их, быстро отступив в сторону. Но один из них все-таки остановился, помахивая фонарем у моего лица. «Какой тут у нас соблазнительный птенчик?» – заплетающимся языком пролопотал он.

Себастьяно стал вынимать шпагу из ножен, раздался угрожающий металлический скрежет.

– Ладно-ладно, – пробормотал пьянчуга и, шатаясь, отправился догонять остальных.

Похолодало, меня слегка познабливало.

– Тебе холодно? – спросил Себастьяно. Это были первые слова, которые он произнес после приветствия.

– Немножко, – ответила я.

Он остановился и, сняв плащ, набросил его мне на плечи. Тяжелая шерстяная материя пахла Себастьяно. Я поглубже закуталась в плащ, еще хранивший его тепло.

– Лучше? – поинтересовался он.

– Намного. Большое спасибо.

Мы пошли дальше, и он обнял меня за плечи, отчего сердце тотчас же пустилось вскачь. Так чудесно было идти с ним рядом. Я упорно гнала от себя мысль, что он действует по расчету.

Чем ближе мы подходили к реке, тем сильнее становились запахи. Воняло дубильными веществами и тухлыми отбросами. Перед нами, всеми оставленный, раскинулся мост Понт-о-Шанж. Вдоль берега были пришвартованы суденышки, колеблющиеся тени в тихо бормочущей воде. С другого берега Сены не более чем точками, мерцающими в ночи, доходил свет отдельных факелов и фонарей.

– Ну, вот и мост, – сказал Себастьяно. – Теперь пройдем по нему и посмотрим, есть ли в нем что-нибудь магическое.

Я по-прежнему только молча кивнула, едва дыша, ведь до нашего возвращения оставались считанные минуты. Мы медленно пошли по мосту. Себастьяно держал фонарь, освещая нам дорогу. На середине моста к перилам был прикреплен крест. Там я остановилась, как мы условились с Гастоном.

– Ой, смотри-ка, крест! – воскликнула я, словно это было что-то совершенно необычное.

– Ну да, поклонный крест, – объяснил Себастьяно. – Такие есть почти на всех мостах. – Он огляделся. – Полнолуние. Только вот магия что-то задерживается.

Тут срочно требовалась импровизация.

– Себастьяно, – начала я (получилось опять на французский манер *Себастьен*, но уже в самый последний раз). – Думаю, ты можешь забрать плащ. Мне уже совсем не холодно, – сняв плащ, я набросила его на Себастьяно. При этом я встала так, чтобы ему пришлось повернуться ко мне и он не мог видеть, что делается у него за спиной.

– Анна, – сказал Себастьяно. Поставив фонарь на перила моста у меня за спиной, он нежно погладил меня по щеке. Его губы приблизились к моим. – Я должен тебе кое в чем признаться.

– Да? Ну тогда... признавайся, – я уже начала таять от его прикосновения, но время к этому явно не располагало. Поэтому я постаралась придать лицу обычное выражение. С другой стороны моста в нашу сторону двигались две одетые в темное фигуры. Обувь у них была словно без подметок, потому что шли они совершенно беззвучно.

– Только ты не должна меня возненавидеть, – сказал Себастьяно.

О чем это он? Такое начало как-то не вязалось с признанием, которого я ждала. Меня охватила паника, но времени разбираться уже не оставалось. Те двое были совсем близко. Чтобы Себастьяно наверняка ничего не

заметил, я сделала то, что напрашивалось само собой. В эту минуту мне было абсолютно наплевать, что он обо мне подумает. Обвив руками его шею, я поцеловала его. Он чуть помедлил, действительно лишь долю секунды, а затем обнял меня так крепко, что мне стало трудно дышать. Казалось, его самообладание держалось на тонкой шелковой ниточке, которая теперь вдруг оборвалась. Я парила в облаках, тело вмиг стало удивительно невесомым. Несмотря на ночную прохладу, мне было жарко, в ушах звенело – вот это поцелуй! Видимо, Себастьяно чувствовал то же самое, потому что сжимал меня в объятиях все сильнее.

Будучи на вершине блаженства, я лишь краем сознания могла думать о том, что сейчас откроется портал и перенесет нас в будущее. Но перед этим, по логике, что-то должно было случиться, иначе все было бы слишком уж прекрасно. За спиной у Себастьяно раздался какой-то треск, наверное, расшаталась одна из досок в настиле моста. Молниеносно отпустив меня, он обернулся.

– Что, чер...

Больше он ничего сказать не успел. Тупой удар по голове заставил его замолчать. Я вскрикнула. Себастьяно закачался и рухнул. За ним с дубинкой стоял Гастон.

– Прости, – сказал он.

Застонав от боли, Себастьяно повернулся на бок. В страхе я опустилась рядом с ним и осторожно положила его голову себе на колени.

– Ты его сильно ударил? – Все еще в глубоком потрясении, я не отрываясь смотрела на Гастона. – Зачем ты это сделал?

Он лишь с сожалением пожал плечами:

– Эта длинная, острая шпага, знаешь ли... К чему рисковать!

Себастьяно со стоном попытался подняться на ноги, но запутался в плаще.

– Быстрее! – обратился Гастон к силуэту позади него. Видимо, это был Старейшина – клошар из будущего. Кроме широкополой, глубоко надвинутой на лицо шляпы и широкого плаща, ничего было не видно. Вытянув руку, он коснулся перил, и в месте касания возникло свечение. Во все стороны разбежались золотые лучи. Разрезая темноту, они сплетались между собой. Весь мост засиял изнутри, словно сделанный из чистого золота, – сверкающая дуга, соединявшая прошлое с будущим.

– Что это? – воскликнул Себастьяно. В его голосе слышался ужас. Все вокруг задрожало, ледяной холод объял мою душу. Я склонилась вплотную к Себастьяно, крепко обвив его обеими руками.

– Не бойся, все будет хорошо! – прошептала я ему, хотя сама в момент

перехода была чуть жива от страха. Затем сверкнула молния, следом прогремел взрыв, погасивший все вокруг, и я погрузилась в небытие.

* * *

Придя в себя, я сразу же поняла, что ничего не вышло. Я лежала, вытянувшись во весь рост, на каких-то острых обломках.

– Себастьяно? – испуганно позвала я.

Никакого ответа, даже стонов не слышалось. В панике я поднялась, а когда увидела, где очутилась, приглушенно вскрикнула. Было не темно, но и не совсем светло. Меня окутывали матовые сумерки. Я находилась посреди каких-то развалин. Обломки стен многочисленных разрушенных домов покрывала смесь пыли и копоти. Вдали возвышалась обуглившаяся башня какого-то собора. Перед ней на развороченной булыжной мостовой распростерся темный силуэт, но лишь когда ветер немного развеял дым, я увидела, что это мертвый человек. Священник в сутане. Сдавленно вскрикнув, я пошла прочь, в отчаянии оглядываясь по сторонам.

– Себастьяно! – позвала я. – Себастьяно!

Я продолжала выкрикивать его имя, но видела вокруг лишь призрачные, оставленные людьми руины. Огромные, зазубренные дыры зияли в стенах разрушенных домов, от которых остались только груды развалин. Среди них обнаруживались уцелевшие фрагменты мирной жизни – потрепанные книги, наполовину сгоревший диван, погнутый велосипед, помятая машина, раздавленная кукольная коляска. На одном углу виднелся почти полностью сохранившийся кухонный гарнитур с холодильником, на который были наклеены семейные фотографии и яркие снимки детей. За кухней лежали еще три мертвых тела – семья, изображенная на фотографиях. Спотыкаясь от рыданий, я брела дальше вдоль этих бесконечных развалин. В затуманенном мозгу постепенно возникало понимание того, что произошло: я попала в хоррор из зеркала Эсперанцы, в альтернативное будущее, где была лишь война, смерть и разрушение. Так вот каким стал бы Париж, если бы в 1625 году никто из Стражей времени не вмешался и что-то там не предотвратил, что бы это ни было.

Спустя какое-то время, показавшееся мне вечностью, началась стрельба. Вокруг грохотало и гремело. Прямо передо мной в землю с ревом вгрызались снаряды, обдавая меня фонтанами пыли и каменной крошки. Мимо ушей просвистывали осколки кирпича и щебенки. Я, упав на колени, вжалась в стену какого-то дома и обхватила голову руками, пытаюсь

защититься от них. Когда выстрелы наконец прекратились, я услышала мужские голоса.

– Она прячется где-то здесь, готов поспорить на мое денежное довольствие!

– А когда ты его в последний раз получал, это довольствие? Несколько лет тому назад. И кроме того, это всего лишь кошка тут орала.

– Ты бы лучше заткнулся и повнимательней смотрел, куда идешь, иначе мы нарвемся на очередную засаду. Очаги сопротивления здесь на каждом шагу.

– Нет здесь больше ни души. Последних мы вчера застукали. Смотри, вон лежат.

– Я же велел тебе заткнуться. Иначе вообще ничего не слышно. Кто-то здесь точно есть. Я только что заметил какое-то движение, и на кошку это не похоже.

Голоса все приближались. Я невольно еще плотнее вжалась в стену. Из-под моей ноги скользнул в сторону камень. Не услышать этот звук было невозможно.

– Это там! Там, за стеной!

Шаги раздались совсем близко, клацнул затвор, звук, знакомый мне по бесчисленным фильмам. А потом прогремели выстрелы. Они пробили кирпичную кладку рядом со мной, наполнив воздух облаком мельчайших осколков. Я распласталась по земле.

– Ты ведешь себя как полный идиот. И все из-за какой-то кошки.

– Если и так, то мертвой кошки. Ненавижу этих тварей.

КОШКА... Выход есть!

Маску мне даже не нужно было надевать, достаточно было того, что она у меня с собой. В мешочке, по-прежнему висящем на шее. Крепко зажмурившись, я судорожно сжала его в руках. Под мягкой кожей ощущались контуры монет и шуршащая, затвердевшая по краям ткань маски.

– Отправь меня к Себастьяно, – громко сказала я. – Немедленно!

– Черта с два это кошка! – проревел наемник.

Из мешочка у меня на груди пробился мерцающий свет. Автоматная очередь продырявила стену над моей головой. Взметнувшаяся цементная пыль заставила меня закашляться. В то время как облако пыли становилось все светлее, пропитываясь ослепительным светом из мешочка, я слышала брань наемников. Снова прозвучали выстрелы, вокруг все задрожало, мерцание превратилось в сверкание, и мир с оглушительным грохотом взорвался.

День пятый

Еще не успев открыть глаза, я услышала стон и сразу же поняла, что это стонет Себастьяно. Я снова была с ним. У меня невольно вырвался глубокий вздох облегчения. Не важно, куда меня занесло на этот раз, – главное, что мы вместе.

Секундой позже мне стало уже не настолько все равно, где мы находимся, потому что по лицу барабанили холодные капли. Испугавшись, я подскочила и тут же пожалела, что совершила такое резкое движение. В висках колотилась хорошо знакомая боль. Этот переход во времени не особо пошел мне на пользу.

Торопливо вытерев глаза и увидев лежащего рядом Себастьяно, я тут же забыла про головную боль. Глаза у него были открыты, он смотрел на меня.

– Слава богу! – с жаром воскликнула я. – С тобой все хорошо!

– Тут я однозначно придерживаюсь другого мнения. – Застонав, он потер затылок в том месте, на которое пришлась дубинка Гастона. – Проклятье, голова просто раскалывается. Где мы, черт побери?

Хороший вопрос. Я оглянулась по сторонам. Вокруг нас высились темные деревья. Дождь шумел, превращая землю в кашу. Мое промокнувшее насквозь платье прилипло к телу, было холодно. Нас окружали туманные, дождливые сумерки, видимо, раннее утро.

Я быстро сложила два и два и сообразила, что произошло: первый переход во времени нас разделил. Я оказалась в альтернативном будущем, а Себастьяно выбросило здесь. Где-то поблизости должен был находиться скрытый портал, из которого он вышел. Мой второй переход доставил меня к нему. Целую и невредимую и в то время, в котором мы живем. Значит, в конце концов у меня все-таки получилось! Совершенно счастливая, я посмотрела на Себастьяно.

– Мы в лесу, – ответила я на его вопрос.

– Да неужели! – Себастьяно сел, держась обеими руками за голову. – Как же мы дошли сюда от моста? Что произошло?

В душу закралось ужасное подозрение. Вообще-то сейчас он сам должен был бы понимать, что случилось. А он не имел об этом ни малейшего представления, значит... О нет, только не это!

– Себастьяно? – спросила я дрожащим голосом. То есть я хотела так сказать, но прозвучало это как *Себастьян*. Вот и доказательство. Мы

зависли в прошлом. Себастьяно по-прежнему ничего не помнил. Он понятия не имел, что мы путешественники во времени. Что мы пара.

Он нахмурился.

– Что?

Я заплакала, слезы полились сами собой. Рыдая, я уткнулась головой в согнутые колени, отдавшись горю и отчаянию.

Я никак не могла остановиться, так сильно потрясло меня все пережитое. Вся эта неудачная операция по возвращению. Кошмарное альтернативное будущее.

Я рыдала все громче.

– Ну, перестань же, – услышала я над собой ворчанье Себастьяно. А потом он поднял меня с земли и обнял.

– Не так уж все и плохо. Как-нибудь найдем дорогу в город. А потом я разыщу этого толстяка и покажу ему, как с мушкетерами шутки шутить.

Утешая, он прижал меня к себе, и я насквозь прорыдала ему и так уже промокшую от дождя рубашку. Как же здорово было в его объятиях! Я стояла бы так целую вечность, но через какое-то время слезы высохли, и я высвободилась. Перед этим он нежно поцеловал меня в лоб. Даже не раз. Я тихо вздохнула.

– Странно, – сказал он с удивлением, проверив наличие кошелька. – Деньги на месте. И шпага тоже. Спрашивается, почему. Обычные воры, как правило, охотятся за деньгами и никого не относят в лес. Разве что в виде трупа. Но, не считая этого коварного удара по голове, в остальном я ощущаю себя очень даже живым. И ты тоже выглядишь вполне благополучно. Или ты ранена?

Я только покачала головой.

Он посмотрел на меня с легким недоверием.

– Это ты уговорила меня пойти на мост. Где этот толстяк, вероятно, уже поджидал меня, чтобы нанести свой удар. Вы знакомы? Может, ты вообще с ним заодно?

– Нет, – тут же отмела я предположение Себастьяно, радуясь тому, что еще не рассвело. Иначе он непременно заметил бы, как я виновато покраснела. – Если ты меня слушал, то наверняка помнишь, как я возмущалась этим трусливым нападением. Если бы я была с ним заодно, вряд ли он притащил бы меня сюда вместе с тобой, разве нет?

– Вот это-то меня и озадачивает. – В голосе Себастьяно по-прежнему слышалось подозрение. – Что было после того, как толстяк вывел меня из строя?

– Не знаю, – солгала я.

– Но ты же там была!

– Я потеряла сознание, – сказала я, не погрешив против истины. – И очнулась только недавно здесь, рядом с тобой.

– Он и тебя ударил?

– Нет, просто вдруг все вокруг разом почернело.

– А твое имущество при тебе? – он показал на мою грудь, точнее, на проступающую под платьем выпуклость.

Я схватилась за кожаный мешочек.

– Все тут.

– Очень странно, – он смотрел на меня в упор. – И как ты это объяснишь?

– Даже не представляю, – заверила я.

Себастьяно сверлил меня взглядом, словно надеялся таким образом найти объяснение случившемуся.

К счастью, он воздержался от дальнейших вопросов, но у меня сложилось четкое впечатление, что ни одному моему слову он не поверил.

Наконец он протянул мне руку.

– Пойдем! – сказал он вежливо, но холодно.

Я взяла его под локоть, стараясь подавить поднимавшееся во мне нехорошее чувство. Все, чего я достигла до вчерашнего вечера, пошло прахом. Я чувствовала себя идущей по канату над опасной пропастью.

Мы стали продираться сквозь густой кустарник, с трудом шагая по осклизлому мху и хрустящему валежнику. Через несколько шагов я почувствовала мороз по коже. Причину я поняла мгновение спустя. Перед нами возвышался похожий на кулак камень в человеческий рост, который я уже однажды видела – когда мы с Мари и дедом Анри ездили на пикник в Булонский лес. Стало быть, здесь и находилось окно во времени!

Невольно мне вспомнились страшные сцены в альтернативном будущем. Они казались кошмарным сном, но ведь все так и было на самом деле. Подол моего платья перепачкан золой, а на руках остались царапины от развалин стены, за которыми я искала укрытия. И мертвецы в руинах были такими же реальными, как мои страх и отчаяние.

И я догадалась, почему провалился наш переход в будущее. Задание. Здесь нас обоих удерживало именно оно, до тех пор, пока мы его не выполним. Нужно не дать случиться какому-то событию, это было ясно как день, но какому, мне еще предстояло выяснить. Кроме того, я не понимала, за какую часть задания отвечал Себастьяно, а за какую – я. Зато знала, что случится, если мы задание провалим: Париж будет лежать в руинах, уничтоженный кровавой гражданской войной. А сами мы, возможно,

навек застрянем в прошлом. Я зябко поежилась.

Себастьяно тут же это заметил. Как и вчера вечером, он снял свой плащ и накинул его мне на плечи. Жест был рыцарский, но той нежности, что чувствовалась во время нашей вчерашней прогулки под луной, я больше не ощущала. Несмотря на теплый плащ, холод пробирал меня до костей.

* * *

Всю дорогу до города мы прошли молча. Только один раз я попыталась завести разговор – поинтересовалась у Себастьяно, что он хотел сказать мне на мосту, перед тем как получил дубинкой по голове.

– Не понимаю, о чем ты, – ответил он на мой вопрос. Прозвучало это недружелюбно, но я продолжала настаивать.

– Ты сказал, что я не должна тебя из-за этого возненавидеть, – уточнила я.

– Не помню. Значит, ничего важного.

Я не сомневалась, что он врет, но, видимо, мы оба не могли говорить правду этим утром и до конца пути не проронили ни слова.

Путь наш был скучным и безрадостным. Почти все время шел дождь, пусть и не сильный. Под бесконечную морось мы с трудом двигались по тропинкам в лесу и в полях, мимо маленьких селений, пастбищ и отдельно стоящих крестьянских дворов, где нам не встретилось почти ни одной живой души, за исключением нескольких крестьян и бедняков-поденщиков. Когда перед нами наконец показались стены города, небо расчистилось и явилось во всей своей сияющей синеве. Золотое утреннее солнце стояло над высокими крышами и башнями Парижа – умопомрачительно прекрасный вид, почти как картина эпохи барокко. Но сил любоваться у меня, насквозь промокшей, замерзшей и за это время сильно проголодавшейся, не было.

Неподалеку от городских ворот нам навстречу выехала карета. Остановив ее, Себастьяно спросил у владельца, не смог бы он – разумеется, за оплату наличными – отвезти нас в город. Он рассказал, что нас, к несчастью, ограбили и после долгого пути пешком мы остались совершенно без сил. При этом Себастьяно демонстративно указал в мою сторону. Человек в карете, посмотрев на меня, тут же проникся сочувствием, и мои предположения относительно того, как ужасно я выгляжу, переросли в абсолютную уверенность.

Карета принадлежала придворному короля, который намеревался навестить мать, живущую в Нанте, и не возражал за очень хорошее вознаграждение сделать небольшой крюк обратно в город. Приказав кучеру развернуться, он великодушно пригласил нас в карету. Мы сели напротив него и были вынуждены всю поездку – по счастью, она длилась не слишком долго – терпеть его занудную болтовню. Мы узнали все о его матери очень почтенного возраста и ее многочисленных болезнях (печеночные колики, одышка, подагра), о его собственных недомоганиях (гнилые зубы, учащенное сердцебиение, слабость мочевого пузыря) и о страданиях его старого пса, хотя тот уже несколько недель как издох. Закончив с историями болезней, он с чиновничьей обстоятельностью рассказал о приготовлениях к балу-маскараду, который будет дан в Лувре в честь королевы. Он в мельчайших деталях перечислил, что будет подано к столу, какие будут выступать музыканты и сколько слуг выделено для обслуживания гостей.

Когда он говорил о празднике, я наострила уши, ведь изначально планировалось, что я пойду туда с Мари и дедом Анри. Мое возвращение в будущее не состоялось, и, следовательно, я все-таки буду на этом балу. При мысли, что там я встречу королеву, меня охватило волнение. Интересно, будет ли среди гостей ее возлюбленный? Вот бы наше задание – мое и Себастьяно – было как-то связано с этой любовной историей и ее возможными перипетиями и последствиями! В любом случае праздник как раз и предоставит мне возможность выяснить все подробнее. Вероятно, именно в тот вечер произойдет событие, которое мы должны предотвратить!

– До меня дошел слух, что король этим балом хочет отвлечь внимание от натянутых отношений между ним и его супругой, – вставила я реплику в надежде, что мне таким образом удастся разузнать побольше.

Придворный с опечаленным видом поскреб слегка взъерошенный парик.

– Да, такие слухи ходят. Но я не хочу им верить. Король искренне ценит королеву, и бал-маскарад покажет, что нет причин сомневаться в его расположении.

– И от кого же ты узнала об этих слухах? – спросил меня Себастьяно, насунив брови и помрачнев.

– Уже не помню, – заявила я. И, полагая, что лишняя колкость в адрес его интригана-работодателя не помешает, продолжила: – Кажется, тот, кто мне об этом рассказывал, упомянул эти слухи в связи с кардиналом Ришелье. Насколько я помню, мне говорили, что кардинал не питает особо

дружеских чувств к королеве, – с наигранным простодушием я обратилась к придворному: – Это правда, месье?

Тот, покачивая головой, собрался было ответить, но еще до того, как он успел произнести хоть слово, карета остановилась. Мы приехали. Себастьяно, поблагодарив придворного, вручил ему обещанное вознаграждение, а он пожелал нам на прощание долгой, счастливой жизни.

– Большое спасибо, – вежливо сказала я, спускаясь на землю с помощью Себастьяно. Он не удостоил отъезжающую карету и машущего из окна придворного ни единым взглядом, с мрачным видом рассматривая меня.

– Ты желала бы себе этого? – спросил он.

– Чего? – растерянно ответила я вопросом на вопрос.

– Долгой и счастливой жизни?

– Конечно. А кто же себе такого не желает?

– Тогда получше следи за тем, чтобы для этого соблюдались все условия.

Я пристально взглянула на него.

– Что ты хочешь сказать?

– Полагаю, ты и сама прекрасно понимаешь.

Щеки мои горели.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Ну, значит, и говорить не о чем. – Он сухо поклонился. – Прощай, Анна.

– Постой! Забери свой плащ! – окоченевшими пальцами я стала ковыряться с застежкой, но он только отмахнулся.

– Оставь себе. У меня есть другой.

– Себастьян! – Я ненавидела это самопроизвольное искажение его имени и снова чуть не разрыдалась от того, что между нами стояло такое непреодолимое препятствие.

Положение казалось совершенно безвыходным. Я была в отчаянии, и у меня вырвалось:

– Разве мы не можем просто опять нормально общаться друг с другом? Ненавижу тебя таким.

– Каким это – таким?

– Таким... неприязненным и холодным! – Посмотрев на него умоляющим взглядом, я взяла его руки в свои. И тут же заметила, какие холодные у меня пальцы по сравнению с его, теплыми и сильными. Он сразу же обхватил мои ладони и стал легонько растирать их.

– Господи, да у тебя же не пальцы, а настоящие ледышки.

– Прости, – тихо сказала я.

– За что?

Я пожала плечами:

– Не важно. За все, что тебе во мне мешает. Если хочешь – за все.

Он слегка улыбнулся уголком рта.

– За все? О нет, Анна. Мне вовсе не все в тебе мешает, – голос его стал глухим, лицо – серьезным. – В этом-то и проблема.

– Значит, ты не считаешь меня совсем уж скверной?

– Кажется, так, – лаконично ответил он.

Я вздохнула с облегчением.

– Значит, мы еще увидимся?

– Вероятно, даже быстрее, чем стоило бы.

Пока я размышляла над его загадочными последними словами, он совершенно неожиданно крепко обнял меня, страстно поцеловал, а затем так же внезапно отпустил. Мне показалось, что в глазах его промелькнула тревога, но в следующую секунду он развернулся и пошел по залитой солнцем Плас Рояль.

Мари была вне себя от беспокойства. Встретив меня уже на лестнице, она за голову схватилась, когда увидела, какая я замерзшая, взлохмаченная и грязная.

– Мон Dieu, я уже думала, что никогда тебя не увижу! Я всю ночь глаз не сомкнула! Ты даже не представляешь, как я упрекала себя, когда ты не вернулась домой!

– Но ты же ни в чем не виновата, – вяло возразила я.

Мои слова ее не убедили.

– Я просто не должна была отпускать тебя с этим сомнительным человеком!

– Он тут ни при чем.

– Но он вынудил тебя провести с ним ночь! – Она оглядела меня с ног до головы, и в ее милом лице читался ужас. – За городом!

– Э-э-э... все было не так. На нас напали и похитили. Это были... разбойники.

– Разбойники?

Я старалась уйти от ее недоверчивого взгляда.

– Да, они бросили нас в лесу. К счастью, ничего более ужасного не случилось.

Я сомневалась, что Мари купилась на эту сказку, но, к моему облегчению, она больше не стала меня ни о чем расспрашивать. Велев мне сейчас же снять мокрую одежду, она не успокоилась, пока я не села в

полный до краев, исходящий паром ушат для мытья, чтобы согреться. По вызову срочно явилась Минетта и помыла мне голову, заодно подавая всякие закуски, которые Мари распорядилась принести из кухни.

Мне было немного неудобно мыться в их присутствии, но в этом столетии люди не находили в такой ситуации ничего неестественного.

Мари с нетерпением наблюдала за тем, как Минетта подает мне свежие полотенца и расчесывает мои волосы. Сидя в чистом нижнем платье на табуретке, я поглощала сырные паштетики, пока Минетта ловко заплетала мне волосы в две косы и укладывала их наподобие прически Сисси^[10]. Разве что выглядела я с такой прической все равно не как Сисси, а, скорее, как Майли Сайрус, когда ей было двенадцать.

– Достаточно, – сказала Мари и велела Минетте покинуть комнату. Ей явно не терпелось поговорить со мной с глазу на глаз.

– Как я рада, что ты снова здесь, – призналась она, когда служанка вышла.

– Я тоже, – ответила я, подбирая крошки последнего паштета. Соврала я только наполовину. Разумеется, гораздо больше мне хотелось быть сейчас в двадцать первом веке вместе с Себастьяно, но раз уж пришлось застрять в 1625 году, в любом случае было очень удобно жить здесь, у Мари. Горячая ванна, чистые шмотки, вкусняющие паштеты на завтрак, стулья с мягкой обивкой, камеристка, которая тебя причесывает, – такую роскошь в семнадцатом веке могли позволить себе лишь немногие.

И все же мне нельзя было расслабляться. Самая главная цель – возвращение домой, и лучше всего начинать строить планы немедленно. Первым делом я намеревалась оповестить обо всем Гастона. Он должен знать, что переход не удался. А еще я собиралась задать ему головомойку за то, что ударил Себастьяно. Но пока такой возможности не представлялось, потому что моим вниманием всецело завладела Мари.

Она выглядела возбужденной, щеки ее покраснелись, а глаза блестели от волнения.

– Ты даже не представляешь, какие тут новости! – Она беспокойно ходила по комнате. Светлое шелковое платье шуршало при каждом ее шаге. – Сегодня вечером она придет сюда. Ко мне!

– Кто? – озадаченно спросила я.

Опасливо оглядевшись по сторонам, она заговорщически понизила голос.

– Она.

– О, ты хочешь сказать... – я немного подумала, но на ум приходило только одно. – К...

– Ш-ш-ш! – Мари приложила палец к губам. – Это тайна! Никто не должен знать! Только ты!

– А почему именно я? – Мне стало не по себе.

– Потому что тебе я доверяю. Прислугу я отошлю, чтобы не было нежелательных свидетелей. Но мне потребуется небольшая помощь в прислуживании.

– Прислуживании?

– Ну, в том, что обычно делают слуги. Открыть дверь, зажечь свечи, подать вино и еду и тому подобное, ну ты знаешь. И, разумеется, нужно следить за тем, чтобы встрече никто не помешал. Это самое главное!

– Какой встрече? – задавая вопрос, я уже знала ответ.

– Придет кое-кто еще, – прошептала Мари.

– Понимаю, – ответила я, тоже шепотом.

События развивались действительно очень увлекательно! Королева сегодня будет встречаться здесь со своим возлюбленным! И, конечно же, об этом ни в коем случае не должен пронюхать Ришелье.

Поэтому тут же возник вопрос, зачем Мари вообще мне об этом рассказала, зная, что я встречаюсь с любимым мушкетером кардинала.

– Как ты можешь быть уверена, что мне можно доверять? – вырвалось у меня.

– Потому что я тебе верю, – просто сказала она. – Ты – родственная душа, я же уже говорила. Когда ты познакомишься с королевой, ты поймешь, почему я преданна ей и почему нужно сделать все, что в человеческих силах, чтобы никто ее не выдал. И уж точно не этому коварному выскочке кардиналу. Вместе мы не позволим ему навредить ей.

Голос ее зазвучал твердо, в лице появилось выражение нестигаемого упорства, словно она выполняла какую-то жизненно важную миссию. Казалось, ее в один миг окутала аура решимости так, как если бы единственная цель ее жизни состояла в том, чтобы защитить королеву от происков кардинала.

Меня вдруг озарило, что все так и есть. Возможно, именно для этого Мари и отправили в прошлое. И я сама не могла выбраться отсюда, потому что моя задача состояла как раз в том, чтобы ее поддержать. А еще я подозревала, что это было как-то связано с балом. Не случайно за прошедшие дни я так часто слышала о нем. Даже Эсперанца говорила о бале, на который мне позволялось надеть маску. Сначала я решила, что она имела в виду балы вообще, но задним числом сама собой напрашивалась мысль, что речь шла о каком-то определенном празднике, а именно, предстоящем королевском бале-маскараде. Там и определится направление,

в котором будет развиваться будущее. Будущее королевы. Откуда-то я знала это совершенно точно.

– Что бы там кардинал ни планировал, мы помешаем его планам. Ты можешь рассчитывать на меня. – Я говорила столь же решительно, как и Мари до этого. Насколько могла, я подавила терзавшие меня сомнения, что тем самым становлюсь – по крайней мере отчасти – противником Себастьяно, ведь он-то был на стороне кардинала. Частью моей задачи я видела не позволить ему по заданию кардинала шпионить за королевой. Может, мне даже удастся перетянуть его на нашу сторону! До праздника в моем распоряжении оставались считанные дни. И хотя я не знала, что конкретно там произойдет, меня переполняла твердая решимость этому воспрепятствовать. Наконец-то у меня появилась цель! Внутренняя ясность вновь придала мне уверенности.

К сожалению, я и понятия не имела, сколько потрясений придется еще пережить.

* * *

Чем меньше времени оставалось до вечера, тем беспокойней становилось у меня на душе. Какой же окажется королева? И кто может быть ее возлюбленным? В принципе, я считала, что изменять нехорошо, это самое большое коварство по отношению к близкому человеку. Но, как я узнала от Мари, у королевы были своего рода смягчающие обстоятельства. Анну, которая родом из Испании, еще почти ребенком, – разумеется, не спросив ее желания, – выдали замуж за Людовика. Ее вырвали из семьи и отправили ко двору французского короля, где ей пришлось осваиваться совершенно одной. А точнее, одной среди акул – в окружении интригующих придворных, самого благородного происхождения льстецов и подлых честолюбцев. Не говоря уже о назойливом кардинале, который терпеть ее не мог и непременно хотел от нее избавиться.

Людовик, ставший королем уже в десять лет, с большим удовольствием уезжал на охоту и встречался с друзьями, в то время как бедной королеве полагалось, умирая от скуки, томиться в одиночестве в своих покоях. И кроме того, – и это самое главное, – Людовик был геем. Мари выразилась несколько деликатнее, сказав «король предан своему фавориту», но факт остается фактом: выполнять супружеский долг он заставлял себя с большим трудом и лишь по приказу матери.

– Просто катастрофа, – шепнула мне Мари. – Неудивительно, что

Франция до сих пор не может дожидаться наследника!

Услышав об этом, я пришла в некоторое замешательство, потому что знала, что после Людовика XIII был или будет Людовик XIV – знаменитый Король-Солнце. Значит, король все-таки должен еще раз оказаться с королевой под одним одеялом, пусть даже и через много лет – из прочитанного в Википедии у меня в памяти осталось, что королеве, которой сейчас двадцать пять, когда станет матерью, вот-вот должно будет исполниться сорок.

– Я только не понимаю, зачем кардиналу избавляться от королевы? – осведомилась я у Мари, когда мы после обеда вместе сидели в гостиной, дожидаясь вечера.

– Потому что она отважилась влюбиться! – с негодованием воскликнула Мари. Она быстро оглянулась по сторонам, хотя никого, кроме меня, в комнате не было. Вся прислуга ушла из дома, а дед Анри, отобедав, отправился навестить старого боевого товарища.

– Этим она разрушает представления Ришелье о дисциплине и порядке, – неприязненно продолжила Мари. – Она не повинуется его приказам, отказывается играть навязываемую ей роль. Такой властный человек, как он, этого вынести не может. Поэтому он прикладывает все силы к тому, чтобы собрать доказательства ее неверности. Он хочет опозорить ее при всех, чтобы королю не оставалось ничего другого, как казнить ее по обвинению в государственной измене.

Я вздрогнула от ужаса. Как быстро неверные королевы могли стать на голову короче, показал уже Генрих Восьмой.

– А король? Он-то как ко всему этому относится? Он знает, что королева любит другого?

– Думаю, в подробностях он ничего и не хочет знать, хотя, возможно, о чем-то догадывается. Он очень чувствителен и с гораздо большим удовольствием вообще не был бы королем, поэтому-то и предоставляет первому министру заниматься всеми важными государственными делами. Но в то же время это палка о двух концах – он слишком зависим от Ришелье. Все, что тот говорит и делает, король воспринимает как данное богом, прежде всего там, где это касается его положения как монарха. Открытые и неопровержимые доказательства неверности жены королю замять не удастся, наверняка последует обвинение. Королеву казнят и заменяют новой супругой – конечно же, той, которую кардинал выберет сам, чтобы легче было ею манипулировать и подавлять ее. Вот на чем он строит свою тактику, вот куда нацелены его действия.

– И как же ты собираешься сорвать его планы?

Мари вздохнула.

– Если бы я только знала! Все так запутано! Только одно несомненно: королева любит герцога больше жизни.

Ага. Герцог. Если такая женщина, как королева, которую считают настоящей красавицей, настолько в кого-то влюбляется, то это, должно быть, просто мечта, а не мужчина.

– Они оба жить друг без друга не могут, – добавила Мари. – Столько самоотверженности, столько страсти! При этом каждая встреча сопряжена с большим риском. Им постоянно приходится опасаться, что их любовь раскроется. Повсюду не дремлют шпионы Ришелье! Ах, это разрывает мне сердце! Я не могу видеть, как страдает моя добрая подруга, и поэтому помогаю, как могу.

Например, предоставляя влюбленным тайное место для свидания. Уже буквально лопаюсь от любопытства, я с трудом дожидалась вечера.

С наступлением сумерек мы с Мари зажгли в доме свечи. Мари купила несметное количество свежих роз, но, вместо того чтобы поставить их в вазу, она, оборвав лепестки, разбросала их повсюду, начиная от входной двери, вверх по лестнице, вдоль по коридору и, наконец, еще три охапки на постели в покоях умершего мужа, которую она по такому достойному поводу застелила свежим бельем.

Я считала убранство из лепестков роз некоторым излишеством – вероятно, слишком часто видела это в кино, – но Мари была в таком восторге от своей романтической и якобы совершенно новой идеи, что протестовать я не стала. Только в одном.

– Но потом нам все нужно подмести, – предложила я, – иначе завтра каждый слуга будет задаваться вопросом, почему повсюду разбросаны лепестки роз.

– Ах, да пусть себе спрашивают. Все так и задумано. У меня есть и другие улики, – она вытащила носовой платок с вышитой на нем монограммой. – Смотри, специально приберегла. Я выложу его на видном месте, как только королева покинет дом. Минетта найдет, убирая комнату, и покажет всем слугам. Свет не видывал такой болтуньи. И таким путем Ришелье очень скоро обо всем узнает.

Я разглядывала платок, и мне казалось, что где-то я его уже видела.

– С. Ф., – прочла я. – Кто это?

– Это платок твоего мушкетера, – равнодушно сказала Мари. – Себастьяна Фоскера. Он забыл его на днях на приеме.

Теперь я поняла, почему платок показался мне таким знакомым. Себастьяно промокал им камзол, после того как я облила его красным

вином. Должно быть, он отдал платок слуге почистить вместе с камзолом, а тот, наверное, по ошибке оставил его в каком-нибудь чане с бельем.

– Но что это даст? – поинтересовалась я. – Ведь кардинал может подумать, что Себастьян встречался с тобой или со мной.

– Он действительно может так подумать. Но может сделать и другие выводы, – Мари улыбнулась с легким злорадством. – Например, он мог бы решить, что Себастьян встречается с королевой.

– Ты хочешь, чтобы кардинал *так* о нем подумал? – в замешательстве уточнила я. – Но ведь тогда у него могут возникнуть огромные неприятности!

– Именно это заставит его проявлять чуть большую осторожность, вместо того чтобы совать свой любопытный нос в чужие дела.

Она посмотрела на меня извиняющимся взглядом.

– Я знаю, что ты в нем души не чаешь. Но он был и остается шпионом кардинала, и, предоставляя ему в этой игре новую роль, мы всего лишь бьем Ришелье его же собственным оружием.

Меня совершенно ошеломил столь неожиданный поворот дела. Появилось ощущение, что ситуация начинает выходить из-под контроля.

Мари, деловито напевая себе под нос, поспешила в гостиную, где на серебряном подносе создала композицию из графина с красным вином и двух бокалов, а затем понесла все в освещенные свечами и усыпанные лепестками роз спальни своего усопшего супруга. Утратив способность ясно мыслить, я поплелась за ней с вазочкой конфет, которые Мари также припасла для влюбленной пары. На полдороге мы остановились – снизу донесся гулкий стук дверного молоточка. Мари считала удары.

– Семь, – прошептала она. – Это она! Скорее! Беги ипусти ее! И сразу же проводи наверх.

Поставив вазочку с конфетами на пол, я лихорадочно помчалась вниз и с бешено бьющимся сердцем распахнула входную дверь. Кто-то в темном плаще с капюшоном и со скрытым под вуалью лицом проскользнул мимо меня в вестибюль. В ноздри мне пахнуло духами с легким ароматом розы. Быстро закрыв дверь, я повернулась к закутанной гостье.

О господи! Как же там полагается приветствовать королеву?

– Добрый вечер, – брякнула я наугад, но через секунду вспомнила сериал «Тюдоры» и присела в импровизированном, но очень глубоком реверансе, на всякий случай прибавив: – Ваше величество.

Королева откинула капюшон и вуаль, и моему взгляду открылись очаровательное узкое лицо и темные локоны. Я знала, что Анне

Австрийской – так звали ее в честь матери – всего двадцать четыре года, и все же она показалась мне еще более юной. И она действительно была потрясающе красива.

– А ты, должно быть, Анна, – сказала она мягким голосом, – моя тетка. Мари о тебе рассказывала.

В уголках ее губ проскользнула улыбка, делавшая ее еще милее. Но в то же время она выглядела какой-то неуверенной и испуганной. Я подозревала, что она расплачивалась за это свидание мучительными угрызениями совести и просто умирала от страха. Я очень хорошо понимала ее чувства. За настоящую любовь ничего отдать не жалко. Сама пошла бы на любой риск, лишь бы быть рядом с Себастьяно. К королеве я испытывала глубокую симпатию, как-то разом приняла ее в свое сердце.

– Да, я Анна. Вам лучше сразу пройти со мной наверх. Не угодно ли вам последовать за мной?

Я с трудом выбралась из реверанса, с треском порвав при этом в одном месте подол. Королева тактично сделала вид, что ничего не заметила. Грациозной походкой она поднялась за мной по лестнице, обеими руками придерживая тяжелый плащ. Сметая по пути лепестки роз, она не обращала никакого внимания на это романтическое убранство. От волнения в лице ее не было ни кровинки. Мне очень хотелось сказать ей что-нибудь успокаивающее, типа: «Все будет хорошо», но, вероятно, это прозвучало бы слишком фамильярно, так что я решила промолчать.

– Сюда, по коридору, ваше высочество.

«Ваше высочество» звучало чуть ли не круче, чем «ваше величество». Я казалась себе прямо-таки настоящей придворной дамой. Предусмотрительной, молчаливой, опытной. Я полетела по коридору – и, конечно, тут же споткнулась о вазочку с конфетами, которую перед этим здесь оставила. Королева опять с мягкой тактичностью пропустила мою неуклюжесть, в то время как я скакала на одной ноге, отколупывая от подошвы раздавленное пралине с миндальной начинкой.

Мари стояла в распахнутых дверях спальных покоев, ожидая нас.

Королева вздохнула с облегчением.

– Моя верная подруга! Мне так тепло на сердце оттого, что я вижу тебя!

Она поспешила к Мари и заключила ее в объятия, как сестру, а Мари сердечно обняла ее в ответ. Казалось, будто они действительно знали друг друга много лет, хотя эта дружба, как мне было доподлинно известно, состояла только из искусственно созданного общего воспоминания.

По всему дому снова эхом раздался стук – и снова семь раз.

– Он пришел, – выдохнула королева. Ее еще недавно бледное лицо покраснелось, точеные руки дрожали.

– Сейчас, я быстро открою, – предложила я.

А королева за это время могла бы позволить себе глоточек вина, чтобы справиться с волнением. Или обсудить с Мари необходимые меры предосторожности. Что касается маскировки, я все еще испытывала потрясение от решения Мари подставить Себастьяно с помощью носового платка. Нужно было этому как-то помешать. Если даже тень сомнения омрачит преданность Себастьяно, он очень легко может лишиться расположения кардинала. Или, что еще хуже, тут же станет врагом государства номер один.

Лучше всего попытаться сделать так, чтобы платок вовремя исчез, даже если я перечеркну этим все планы Мари. И все же у меня оставалось нехорошее ощущение, словно я иду по очень тонкому льду.

Я осторожно открыла большую входную дверь. Еще одна закутанная фигура, только значительно крупнее королевы, протиснулась мимо меня в дом. Снова был откинут капюшон, на этот раз рукой мужчины, и я увидела лицо, из-за которого большинство голливудских звезд мужского пола позавидовали бы этому человеку жгучей завистью. Он немножко походил на Эштона Катчера.

– Привет, – сказала я. Получилось довольно пискливое «приветствую вас». В конце концов, я же не каждый день встречаю герцога, да еще такого, который выглядит как кинозвезда, и к тому же тайного возлюбленного самой настоящей королевы.

Он дружелюбно улыбнулся мне.

– Мадам уже здесь?

– Только что пришла. Идите за мной, я приведу вас к ней.

На лестнице он меня обогнал, очевидно сгорая от нетерпения. Огромными шагами он преодолел последние ступеньки, ведущие в галерею, так быстро, что я еле поспевала за ним. Его голос раздался наверху.

– Любимая! Наконец-то!

– Джордж, *mon amour*! – задыхаясь от волнения, ответила королева. Затем дверь захлопнули.

Итак, герцога зовут Джордж. Как и в романе «Три мушкетера».

В коридоре я встретила Мари. Глаза ее блестели в сиянии свечей.

– Ну, вот влюбленные и вместе! – прошептала она и, склонив голову, прислушалась. – Теперь нам нужно на какое-то время исчезнуть, предоставив этих двоих их судьбе, – она с улыбкой погладила меня по

голове. – Спасибо за помощь!

Затем тихими шагами она удалилась в собственные покои. В отсутствие других занятий – и так как время было позднее – я тоже отправилась в свою комнату и легла на постель. Немного отдыха мне не повредит, тем более что прошлой ночью я спала совсем мало. Но о настоящем расслаблении говорить не приходилось, для этого я была слишком взволнована. К тому же в комнату сквозь стену проникали любые звуки. Или королева с герцогом по соседству слишком шумели. Я слышала все: как скрипела кровать, как стонал герцог и в блаженстве страстно вздыхала королева – дело шло своим чередом. Я уже собралась было уйти из комнаты, но, к моему облегчению, вскоре все закончилось. После этого они стали разговаривать, и слова их я тоже прекрасно слышала. В недоумении я встала и пошла вдоль стены. В нескольких шагах от изголовья моей кровати разговор слышался особенно четко. Они говорили о подарке, который королева принесла для Джорджа. Я осторожно вела кончиками пальцев по стене, пока не нащупала под шелковыми обоями узенькую щель. Теперь стала ясна причина такой отличной слышимости – здесь находилась дверь между комнатами. Ее было не видно, так как она полностью скрывалась под обоями, расписанными восточным узором. Чтобы ничто не указывало на дверь, сняли даже ручку. Все это время комната по соседству пустовала, поэтому я ничего и не заметила.

– Ты не можешь подарить мне свое бриллиантовое кольцо, – услышала я протесты герцога.

– Прими его, пожалуйста, любимый! В залог моей любви и вечной верности.

– Это слишком дорогое ожерелье. Я уже слышал о нем. Король отдал за него состояние. Бесценные бриллианты чистейшей воды, целая дюжина!

– Поэтому я его тебе и даю. Это кольцо – самое ценное, что у меня есть. И да, когда-то мне подарил его Людовик, но с его стороны это была лишь демонстрация королевского великодушия, а не знак искреннего расположения. Его расположение отдано другим. Поэтому я имею право подарить его тебе с легким сердцем и большой любовью. – Умоляющим голосом королева заключила: – И ты не можешь не принять его, Джордж!

Становилось все увлекательнее. Я буквально приклеилась ухом к стене. Все было точно как в романе! Там королева тоже дарила своему возлюбленному бриллианты! И ничего хорошего из этого не вышло. Именно после этого началась вся нервотрепка с кардиналом и королем. Бриллианты послужили, так сказать, выстрелом.

– Тогда я беру его в знак нашего вечного союза, – нежно сказал

Джордж.

«Лучше не бери, – подмывало меня крикнуть через стену. – От него одни несчастья!» Но, разумеется, я ничего не крикнула.

– Я всегда буду носить его у сердца, – продолжал Джордж.

Ясное дело, на шею эти камешки не повесишь, все сразу увидят. Но бриллианты и так принесут кучу неприятностей, по крайней мере если все пойдет как в романе: Ришелье пронюхает, что кольцо у королевы больше нет, что она подарила его любовнику. Он немедленно сообщит об этом королю и подговорит его приказать королеве надеть бриллианты на бал-маскарад, что приведет к доказательству неверности королевы, ведь кольцо-то у нее уже не будет. А чтобы она не смогла перед балом его быстренько на время вернуть, Ришелье прикажет украсть его у герцога. Это сделает одна таинственная дама. Но д'Артаньяну с друзьями удастся прямо-таки в последний момент вернуть кольцо.

Хм, очень все странно. Бал будет на самом деле. Но кто же та таинственная дама? И кто д'Артаньян? И какую роль во всей этой истории играю я? Я сосредоточенно размышляла, но только пока свидание рядом не пошло по второму кругу.

– О, моя дорогая! – стонал Джордж. – Как ты прекрасна! В этот раз я не буду торопиться, обещаю тебе.

Только этого не хватало. С пылающими ушами я отступила на шаг от стены. Тем не менее все звуки были слышны так же отчетливо. Сидеть тут до самого конца было невозможно, и я решила спуститься вниз и взять на кухне что-нибудь перекусить. Тихонько выскользнув в коридор, я на секунду остановилась и прислушалась. Звуки из спальных покоев доносились и сюда, но сильно приглушенными.

Внезапно в затылке появился зуд.

* * *

– Что ты там делаешь? – спросил кто-то с лестницы. Я вздрогнула. Дед Анри! Зуд однозначно предупреждал об угрозе – его нельзя подпускать ближе, иначе он тоже услышит шум, тогда все откроется и королева подвергнется серьезной опасности! Не то чтобы он мог намеренно выдать ее, для этого он был слишком милым стариком, но, по моим ощущениям, он страдал уже некоторой рассеянностью. Он мог проболтаться по неосмотрительности, да к тому же в неподходящей компании.

Я помчалась в галерею, чтобы его отвлечь.

– Ах, вы вернулись? А Мари сказала, что вы заночуете у боевого товарища!

– Да, я так и собирался, – сказал он. Освещенное пламенем свечей, его лицо выглядело свежим и порозовевшим, казалось, он был в приподнятом настроении и, судя по запаху, уже пропустил пару бокальчиков вина. – Я сейчас опять туда пойду, мой товарищ только что перелил в декантер еще одну бутылку превосходного критского красного с первоклассным букетом. Но сперва мне нужно захватить кое-что, о чем я совершенно забыл.

– Да? И что же вы забыли? Могу я чем-то помочь?

Он окинул взглядом лестницу и пол.

– Это лепестки роз?

– Э... да. Мы с Мари хотели... кое-что проверить. Э-э-э... не будет ли в доме лучше пахнуть, если разбросать повсюду лепестки роз.

Дед Анри сморщил нос, принюхиваясь.

– Не слышу никакого запаха.

– Да мы тоже уже поняли.

Он беспомощно почесал в затылке. Седые взлохмаченные волосы торчали у него во все стороны.

– Что же я хотел сделать?

– Вернуться к другу.

– А сюда я зачем пришел?

– Вы хотели прихватить еще одну бутылку вина, – сказала я, испытывая угрызения совести. Подло было с моей стороны пользоваться его забывчивостью, но ничего другого не оставалось, если я не хотела подвергать опасности королеву.

– Ах, вот как, – он растерянно взглянул на меня. – Но вино же внизу, в погребе.

– Точно. Я спущусь с вами, и мы сможем вместе выбрать подходящую бутылку.

Так мы и сделали. Вооружившись фонарем, мы спустились по крутым ступеням в винный погреб, где я по пути сметала в сторону паутину, вздрагивая при каждом шорохе, раздававшемся из темных углов. Знакомый звук, это копошились мыши. И все-таки я мужественно не двигалась с места, ожидая, пока дед Анри, что-то тихонько бормоча себе под нос, изучал винные запасы. Наконец он вытащил пыльную, запечатанную красным воском бутылку.

– Вот то, что нужно. Критское вино с первоклассным букетом.

Покончив с этим, мы вернулись в холл, где дед Анри вдруг резко остановился.

– Вспомнил! – воскликнул он. – Я хотел взять с собой саблю! Ту, с которой я прежде сражался.

– Ту, что висит в гостиной?

Он кивнул.

– Подождите, сейчас принесу.

Я уже бежала вверх по лестнице. Сабля висела на видном месте на стене, прямо напротив картины, изображающей что-то вроде схватки или сражения. До этой минуты я к картине не присматривалась, потому что находила ее ужасно жестокой. На ней людей протыкали мечами и нанизывали на копья, кто-то болтался на виселице – на каждом сантиметре полотна кого-то убивали. Место действия было буквально залито кровью. Я понятия не имела, что за бойня там изображалась, но для деда Анри событие на картине, очевидно, точно так же, как и сабля, имело особое значение. Я сняла оружие со стены, держа его от себя на почтительном расстоянии. Сабля неожиданно оказалась тяжелой и, видимо, очень острой. Озноб пробрал меня при мысли о том, сколько же людей нашли свою смерть по ее вине. Я осторожно несла ее перед собой на вытянутых руках. Проходя по галерее, я прислушалась к звукам, которые доносились из коридора, ведущего в спальные покои, – второй акт еще действительно не закончился. Я поспешила вниз.

– Большое спасибо, – сказал дед Анри, когда я в холле вручила ему саблю. Из хозяйственного помещения он принес полотенце и обернул его вокруг клинка. – Раньше у меня были к ней ножны. Но в Варфоломеевскую ночь они пропали. После той ночи я никак не мог справиться с духом и приобрести новые, потому что намеревался никогда больше не использовать саблю по назначению.

– Варфоломеевская ночь? – спросила я. Прозвучало так, словно это должно быть известно каждому. Понятие, и правда, смутно припоминалось, а значит, мы когда-то должны были проходить это в школе, но затем я благополучно выбросила сведения из головы, как и девяносто пять процентов всего, что слышала на уроках.

– Ночь массового убийства, – объяснил дед Анри. – Ее называют еще Парижской кровавой свадьбой.

Голос его звучал глухо, в глазах стояли печаль и непреодоленная боль.

– Резня случилась более пятидесяти лет назад, но я до сих пор помню каждую деталь. Убивали всю ночь напролет. Повсюду в море крови лежали мертвые, в городе не было ни одной самой маленькой улочки, не покрытой горами трупов. Они плавали в реке, лежали на площадях и мостах. Дети, женщины, старики – убийцы жалости не знали. Впоследствии по всей

Франции прошли такие бойни. Жизни лишились тысячи и тысячи.

– А почему с людьми такое сделали? – спросила я в ужасе.

– Потому что они были гугенотами. Мало кто выжил в ту ночь. Я – один из них. Меня тяжело ранили в схватке, посчитали мертвым и оставили лежать среди остальных трупов. На следующий день я пришел в себя, но семьи моей уже не было в живых.

Теперь я вспомнила. Гугеноты были французскими протестантами и подверглись преследованию в своего рода религиозной войне, примерно так же, как в Германии, только во Франции их со временем полностью лишили прав и вытеснили из страны. Или убили, как в Варфоломеевскую ночь.

Бедный Анри! Меня накрыло волной нестерпимой жалости к нему. Что же сотворило с ним переселение из будущего в прошлое! Как можно было внушать ему такие ужасные воспоминания!

– Оставшихся власти пока еще терпят, – с горечью сказал Анри. – Но это весьма шаткое равновесие, которому в любую минуту может прийти конец. При Ришелье нашим живется все тяжелее. Придет такой день, когда всем нам, чтобы выжить, придется покинуть родину.

Его слова прозвучали как трагическое пророчество, и я вспомнила, что все действительно именно так и случится. Людовик XIV, наследник нынешнего короля, издаст закон, запрещающий гугенотам их протестантскую веру и, тем самым, окончательно вытеснит их из Франции.

Я могла бы сообщить Анри в утешение, что он этого точно уже не увидит, потому что закон выйдет только через несколько десятков лет. Но блокировка все равно не позволила бы, и я даже пытаться не стала. Вместо этого я улыбнулась ему в утешение и помахала вслед, когда он вышел из дома, чтобы вернуться к своему старому товарищу. Завернутую саблю, как и бутылку вина, он зажал под мышкой. Темное пальто развевалось по ветру у него за спиной, а трость цокала по булыжной мостовой.

* * *

Я собралась уже было отправиться на кухню, чтобы взять там себе что-нибудь на полночный перекус, как в дверь постучали. Я помчалась открывать, решив, что дед Анри снова что-то забыл и не может достать ключ из кармана, ведь руки у него заняты.

– Ты, – промямлила я. Кого-кого, а этого гостя я увидеть вовсе не ожидала. Сердце наполнилось одновременно радостью и ужасом.

– Я увидел, что ты еще не спишь, – сказал Себастьяно.
– Как ты мог это увидеть? – ошарашенно спросила я.
– Ты только что стояла у открытой двери и смотрела вслед старику, – напомнил он. – И я подумал, не пожелать ли тебе быстренько доброго вечера.

«Вечер» – это он явно загнул. Вообще-то было уже за полночь. Когда я незадолго до этого заходила в гостиную, напольные часы пробили двенадцать раз.

– Э-э-э... очень мило с твоей стороны. – Я лихорадочно соображала, что теперь делать. Он ни в коем случае не должен увидеть королеву! И уж никак не в обществе герцога. Тогда он получит именно те доказательства, которые так нужны кардиналу, чтобы очернить королеву в глазах короля. Не хватало еще, чтобы у герцога из-под рубашки свешивались бриллианты – тогда Себастьяно, сделав соответствующие выводы, доставит кардиналу недостающую информацию.

Прежде чем я успела что-то предпринять, Себастьяно прошел мимо меня в холл, с одобрением осматриваясь.

– А здесь шикарно. В высшей степени элегантно. Я и тогда уже заметил, на званом вечере. Человек со вкусом, этот герцог.

Я жутко перепугалась. Лишь через несколько секунд до меня дошло, что он говорит о другом герцоге – умершем супруге Мари.

– Да, – с трудом выдавила я. – С большим вкусом.

Он не спеша подошел к большой парадной лестнице, ведущей в галерею. Кончиками пальцев провел по дорогостоящей резьбе перил, рассматривая картины, развешанные вдоль ступеней.

– В этом дворце мог бы жить и сам король. – Повернувшись, он посмотрел прямо мне в лицо. – Или королева.

Он выследил ее! Видел ли он, как входил герцог? Он что, хочет застать их на месте преступления? Или его замечание – просто пробный шар, чтобы смутить меня?

Я пошла за ним, готовясь сделать все, чтобы не дать ему подняться наверх.

– Что ты затеял? – вырвалось у меня.

Вопросы в голове устроили чехарду, я не могла четко сформулировать ни одной мысли. Хотя бы потому, что Себастьяно опять был просто неотразим. Высокий и плечистый, в узких панталонах и приталенном бархатном камзоле, он выглядел как герой какого-нибудь захватывающего приключенческого романа. Белый воротник рубашки, смуглое бородатое лицо, неотразимые синие глаза – против его привлекательности я была

бессильна. Да, он был шпионом и сражался на вражеской стороне, но я была в него безнадежно влюблена.

Что-то в моем взгляде, должно быть, передалось ему, я тут же ощутила, как между нами заискрило и воздух зарядился тем особым магнетизмом, что с самого начала притягивал нас друг к другу. На лице его, все это время абсолютно непроницаемом, внезапно отразилась какая-то внутренняя работа. В нем читались самые противоречивые движения души – сначала негодование и недоверие, затем что-то похожее на обреченность и, наконец, неприкрытое желание.

– Анна, – сказал он. Голос его звучал хрипло. – Черт меня побери, но сейчас я хочу только одного – целовать тебя.

– О, – ответила я слабым голосом. У меня дрожали колени.

Сказать что-то еще возможности не было. Он подхватил меня и с такой силой притянул к себе, что я повисла в воздухе. Его губы жадно впились в мои. Я стонала от наслаждения и таяла в его руках мягким, податливым воском. Вдохновенно отвечая на поцелуй, я полностью утратила способность соображать. И лишь когда до меня донесся еле различимый шорох, в самом отдаленном уголке сознания прозвенел тревожный звоночек. Королева и герцог! Если они попадутся Себастьяно на глаза, все пропало! Нужно было как-то увести его подальше от этого места.

– Давай пойдем... э-э-э... погуляем? – тяжело дыша, предложила я, когда мы оба прервали поцелуй, чтобы перевести дух.

– Нет.

– Или поедим? Давай посмотрим, не осталось ли чего на кухне. Я как раз туда и шла.

– Нет, – он поцеловал меня в ухо, прижавшись ко мне с недвусмысленными намерениями. – Мне бы хотелось другого.

О-о-о... именно этого хотелось и мне.

– Я могла бы показать тебе мою комнату, – выпалила я, не успев хорошенько подумать.

– Прекрасно, – сказал он.

Нет, я точно спятила! Через скрытую за драпировкой дверь он услышит в соседней комнате каждый звук. Идти ко мне было ни в коем случае нельзя. Но в следующую секунду меня осенило – можно привести его наверх, в комнатку на чердаке, где я спала в первую ночь! Она ведь на краю света. Нужно только отвлечь его там, пока королева с герцогом не покинут дом. Не останутся же они здесь навсегда.

– Хорошо, – глубоко вздохнув, сказала я. – Пошли.

Прихватив фонарь, я взяла его за руку и потянула за собой вверх по

лестнице в надежде, что он не заметит дурацких лепестков, которые кое-где еще лежали на ступеньках. Наверху в галерее он остановился.

– Подожди, – велел он.

– Что случилось? – перепугалась я.

– А вот что, – он снова притянул меня в свои объятия и поцеловал, сгорая от желания.

Я изо всех сил боролась с собой, пытаюсь сохранить последние крохи вменяемости, и меняхватило ровно на то, чтобы высвободиться и потащить его дальше, к лестнице, ведущей на чердак. Комната осталась в том виде, в каком я ее покинула, – кровать застелена, все аккуратно прибрано. Даже мой мешок с вещами все еще стоял здесь, ведь Мари запретила мне надевать *убогие старые вещи*, как она назвала одежду и обувь из реквизита Эсперанцы.

Себастьяно, выпустив мою руку, снял перевязь с оружием и повесил ее на спинку стула. Затем, расстегнув камзол, он приблизился ко мне, остановившись на расстоянии вытянутой руки. В свете маленького фонаря, что я взяла с собой наверх, он со своей темной бородой выглядел жутко привлекательно. Я судорожно сглотнула, потому что вдруг почувствовала себя так, будто стою в опасной близости от края скалы. Один неверный шаг, и полечу в бездонные глубины.

Он нежно погладил меня по щеке. Я ощутила тепло его кожи, до боли знакомые мозоли на пальцах.

– Анна, – тихо сказал он. – Ты этого действительно хочешь?

– Да, – прошептала я. И сделала единственный еще разделявший нас шаг, прямо в его объятия. «Наконец-то!» – только и успела подумать я, с этой минуты окончательно потеряв всякую связь с реальностью. Он крепко обнял меня, покрывая страстными поцелуями, и я полетела без оглядки. Но не в бездонные глубины, а во вселенную, полную сияющих звезд.

* * *

Все было просто чудесно, почти как в наш первый раз. Строго говоря, это и был первый раз, по крайней мере для Себастьяно. И этот факт меня сильно смущал. Мне не давало покоя, что он лег со мной в постель, хотя у него есть постоянная подруга. Правда, он не помнил о ее существовании, но она ведь есть. И то, что эта подруга – *я сама*, ничего не меняло, он-то об этом не подозревал, значит, вместо меня с тем же успехом в его объятиях могла оказаться любая другая. Во всяком случае, теоретически.

Прошло какое-то время, пока я заметила, насколько мои мысли сумбурны и нелогичны. И что, по сути, я ревную к самой себе, а это не только бессмысленно, но и глупо. А еще, хотя с ним было так прекрасно, меня до боли переполняла печаль. Я все-таки надеялась, что он меня вспомнит. Во время. Или хотя бы после. Но память к нему так и не вернулась. Он по-прежнему не знал, что мы уже давно знакомы.

Я лежала в его объятиях, а он задумчиво гладил мои волосы. Немного погодя он встал и подошел к окну. Небольшое слуховое окно комнатки выходило на Плас Рояль, оттуда хорошо просматривалась вся площадь. Вдоль фасадов на одинаковом расстоянии друг от друга стояли фонари, чтобы припозднившиеся обитатели без проблем могли добраться до своих домов. Площадь хорошо освещалась, и это говорило о том, что здесь живут только состоятельные люди.

Себастьяно неподвижно стоял у окна. Его обнаженное тело при свечах напоминало статую римского воина. Я не могла на него налюбоваться и поэтому не сразу заметила его напряженную позу. Он выглядел так, словно рассматривал что-то там внизу, на площади.

Я забеспокоилась, встала с кровати, обернувшись простыней, и выглянула из-за плеча Себастьяно. И вздрогнула от ужаса, потому что по площади шла королева! Я тут же поняла, что это она, хотя лицо, как и при ее появлении, скрывала густая вуаль. Она, то и дело украдкой оглядываясь по сторонам, спешила к ожидавшему ее портшезу. Спустя несколько секунд внизу у дома появился Джордж. Он держался на некотором расстоянии, но всем посвященным было ясно, кем эти двое приходились друг другу, – королева послала ему воздушный поцелуй, и он ответил ей тем же. Затем он исчез в аркадах, а королева поспешно села в портшез, который подняли и понесли прочь двое сильных слуг. После этого площадь опустела, словно ничего и не было. Но тот миг, когда королева и Джордж так необдуманно выразили свою любовь, в небытие не отправишь. И Себастьяно все прекрасно видел.

Он повернулся ко мне. Я даже не пыталась сделать вид, будто сцена на площади не имеет никакого значения. Под его непроницаемым взглядом мне стало ужасно скверно на душе, я сконфуженно опустила голову.

– Значит, вот почему ты привела меня к себе наверх, – сухо сказал он. – Чтобы отвлечь от того, что в это время происходило в доме. Исключительно расчетливо и хитроумно.

– Неправда! Я ничего не просчитывала. Во всяком случае, не все. Я только... я просто хотела быть с тобой! Правда хотела! – Я смотрела на него в совершенном отчаянии. Пытаясь спасти ситуацию, я решила с этой

минуты говорить безоглядно откровенно.

– Постарайся ее понять! – заклинала я. – Король не сделает ее счастливой, и она его тоже. Ты ведь наверняка знаешь о его настоящих наклонностях, не так ли? Только не говори, что это не так! И почему тогда ей нужно отказывать в праве на любовь? Она же никому не делает зла! Она имеет право на любовь! У каждого есть такое право! – Чтобы доказать ему, что я играю в открытую, я настойчиво продолжала: – Кардинал хочет использовать эту историю в собственных целях. Чувства других его ни капли не интересуют. Для него самое главное – власть. Он же манипулирует людьми! И тобой тоже, Себастьяно! – Вышло опять «Себастьян». Это причинило мне боль, но я не позволила себе сбиться с мысли: – Только для того, чтобы ты понял, как он коварен: он убедит короля заставить королеву прийти на бал-маскарад в бриллиантах. Так он намерен опозорить ее!

– И что же в этом позорного?

– А то, что у нее больше нет колье.

Себастьяно сразу же сделал правильный вывод.

– Она отдала его Джорджу Вильеру как залог любви, да?

Звучало это с издевкой, и я не могла подавить в себе нехорошее чувство. Он все это время знал, кто любовник королевы, а от меня теперь узнал и то, что она подарила Джорджу колье. Если Себастьяно ранним утром помчится с этой информацией к кардиналу и заодно сразу же подкинет ему идею разоблачения, это будет исключительно моя заслуга. Разве что мне удастся убедить его, что он воюет не на той стороне. Если в мою задачу действительно входит убереечь королеву от злобных интриг кардинала, надо сделать так, чтобы Себастьяно превратился в д'Артаньяна. Для этого мне следует говорить ему только чистую правду.

– Тебе тоже нужно опасаться кардинала, – заявила я. – Он без зазрения совести обвинит и тебя, если это будет в его интересах.

– Как тебе пришла в голову такая абсурдная мысль?

– Не такая уж она и абсурдная. Если Ришелье обвинит влиятельного герцога в любовной связи с королевой, это вполне может привести к нежелательным дипломатическим осложнениям. Простой, но очень привлекательный мушкетер, напротив, куда лучше подойдет для такого обвинения. Тобой пожертвуют, как пешкой, особенно если найдутся нужные доказательства.

– О каких доказательствах ты говоришь?

– Мари позаботится о том, чтобы на место преступления подкинули твой носовой платок. Ты оставил его тут на днях.

Себастьяно тотчас все понял.

– Какой прелестный шантаж, – ледяным голосом сказал он. – Если он призван удержать меня от того, чтобы доложить кардиналу обо всем, что мне сегодня довелось узнать, то могла бы не стараться.

– Я и не думала тебя шантажировать! – Я смотрела на него с ужасом. – Просто хотела тебе доказать, что честна с тобой.

– А ты действительно честна? Насколько честна ты была, когда заманивала меня на тот мост? Где твои сообщники уже ждали меня?

– Но это... для твоей же пользы!

– Удар по голове для моей пользы? – В его голосе слышалась неприкрытая издевка.

– Но план был совершенно другим! Ты должен был вместе со мной... – я хотела сказать *«вернуться в будущее»*, но блокировка этого не позволила. Слова просто не произносились. Я так и осталась стоять с открытым ртом. Очевидно, выглядела я законченной дурой. Впрочем, это было моей самой маленькой проблемой. В лице Себастьяно читалось столько гнева и презрения, что все во мне судорожно сжалось. Я хотела найти аргументы и все ему объяснить, но настоящую правду произнести не получалось. Ни о нашем общем прошлом. Ни о том, что он из двадцать первого века. И, к сожалению, ни слова о том, что мы друг друга любили и были парой.

Он молча одевался, а я не могла сдержать слез. Они потоками бежали по лицу и капали на руки, которыми я сжимала простыню, прикрывавшую тело. Слезы попали даже на ноги. Тихо рыдая, я опустилась на постель. Себастьяно, который обычно никогда не мог спокойно смотреть, как я плачу, и, как правило, при виде слез давал слабину, не проявлял никаких эмоций. Лицо его словно окаменело. Он надел ботфорты и пристегнул ремень с оружием.

– В одном тебе нужно отдать должное, – холодно сказал он. – Твой репертуар весьма внушителен. Женская привлекательность и сладкая улыбка, слезы и беспомощные взгляды – для достижения своих целей всем этим ты пользуешься мастерски.

Я хотела протестовать, но он продолжал говорить:

– Тебе только стоит подумать о том, что у этой монеты всегда две стороны.

Я вытерла лицо тыльной стороной ладони.

– Что ты хочешь сказать?

– Тебе наверняка известна пословица: не рой другому яму – сам в нее попадешь. – Он снисходительно покачал головой. – Такова ирония судьбы.

Ты хотела поймать меня в свои сети и соблазнить, чтобы получить нужные тебе сведения. А я ту же тактику применяю к тебе. В чем, видимо, этой ночью преуспел гораздо больше, чем ты, ведь я знаю все, что хотел узнать. С этой точки зрения пока что я, кажется, выхожу из нашей маленькой схватки победителем.

Тактика. Схватка. Меня словно ногой в живот ударили. Наши встречи, каждая в отдельности, каждый поцелуй – все это он спланировал заранее. Как в какой-нибудь военной операции. Я для него была лишь работой, а дурачить меня – его служебными обязанностями. Даже вот только сейчас, когда я, лежа в его объятиях, думала, что от счастья разлечусь на тысячу мелких кусочков. А он, оказывается, обходил противника ловким маневром.

– Ну и подлец же ты! – Я вскочила, потрясенная и разгневанная, как еще никогда в жизни. Простыня соскользнула на пол, но я не обратила на это никакого внимания. В ярости я бросилась на него, колотя кулаками в грудь: – Исчезни! Вон отсюда!

Он, без труда поймав мои руки, крепко сжал их.

– Я и так собирался уходить. Но сначала дам тебе еще один добрый совет. Бойся заходить слишком далеко, малышка Анна. Иначе легко может случиться, что ты кончишь свои дни на виселице.

С этим словами он отпустил меня и вышел из комнаты. Дверь за ним тихо защелкнулась.

День шестой

Этой ночью я больше не сомкнула глаз. До рассвета, рыдая, лежала в постели, жалкий комок горя и отчаяния. Я не понимала, что делать дальше, все казалось совершенно безвыходным. Руки у меня дрожали, когда я, как только рассвело, одевалась и причесывалась перед зеркалом. В тусклом утреннем свете мое лицо было бледным, как у призрака.

Дом словно вымер, по пути вниз мне не встретилось ни одной живой души. Мари послала прислугу в свой небольшой загородный замок, чтобы они там основательно привели все в порядок. Вернуться слуги должны были в течение дня, но не раньше второй его половины. Достаточно времени, чтобы уладить кое-какие дела.

Первым делом я прокралась в комнату, где останавливались королева и герцог. Постель была смята, повсюду еще валялись увядшие лепестки роз. Вино почти все выпили. Я осторожно оттянула покрывало – носовой платок лежал там! Мари осуществила свое намерение, значит, она всерьез решила навлечь на Себастьяно неприятности.

При виде платка меня накрыл короткий приступ ярости. «Оставь его здесь! – велел мне какой-то злобный голосишко. – Пусть себе огребет неприятности, он их заслужил!»

Настоящее искушение. По крайней мере на тысячную долю секунды. Но, разумеется, об этом и речи быть не могло. Он обидел меня, окей. Было все еще больно. Но ведь, по сути, так подло действовал вовсе не Себастьяно. В любом случае не тот Себастьяно, которого я знала и любила. Прежним Себастьяно он станет только тогда, когда к нему вернется память, и в этом я должна ему помочь. Я поспешно забрала платок и бесшумно покинула дом. По окутанному туманом улочкам я поспешила напрямик на Рю дю Жур. К моему бесконечному облегчению, Гастон был дома, пусть даже он далеко не обрадовался тому, что я вытащила его из постели. Он сидел в своем кресле, заспанный, кутаясь в шелковый халат, в то время как слуга принес ему сперва украшенные вышивкой парчовые тапки, а затем теплые паштеты. Он тотчас же принялся поглощать еду, и мои новости его, казалось, не особенно интересовали, так как посреди рассказа он крикнул слуге, чтобы тот принес добавки.

– Ты вообще слушаешь, что я тебе рассказываю? – спросила я его.

– Что? – уплетая за обе щеки, пробурчал он. – А, ну конечно. Королева и герцог. Хотя я об этом уже знал. Но история с бриллиантами – для меня

новость, большое спасибо за информацию.

– Все абсолютно так, как в романе, – подчеркнула я.

– Что за роман? Ах, ты имеешь в виду «Три мушкетера». Точно, ты же в прошлый раз об этом рассказывала. В общем, если серьезно, я по-прежнему считаю это полнейшей чушью. Эта книга – просто гремучая смесь случайности, вымысла и легенд. Приправленная щепоткой правды. Маленькой щепоточкой, – особо выделил он.

– Я убеждена, что правды здесь больше, чем одна щепотка. Это важно! Я имею в виду, важно для моего задания. Королева должна надеть на бал бриллианты. А Ришелье уж позаботится о том, чтобы у герцога бриллиантов не оказалось.

– А, ты считаешь, нужно сделать так, чтобы у герцога бриллианты не украли и он смог вернуть их перед балом королеве?

– Что-то вроде того, – сказала я.

– И как это сделать?

– Лучше всего предупредить герцога. Чтобы он хорошенько присматривал за бриллиантами.

– Крутой план, – согласился Гастон.

– И ты должен его реализовать.

Это ему показалось совсем не таким крутым. Он сердито вгрызся в паштет.

– И как, скажи, пожалуйста, мне это осуществить?

– Послать герцогу предостережение и, кроме того, на всякий случай заплатить нескольким людям, чтобы охраняли его от возможных воров.

– Он в Париже инкогнито и почти не выходит из дому.

– Тем лучше. Значит, охранять его будет намного легче.

Гастон вздохнул.

– Хорошо. Я посмотрю, что тут можно сделать.

Он вопросительно взглянул на мое простое платье и шерстяные чулки, торчавшие из-под подола покрытого коркой грязи одеяния. Туфли, запачканные не меньше, я сняла у входа в квартиру, чтобы не изгваздать прекрасный паркет.

– Разве герцогиня де Шеврез тебя не придела? Ты разгуливаешь повсюду, как простая служанка.

– Эти вещи гораздо удобнее, – отрезала я, а затем перешла к следующему важному пункту. – После бала нам нужно предпринять еще одну попытку.

– Какую попытку?

– Вернуться домой.

– О, конечно, – Гастон опечаленно кивнул. – Я уже говорил об этом со Старейшиной. Он страшно огорчился, что переход не удался. И велел передать, что ему очень жаль. Само собой, при следующей попытке он своевременно будет на месте.

– А где он сейчас?

Гастон пожал плечами:

– Где-то странствует. Старейшин же постоянно где-то носит, разве не так?

Если Старейшина, отвечавший за Гастона, того же пошиба, что и Эсперанца, то очень даже возможно.

– Ну, все? – Гастон зевнул. – Тогда я бы прилег еще на чуть-чуть.

– Сначала нужно уладить все с герцогом.

Он беззаботно махнул рукой.

– Да решу я это дело.

– Сначала сделай, а потом будешь отсыпаться.

– Не волнуйся, все под контролем.

– Я полагаюсь на тебя.

– Ну разумеется! Принято. – Он выглядел замотанным. – Мне вся эта история тоже не доставляет никакого удовольствия, Анна. Вообще-то сейчас я мог бы уже быть у моей подруги в Берлине. Только из-за того, что ваш переход не удался, я вынужден теперь до следующей смены фаз луны грести службу здесь.

– Нести службу, – сказала я. – Правильно говорить «нести службу».

– Спасибо, но мне от этого все равно никакого проку. Я даже на выходные не могу смотаться домой.

Судя по тону, он так же, как и я, дошел до полного нервного истощения. В это утро я ни разу не видела его щербинки, которая обычно появлялась при каждой улыбке. Затянувшееся пребывание в прошлом не пошло на пользу нам обоим. В подавленном настроении я попрощалась с ним и отправилась попытать счастья на мост Нотр-Дам, но, как и в прошлый раз, лавка Эсперанцы была закрыта, а самой ее ни слуху ни духу.

Зато свою лавку как раз открывал мсье Батист. В облаке аромата розы – иногда он все-таки менял парфюм – он рассортировывал разные флаконы и саше на прилавке и тут же воспользовался возможностью предложить мне новую туалетную воду собственного производства.

– Аромат экзотический, как сады восточного гарема, – восхвалял он свое творение. – Многообещающее чувственное наслаждение во всей полноте раскрывается в одной-единственной капле этого божественного экстракта. Новинка для дам, знающих толк в жизни.

Его сияющая улыбка призывала решиться на покупку. В следующую секунду он узнал меня и со скоростью, наводившей на мысль о побеге, скрылся в глубине лавки.

Я подумала было заскочить на несколько минут к Сесиль, но она наверняка еще спала беспробудным сном и разозлилась бы так же, как Гастон, если бы я потревожила ее в это время суток. В результате я вернулась на Плас Рояль. Как назло, я забыла прихватить ключ. Так как в доме не было слуг, чтобы открыть мне дверь, на стук дверного молоточка долго никто не реагировал. На второй и третий раз тоже. Озябнув и продолжая стучать, я прождала у двери добрых полчаса, пока наконец не открылись ставни и не послышался голос Мари.

– Кто там?

– Это я, Анна.

– Боже правый!

Она тотчас же, прямо в ночной рубашке, спустилась и открыла мне дверь.

– Где ты была? Ты опять всю ночь провела не дома?

– Нет. Мне не спалось, и нужно было подышать свежим воздухом.

И я вовсе не лгала.

Затащив в дом, Мари с тревогой оглядела меня.

– Ты ужасно выглядишь. Бледная, словно ночь не спала, грязная, совершенно измученная.

Так я себя и чувствовала. В одночасье на меня навалилась бесконечная усталость, и хотела я только одного – добраться до постели. Лучше всего было бы заснуть на сто лет. Как Спящая Красавица. Только вот в конце никакой принц не разбудит меня поцелуем, потому что в данный момент никого на эту роль не наблюдалось. Хорошо еще, если Себастьяно не сдаст меня кардиналу.

– Он все знает, – устало сказала я.

– Кто что знает?

– Себастьян знает, что королева встречалась здесь с герцогом. Он ее выследил. И кардиналу он наверняка уже все рассказал.

– О, понятно, – сказала Мари. Она внимательно смотрела на меня, что-то обдумывая. – Прошлой ночью он был здесь, не так ли?

Я кивнула с полыхающими щеками. Протянув руку, она ухватила кончик ткани, торчавший из кармана моего верхнего платья. Дернув за него, она вытащила носовой платок Себастьяно.

– Ах, – сказала она. – Ты хотела, чтобы он исчез.

Я заметила, что краснею еще больше.

– Ну, знаешь, тут такое дело. Он и я... я... я...

– Мне ясно, что ты влюблена в этого прекрасного негодяя, малышка. И ты, конечно же, рассказала ему о платке и моих планах, связанных с ним, правда?

Я сконфуженно кивнула, но Мари удивительным образом выглядела очень довольной, словно все шло именно так, как ей хотелось. И я опять почувствовала, что мной манипулируют, двигают туда-сюда, как шахматную фигуру на доске, где много незнакомых и опасных клеток. Голова шла кругом, потому что обдумать нужно было одновременно столько всего, а я для этого явно слишком устала и измучилась.

– Сначала тебе лучше несколько часов поспать, – заботливо взяв под руку, Мари повела меня к лестнице, словно какую-то древнюю старуху.

Я с трудом доползла до своей комнаты. Там мне едва хватило сил снять верхнее платье и обувь, перед тем как упасть в кровать и мгновенно уснуть.

* * *

Мне опять снилось, что по ночному городу за мной охотится кто-то опасный. Попутно до меня откуда-то снова и снова доносился предостерегающий голос Хосе. *Не доверяй никому, даже Себастьяно...*

В ужасе я оглядывалась назад, но в темноте никого не могла разглядеть. Ясно слышались только шаги. Я мчалась и мчалась и уже начала задыхаться, но преследователь был все ближе. Наконец я увидела на стене одного из домов его тень, многократно увеличенную светом факела. Пытаясь ускорить бег, я запнулась о край булыжника и рухнула в зияющую черную бездну. Я падала, и падала, и падала, отчаянно загребая руками и ногами, подобно Алисе в Стране Чудес, когда она летела в другое измерение. От преследователя я тем не менее не избавилась, он по-прежнему следовал за мной по пятам. Только видеть его я не могла, потому что кругом все лежало во мраке.

– Нет! – закричала я, когда он, протянув руку, схватил меня. – Отпусти!
– Анна!

Вскрикнув от испуга, я проснулась. Вокруг было темно, но через пару секунд я вновь обрела зрение. Мари стянула мне с лица одеяло, и в комнате мгновенно посветлело.

– Бедная моя! Тебе снились кошмары. – Присев на край кровати, она потрепала меня по щеке. – Было так страшно? Вот, выпей немного, это

успокаивает.

Она протянула мне бокал с пуншем, в котором явно содержалось слишком много алкоголя, но я заметила это, лишь сделав нескольких жадных глотков. Как бы то ни было, пунш меня действительно успокоил. Безумное сердцебиение замедлилось, я снова могла свободно дышать.

– Который час? – хрипло спросила я.

– Уже пять. Ты проспала почти восемь часов.

Мари казалась обеспокоенной, но на этот раз не из-за меня, а по какой-то другой причине, я поняла это по ее отсутствующему взгляду. Видимо, что-то случилось!

– Что произошло? – заволновавшись, спросила я.

– Королева... – Мари запнулась, она явно была вне себя. – Бриллианты... Королева подарила герцогу кольцо.

– Знаю, – призналась я. – Через стену слышала. Я тогда еще подумала, что из-за этого наверняка возникнут проблемы.

– О, ну что ж, они действительно возникли. Король потребовал, чтобы королева надела кольцо на бал!

Ну, супер. Вот тебе и смесь легенды и вымысла. При первой же возможности скажу Гастону, что все-таки была права. К счастью, мы вовремя приняли меры.

– Но и это не самое страшное, – продолжила Мари. – Джордж Вильер... у него больше нет бриллиантов.

Меня подбросило на кровати. О господи! Только не это! Ведь Гастон же мне клятвенно обещал! Бездельник! Ему, видите ли, непременно нужно дрыхнуть по утрам, вот Ришелье и оказался расторопнее!

– Он заложил его у ростовщика, – объяснила Мари.

Я посмотрела на нее в замешательстве.

– Ты уверена, что их у него не украли?

– Совершенно уверена. Я недавно получила сообщение от королевы. Сразу после того, как король повелел ей надеть бриллианты, она отправила к Джорджу посыльного с просьбой передать ей кольцо на ночь бала. Он прислал ответ, в котором сообщал, что срочная необходимость в средствах вынудила его заложить кольцо.

– Какой лжец! – вскричала я, вне себя от возмущения.

– Ну, не совсем так. В конце концов, это подарок, и, строго говоря, Джордж мог распорядиться им по своему усмотрению. Как честный и отважный патриот, он участвует в политических событиях, требующих много денег. Как тебе известно, в некоторых областях Европы бушует ужасная война. Нации создают самые разные альянсы, и страны, не

желающие быть втянутыми в боевые действия, вынуждены защищаться от вторжений воинственных правителей...

Она говорила и дальше, но из всего сказанного мне в душу запало только то, что славный Джордж предпочел обратить колье в деньги, вместо того чтобы, как обещал, носить его у сердца.

– Ох уж эти мужчины, – мрачно сказала я. На мой взгляд, этим все было сказано. Женщины не должны доверять никому из них.

Мари, очевидно, видела ситуацию по-другому.

– И тем не менее Джордж очень любит королеву.

– Тогда он должен выкупить колье.

– К сожалению, это невозможно. Полученные деньги он уже отдал конному гонцу, который вывезет их прямым из страны.

Против воли я отметила, что события развиваются совсем не так, как в романе. Может, Гастон и прав. С другой стороны, совпадений было достаточно, чтобы предположить, что на балу может случиться недоброе.

Мари озвучила мои мысли.

– Нам нужно не дать Ришелье опозорить королеву на балу, – сказала она.

– А может, ей просто сказать, что она больная и не пойти?

– Исключено. Ришелье только того и ждет. В этом случае он принудит короля открыто призвать королеву к ответу и объяснить, что она сделала с колье. И тогда все будет кончено, – Мари покачала головой. – Нет, королева просто обязана быть на балу в бриллиантах. Только так ей удастся раз и навсегда поставить кардинала на место – разоблачив его перед королем как злобного доносчика. И нам нужно до этого времени раздобыть для нее колье.

– Но как?

– Самим выкупить его.

– А разве для этого не нужна залоговая квитанция или что-то подобное? Не говоря уже о куче денег.

– У меня есть и то и другое. Джордж передал мне квитанцию, а деньги я внесу свои. Он их отдаст, как только сможет.

Когда рак на горе свистнет, подумала я, но, разумеется, оставила свой саркастический прогноз при себе.

– В общем, все еще можно спасти, – продолжала Мари. – Но без твоей помощи мне не обойтись.

– Можешь на меня рассчитывать. Что нужно делать?

– Забрать колье. Я послала ростовщику сообщение, он все знает. Сама пойти я не решаюсь, так как Ришелье уже организовал слежку и за мной.

По пятам ходят сразу несколько шпионов. Я заметила их, когда была сегодня у Джорджа.

– Я справлюсь, – сказала я гораздо увереннее, чем ощущала себя на самом деле. – Когда нужно идти?

– Нынче вечером, как стемнеет.

* * *

Мы подошли к делу, как команда «А», другими словами, действовали четко по плану. Мари потащила деда Анри в театр, чем убивала сразу двух зайцев – выполняла обещание, данное Сесиль, и одновременно отвлекала внимание сторожевых псов Ришелье. Из окна верхнего этажа я наблюдала, как по меньшей мере трое всадников на небольшом расстоянии друг от друга последовали за каретой, не удосуживаясь оставаться незаметными. Одного из них я даже знала – это был Жак. Или Жюль. В любом случае кто-то из них. Кто бы это ни был, ему придется провести смертельно скучный вечер у театра «Отель де Бургонь». Возможно, ему позволено пройти и на представление, и тогда он будет точно так же изнемогать от скуки внутри, за исключением тех сцен, где в прозрачных рубашонках появится Сесиль.

Как только опасность миновала, я собралась идти. Первым пунктом в плане значился безобидный поход за покупками, чтобы выяснить, нет ли слежки и за мной. С этой целью мы с Минеттой – к этому времени вся прислуга уже вернулась в дом – отправились к портному за платьем.

– Это твоё платье для бала, – таинственным голосом провозгласила Мари. – Я дала знать в мастерской, что его заберут сегодня вечером. Но я пока запрещаю тебе смотреть на него. Это сюрприз, и я хочу видеть твоё лицо, когда ты будешь впервые его рассматривать! Обещай, что не станешь ничего распаковывать!

Я и не знала, что она заказала мне новое платье специально для этого случая. Как выяснилось, его шил отец Филиппа. Когда мы с Минеттой пришли, оно, полностью упакованное, уже лежало на прилавке. Об оплате Мари тоже уже побеспокоилась, и мне оставалось только забрать заказ. Руки так и чесались откинуть в сторону мягкую хлопчатобумажную ткань, в которую было завернуто платье, чтобы хоть одним глазком взглянуть на него, но рядом стояла Минетта, а она с гарантией наябедничает Мари. Итак, я зажала под мышкой мягкий, многообещающе шуршащий тючок и вежливо поблагодарила мастера.

– А Филипп дома? – осведомилась я. Раз уж я здесь, почему бы не

воспользоваться случаем, чтобы поздороваться и еще раз сказать «спасибо» за помощь.

– Мальчик снова в театре, – недовольным тоном сказал его отец. Очевидно, он не разделял сыновнего интереса к сценическому искусству. А может, ему просто не нравился истинный объект обожания Филиппа.

Он бросил на меня вопросительный взгляд.

– Ведь это платье для вас, не так ли?

– Да, – подтвердила я. – Я уже просто сгораю от любопытства. Но герцогиня де Шеврез взяла с меня обещание пока что не смотреть.

– Знаю, поэтому оно и упаковано, – он указал на тючок. – Кстати, его придумал и пошил Филипп.

– О, правда? – теперь я еще сильнее хотела взглянуть на него. И искренне радовалась. Хотелось надеяться, что у меня еще появится возможность поблагодарить Филиппа. И сказать, какое прекрасное получилось платье. В том, что оно прекрасное, я нисколько не сомневалась, ведь будет уже здорово, если оно окажется хотя бы вполовину таким же сногсшибательным, как одеяния, которые он сотворил для Сесиль.

На обратном пути я часто оглядывалась, но никого не заметила. По крайней мере никаких преследователей. Можно было приступить к операции «Свободу брюликам» (так я нарекла ее для себя в целях конспирации). Сначала я довела Минетту до Плас Рояль. Она знала, что у меня еще кое-какие планы, но считала, что я отправляюсь на свидание. В общем-то, верно, только свидание было деловое. Я дождалась, пока она вместе с платьем исчезла в дверях, и быстрым шагом двинулась дальше. За это время почти стемнело. Мне верно служил прихваченный в дорогу светильник. Улицы почти совсем опустели, какое-то движение наблюдалось только около трактиров. Каждый раз, когда они попадались мне на пути, я очень старалась не столкнуться ни с кем из направлявшихся туда или выходявших оттуда. Как только на горизонте появлялись явно перебравшие мужчины, я переходила на другую сторону улицы и ускоряла шаг. Иногда пряталась в боковых улочках или за дверями домов, пережидая, когда смогу беспрепятственно идти дальше. Увернуться достаточно быстро не удалось только однажды. Два типа, от которых за километр несло перегаром, шатаясь, преградили мне дорогу. Они что-то предлагали заплетающимся языком, из чего я поняла только половину, но и половины мне хватило, чтобы молниеносно скрыться за первым же поворотом. Один из них бросился вдогонку, но был настолько пьян, что больше десяти метров не пробежал. Через три дома я от него избавилась. К сожалению, из-за этого пришлось сделать крюк – убегая, я немного вернулась назад, но из двух зол

это все-таки было меньшим. Слишком многое зависело от того, доберусь ли я в целости и сохранности до цели, ведь в сумочке на поясе вместе с квитанцией я несла целую кучу денег. Мари отсчитала мне сверкающую гору золотых монет, такую большую, что у меня голова закружилась. И сделала она это без особого трепета, а скорее так, словно речь шла о мелочи. Эта беспечность лишний раз показывала, как обладание почти легендарным богатством проявлялось на практике: деньги ничего не значили для Мари, они у нее просто были. С целым состоянием в сумочке я казалась самой себе подключенной к проводам под напряжением. Я постоянно нервно оглядывалась по сторонам. Теперь мне повсюду мерещились преследователи, даже там, где их уж точно и быть не могло. Например, два монаха, вышедшие, продолжая молиться, из церкви при кладбище – не слишком ли злобно посмотрел на меня только что один из них? Или толстуха, через две улицы свернувшая за угол с корзиной, полной свеклы, – может, на самом деле она подосланная Ришелье шпионка?

Чем ближе я подходила к Сене, тем отчетливее ощущала, что меня пасут. Я прошла мимо старого замка недалеко от берега и, вступив на мост Нотр-Дам, уже чувствовала преследователя почти физически. Кто-то за мной наблюдал. Впечатление было настолько сильным, что на середине моста я развернулась. Мужчина! Он молниеносно нырнул в дверь какого-то дома, но на долю секунды я увидела его лицо. Это был Себастьяно!

* * *

От ужаса у меня перехватило дыхание, а сердце работало с перебоями, пока я лихорадочно взвешивала свои возможности. Их было две – пойти к нему и сказать все прямым текстом или развернуться и продолжить путь. Решившись на второй вариант, я сделала вид, будто его не заметила. У меня не было выбора. Я должна была забрать кольцо, иначе королева окажется в безвыходном положении. Себастьяно опять шел за мной по поручению кардинала, значит, требовалось как-то от него отвязаться. Если я просто помчусь от него, у меня наверняка ничего не выйдет. Я точно знала, что бегают он быстрее меня и поэтому в любую минуту запросто догонит. Тут могли помочь только уловки, которым я у него же и научилась.

Сперва я спокойно шагала, не оборачиваясь. После моста перешла на правую сторону и свернула в узкий переулок. Там я сразу же нашла то, что искала, – арку. Я юркнула под нее и погасила фонарь. В полной темноте, затаив дыхание, я ждала, когда шаги Себастьяно приблизятся. Не

останавливаясь, он прошел мимо арки. Только после того, как грохот его ботфорт замер вдали, я отважилась выйти из укрытия и поспешила назад в улочку, с которой недавно свернула. За это время глаза почти привыкли к темноте. Окутывая все вокруг слабым светом, над крышами висел молочно-белый убывающий месяц. Из некоторых окон, где горели свечи, на дорогу падал свет, выхватывая из тьмы небольшой клочок пространства прямо под ногами. И все-таки время от времени я вляпывалась в скользкие, вонючие отбросы, а один раз, к своему ужасу, споткнулась о какого-то человека, примостившегося у стены дома. Когда я врезалась в него на полном ходу, он, чертыхаясь, выпрямился и одарил меня самыми непристойными ругательствами. Был ли это нищий или просто кто-то, перебрав, вознамерился проспать на улице, сразу и не определишь. Я быстро извинилась, поднялась на ноги и поспешила дальше.

Остаток пути меня никто не преследовал. Мне удалось ввести Себастьяно в заблуждение, чем я даже слегка гордилась. Я все еще злилась на него. Как только он все вспомнит, в наших отношениях нужно будет кое-что прояснить.

Мари точно описала, как выглядит лавка ростовщика.

— По улочке второй дом, между церковью и рекой. Над дверью висит вывеска с тремя золотыми шарами.

Под церковью она имела в виду Нотр-Дам, который и ночью ни с чем не спутаешь. Громадной тенью собор вырисовывался на фоне освещенного лунной небом. Подойдя ближе, у средних ворот я увидела ночного сторожа, крошечную фигурку рядом с огромным строением. На площади у центрального фасада горели факелы. Картина производила совершенно сюрреалистическое и немного жуткое впечатление, как в мюзикле «Собор Парижской Богоматери». Казалось, что гигантские каменные статуи вот-вот покинут свои ниши или с фасада вниз слетит какое-нибудь крылатое демоническое существо и сцапает тебя.

Когда я сворачивала в узкую улочку справа от собора, сторож посмотрел в мою сторону, но ничего не предпринял, чтобы меня остановить. Дом ростовщика был таким же темным, как и все вокруг. Я долго всматривалась в торчавшую над дверью вывеску и разглядела наконец три шара. Правда, в лунном свете они выглядели скорее серыми, чем золотыми.

Я нерешительно стукнула дверным молоточком по растрескавшейся массивной двери. Внутри послышалось шарканье, а затем скрежет щеколды, и я непроизвольно затаила дыхание, отчего коротко испуганно ойкнула, когда в следующую минуту дверь отворилась. В образовавшейся

щелочке возникла свеча, а над ней изборозженное морщинами лицо с длинными седыми локонами на висках.

– Вы ростовщик?

Человек выжидающе уставился на меня, ничего не отвечая.

– Я – ангел-помощник, – заявила я. Такой пароль для этой сделки сообщила ростовщику Мари. Я находила его идиотским, но ведь по ходу дела задним числом все равно ничего не изменить.

Старик молча открыл дверь и впустил меня в дом. Свеча освещала комнату очень скупо. Темный, низкий потолок, пол из длинных, широких досок, запертый на несколько висячих замков шкаф, обшарпанная стойка с маленькими весами, лупой и письменными принадлежностями.

– Вот залоговая квитанция, – сказала я. – А здесь деньги.

Я выложила все на прилавок. Старик, вооружившись лупой, сначала проверил документ, а затем потрясаясь ловкими пальцами пересчитал золотые монеты и отправил их в кожаный мешок, что висел у него на поясе. После этого он обстоятельно и долго отпирал шкаф, достал оттуда ящик, также снабженный замками, и открыл его. Светильник со свечой он оставил на прилавке. В мерцающем свете пламени я заметила, что на голове у него кипа. Вот почему у него такие длинные локоны на висках: он еврей. Мне тут же вспомнилось, что в Средние века христианам церковь запрещала взимать проценты, и поэтому кредитное дело было традиционно еврейским ремеслом.

Достав из ящика маленькую бархатную шкатулку, ростовщик откинул крышку, чтобы показать мне содержимое. При виде сияющего кольца у меня опять перехватило дыхание, но на этот раз я только тихо, с благоговением выдохнула. Еще ни разу в жизни не видела я такого дивного украшения! Идеально отшлифованные грани драгоценных камней поглощали свет, идущий от свечи, и преобразовывали его в лучистое, сверкающее сине-белое великолепие. Я безотчетно потянулась к нему, но дотронуться не успела, потому что ростовщик захлопнул шкатулку. Неожиданно громкий звук заставил меня вздрогнуть, а старик нетерпеливо протянул мне шкатулку под прилавком. Быстро взяв ее и тщательно уложив в сумку на поясе, я прошла за ростовщиком к двери.

Он молча выпустил меня и тут же снова запер дверь. За все время он не сказал ни единого слова, но все и без разговоров прошло на высшем уровне. Бриллианты у меня. Теперь оставалось только доставить их Мари в целости и сохранности.

По дороге к мосту я опять заметила преследование. И прокляла себя за наивность. Неужели я всерьез думала, что от Себастьяно так легко отделаться? Что ж, на этот раз я справлюсь получше. Он еще не знает, на что я способна!

Хитроумными зигзагами я носилась по улочкам острова Сите, шныряла по всем закоулкам, чтобы сбить его со следа. Пряталась сначала в каком-то темном подъезде, затем за конюшней и под пустой телегой. Каждый раз я прислушивалась к звукам приближавшихся и снова удалявшихся шагов. Бежала дальше, когда думала, что наконец избавилась от него, – но вскоре опять слышала за собой шаги.

Правда, я быстро поняла, что в самом преследовании что-то изменилось. Это больше не походило на слежку. Он хотел настигнуть меня. Как в моем сне, угрожающем и мрачном.

Я уже буквально обливалась потом. К тому же я выпачкалась с головы до ног, что из-за темноты понимала только по воню от накидки. По моим ощущениям, под телегой, кроме меня, явно лежало что-то еще. Я бы сказала, изрядная порция конского навоза. Понятно, что по такому ориентиру, как запах, висеть у меня на хвосте было несложно. Недолго думая, я просто скинула накидку на землю, а сама понеслась дальше и снова спряталась – на этот раз за покосившейся изгородью, заросшей вьющейся фасолью. Растение я узнала по одной фасолине, болтавшейся прямо у меня перед глазами, пока я пережидала опасность. Сейчас мне, кажется, повезло. Осторожно покинув укрытие, я оглянулась по сторонам и прислушалась, но ничего не услышала. Только кошка, мяукая, терлась о бочку, откуда нестерпимо воняло рыбой.

Без накидки двигаться стало легче. Ночной прохлады я не боялась, ведь от этой гонки мне все равно было слишком жарко. На остаток пути я придумала дополнительную меру предосторожности, на тот случай, если Себастьяно поджидает на мосту Нотр-Дам, с расчетом выловить меня там. Я решила возвращаться через мост Пон-Неф, пусть даже это и крюк. Согнувшись и как можно тише, я проскользнула по Плас Дофин, большой треугольной площади, образующей острие острова Сите. От нее начинался Пон-Неф.

Однако там мне вновь пришлось изменить план. У большой конной статуи на мосту патрулировали несколько стражников, которые наверняка остановили бы меня для проверки. Вся в поту, измочаленная, я

развернулась и зашагала назад к мосту Понт-о-Шанж, где, прищурив глаза, стала вглядываться в противоположный берег. Выяснилось, что лучше видно там, где поблизости меньше фонарей и факелов. Разумеется, все выглядело одинаково серым и размытым, но очертания домов и расположение улиц я различала. На мосту передо мной никого не было. Глубоко вздохнув, я помчалась вперед.

* * *

Посередине моста, как всегда на этом месте, меня на мгновение охватила дрожь. Очевидно, тут срабатывали какие-то психологические механизмы, ведь я знала, что здесь портал. А с ним у меня связывались определенные представления – что это сложное переплетение самых разных тропинок из прошлого и будущего, здесь они пересекаются и объединяются. Из этой точки рукой подать до древних эпох и до тех времен, когда человечества еще и в помине не было, а может, и до тех, когда уже ни одного человека не останется. Не говоря уже о временах, существующих параллельно тем, что нам известны, притоках истории, заканчивающихся нежелательными тупиками. Эти тупики требовалось регулярно отсекал от основного потока истории, как мне однажды объяснил Себастьяно, иначе они путем обратной связи так или иначе приведут к тому, чего ни в коем случае нельзя допустить: к энтропии.

Естественно, ни о чем таком я раньше не слыхала. Я сразу же спросила, не связано ли это каким-то образом с физикой (в таком случае я никогда бы не поняла дальнейших объяснений), но Себастьяно сказал, что понятие-то физическое, а по сути просто синоним к слову «исчезновение». И не как пропажа – мол, что-то исчезло, но еще может найтись, а в смысле – насовсем, будто его в серной кислоте растворили. Было нетрудно представить себе, что это означает.

Я радовалась, что миновала портал и уже приближалась к другому берегу. Пришлось замедлить шаг, потому что я совсем выдохлась и чувствовала себя как после особенно зверского занятия у господина Шиндельмайера. Наверняка по этой причине я и потеряла бдительность, потому что фигуру, заступившую мне дорогу в конце моста, заметила только тогда, когда врезалась в нее.

Я отпрыгнула назад, вскрикнув от ужаса.

– Господи, зачем же такой шум поднимать! – испуганно сказала фигура.

– Гастон! – простонала я с облегчением. – Я думала, это Себастьяно.

– С чего вдруг? Он что, гонится за тобой?

Я молча кивнула, одной рукой держась за бешено скачущее сердце, а другой судорожно сжимая мешочек, как всегда, висевший на шее. Я испытывала настоящую потребность за что-нибудь ухватиться.

Гастон проверил, что происходит у меня за спиной.

– Его нигде не видно.

– Мне удалось уйти. – Внезапно опять начало зудеть в затылке. – Черт, думаю, он по-прежнему где-то рядом, – я обеспокоенно следила за мостом. – Видишь там кого-нибудь?

– Нет.

– Он охотится за бриллиантами. Но они у меня в надежном месте.

– Правда, что ли? Ну ты даешь! – Он с любопытством ткнул пальцем в мешочек, который я все еще сжимала. – Они у тебя здесь?

– Что? А, нет, тут у меня только маска, типа талисман. Она всегда при мне. Бриллианты здесь, в сумке на поясе.

– Дашь взглянуть? Всегда мечтал увидеть настоящие бриллианты.

Я вынула шкатулку из сумки и откинула крышку. Стянув кольцо с обитого бархатом крепления, Гастон поднял кольцо в воздух. Бриллианты сверкали даже в лунном свете.

– С ума сойти! – благоговейно сказал Гастон. – В жизни не видал такой красоты. Даже подумать страшно, сколько эти камешки стоят.

Я сказала, и он задумчиво кивнул.

– Примерно так я и думал. Достаточно, чтобы простому смертному до конца дней жить припеваючи.

– А что ты вообще тут ночью делаешь? – спросила я.

– Я ждал у дома ростовщика, когда придут за кольцо.

Я посмотрела на него в растерянности.

– Не понимаю...

– Как ты и хотела, я организовал охрану для герцога и таким образом узнал, что бриллианты он заложил. После этого я не сомневался, что Мари де Шеврез их выкупит. Она – лучшая подруга королевы, и бабла у нее немерено, – Гастон покачал головой. – Вот везет же некоторым! В прошлой жизни она была простой, скромной редакторшей журнала мод. И такой стремительный взлет! – Он вздохнул, словно не в состоянии этого постичь, и секунду спустя вернулся к рассказу: – Когда ты вышла из лавки, я пошел за тобой, но, к сожалению, ты оказалась шустрее. Хотя и глупее. Пока ты играла в прятки, я, недолго думая, сразу перешел реку, потому что знал, что тебе ведь тоже на этот берег возвращаться. Вот и ждал тебя тут.

Он спокойно засунул колье в карман.

Даже младенец уже сообразил бы, что произошло. Мне просто следовало правильно истолковать зуд в затылке. В полном ступоре я смотрела на него не отрываясь.

– Выходит, ты на стороне Ришелье?

Гастон презрительно расхохотался.

– Какое мне дело до этого придурка? Это всего лишь персонаж исторического романа.

– Так ты хочешь забрать бриллианты себе? – ошарашенно уточнила я.

– Я же уже сказал, что рассчитываю прожить на них до конца дней, – голос Гастона звучал глумливо. – Иногда кажется, что с мозгами у тебя не очень.

– Сейчас же верни их.

Он только рассмеялся. Не обращая внимания на все сильнее зудящий затылок, я шагнула к нему и попыталась залезть в его карман. Он схватил мои руки железной хваткой и в следующее мгновение силком потащил меня на мост.

– Что ты делаешь? Отпусти!

– Мне очень жаль, но ты сорвешь все мои планы.

– Какие планы?

– Счастливым и довольным вернуться домой с бриллиантами и жить на эти деньги до конца дней.

– Мы можем это обсудить, – предложила я, но для Гастона время обсуждений, видимо, уже прошло. С молчаливым упорством он тащил меня, пока до берега не осталось и дюжины шагов. Я пыталась высвободиться, но Гастон оказался на удивление сильным, а кроме того, он весил раза в два больше меня, поэтому, несмотря на мое яростное сопротивление, без особого труда волок меня за собой. По-прежнему находясь в сильнейшем потрясении, я лишь теперь начала осознавать, что произойдет дальше. Он совершенно серьезно собирался меня убить! И хотел сделать это на мосту, потому что там у него не возникло бы проблемы, что делать с трупом.

Наконец-то я вспомнила о том, что владею искусством самозащиты. В конце концов, я не только прошла курс в школе, но и весь прошлый год училась у Себастьяно некоторым дополнительным приемам и ударам ногой. Я попыталась врезать Гастону коленом между ног (этот надежный прием срабатывал всегда), но он увернулся, закрутив меня при этом так, что я оказалась к нему спиной, зажатая в его руках, словно в тисках. Его хватка перекрыла доступ воздуха мне в легкие, я слышала, как трещат

ребра. Я инстинктивно попыталась изо всех сил отдавить ему пяткой ногу, одновременно нанеся затылком удар в челюсть, но оба раза промахнулась. Такое ощущение, будто он заранее предугадывал мои намерения.

– Дело в том, – сказал он мне прямо в ухо, – что я тоже посещал эти курсы.

– Анна! – раздался голос Себастьяно. Звучало со стороны Сите. Он был на другом берегу и видел нас!

– Помогите! – завопила я. То есть я хотела завопить, но из-за тисков Гастона вырвался только еле слышный стон.

– Анна! – На этот раз голос прозвучал совсем не так далеко. Себастьяно приближался к нам.

– Черт, – пробормотал Гастон.

Прежде чем я окончательно поняла, что он собирается сделать, он схватил мою голову обеими руками и с силой ударил ее о перила моста. В глазах у меня потемнело.словно издалека, я почувствовала, как он поднял меня и с силой швырнул через перила. Я падала и падала, как в том ночном кошмаре. Раздался громкий всплеск, а затем меня окружила вода. Я камнем уходила в глубину, где уже не существовало верха и низа, только бесформенная чернота. Вот, оказывается, как умирают. Я не чувствовала ни боли, ни страха. Только сожаление. Прежде всего, из-за того, что мы с Себастьяно поссорились и расстались. Раньше такого никогда не случалось. Пусть мы иногда – очень редко – и цапались, но всегда старались как можно скорее помириться. Точно так же, как и я, он панически боялся, что с любимым из нас что-то могло случиться именно после ссоры, и тогда последними словами, сказанными любимому человеку, могли оказаться *Да пошел ты...* или *Вали отсюда*. Как назло, у меня с Себастьяно именно так и вышло. Хотелось надеяться, что он не станет горько упрекать себя. Достаточно того, что это делала я, хотя, похоже, и уносила все упреки с собой в речную могилу.

Я представляла себе, что снова стою на мосту и на прощание машу рукой родителям. Мама, папа, до свидания. Не печальтесь уж слишком, пожалуйста. И не ищите меня, ведь я канула в Лету.

Меня несло в бесконечном бурном потоке мрака. Нет, секундочку, было не совсем темно. Перед моими закрытыми глазами вспыхнула узенькая дуга света. Возникнув непонятно откуда, меня охватила вибрация. Вероятно, это взмахивало крыльями, унося меня прочь, какое-то небесное существо, а сияние – это его аура. Что бы это ни было, меня отсюда забрали. Затем все вокруг погасло, умерло. Меня больше не существовало.

Часть четвертая

День седьмой

Париж, 2011

Я кашляла, задыхаясь, затем меня вырвало, и после этого ко мне окончательно вернулось сознание. Я не умерла, а значит, перенеслась во времени. Меня спасла маска. Но куда же, ради всего святого, я попала? Прямо на меня, визжа, несясь обезумевший монстр с огромными мигающими глазами и пастью, полной железных зубов. В последнюю минуту я успела броситься в сторону, иначе он сожрал бы меня. Монстр на больших черных колесах с шумом прокатил мимо, и я увидела, что это мусоровоз. Издав последний оглушительный гудок, он уехал.

Я растерянно огляделась по сторонам. Никаких сомнений, я вернулась. И это Париж. Пасмурный день, мерзкая погода, а подо мной – Сена. В платье из прошлого я оказалась в настоящем. Повсюду сновали машины, толпы пешеходов под зонтиками. Страшно замерзшая и насквозь промокшая, я скрючилась в водосточном желобе моста Понт-о-Шанж, страдая от жесточайшей головной боли.

Все напрасно. Себастьяно навсегда застрял в прошлом, и мне к нему больше не попасть. Осознание случившегося плавно привело меня к самой крутой истерике всех времен. Теперь меня заполняло только черное-пречерное бездонное отчаяние. Как же мне дальше жить без Себастьяно? Я рыдала так, что разжалобила бы даже камни, и жалела, что не умерла. Лучше всего было бы опять прыгнуть в воду и дать реке довершить то, чему помешала маска.

– Мадемуазель? – Сочувственно глядя сверху вниз, передо мной стояла коренастая женщина с зонтиком. Лицо ее под зонтом выглядело странно зеленым, почти как у Шрека. На секунду я испугалась, что угодила в какую-то параллельную вселенную, населенную пришельцами, но потом заметила, что это зонтик у нее ядовито-зеленого цвета. Она о чем-то спрашивала меня, я ее не понимала, но рыдать на мгновение перестала.

– Все хорошо, – солгала я. – Je suis bien.

Пожав плечами, она пошла дальше. Внезапно в моей голове приняла ясные очертания одна мысль. Если все действительно пошло наперекосяк и мое задание (я по-прежнему понятия не имела какое) уже не выполнить, разве не должен здесь утвердиться жуткий альтернативный мир из зеркала

Эсперанцы? Однако все выглядело как обычно. Не слышно было выстрелов, и руин я тоже не видела. Размышляя, я встала на ноги. Может, еще не все потеряно, ведь иначе правильного будущего не наступило бы, разве не так?

От напряженных мыслей разболелась голова. Особенно в затылке. Я осторожно ощупала больное место и застонала. Под пальцами ощущалась громадная шишка. Дело рук Гастона. Меня охватил пламенный гнев. Не окажись при мне по чистой случайности маски, я бы утонула! Какой мерзавец! В ярости я так резко шагнула в лужу, что во все стороны полетели брызги. Больше всего на свете мне хотелось что-нибудь расколотить, и лучше бы о голову Гастона.

У меня зуб на зуб не попадал от холода, руки и ноги превратились в ледышки. Дрожа, я поплелась на авеню Виктории. Со странным чувством шла я по городу, который еще несколько часов назад видела совсем другим. Здесь почти ничто не напоминало о Париже прошлого. Естественно, кроме меня. Должно быть, в старинном наряде я казалась прохожим какой-то эксцентричной чудачкой, почти все таращились на меня, не веря своим глазам. На стойке регистрации отеля «Британик» я по необходимости выдавила из себя пространное объяснение, почему вдруг появилась сюда в таком диком виде.

— Я в последние дни ночевала у друзей, у... они актеры. Сегодня я была в театре, мы собирались репетировать одну историческую пьесу. К сожалению, мои вещи из раздевалки украли. Тут я вспомнила, что у меня ведь дорожная сумка осталась в отеле. Как назло, по дороге сюда я попала под дождь. И... упала, поэтому я такая мокрая и грязная. Ах да, и не найдется ли у вас для меня таблетки аспирина? Или двух?

Администраторша сосредоточенно выслушала меня, а затем вежливо спросила по-английски, не могу ли я повторить все сказанное еще раз. Просто свою маленькую речь я выплеснула на нее по-немецки, не подумав о том, что преобразователь здесь не сработает. Я спешно объяснила все еще раз по-английски, после чего она дала мне несколько таблеток от головной боли, а затем принесла вещи, которые я оставила ей на хранение.

— Мне срочно нужно принять душ и переодеться. У вас не найдется для меня номера?

— Конечно. Но, к сожалению, не тот, где вы останавливались вчера вечером. Вы ведь уже выписались из него.

— Как вы сказали — вчера вечером?

Администратор кивнула.

— И я вчера вечером была здесь? — оторопев, спросила я.

– Разумеется. Вы принесли мне ваши вещи, а потом ушли. Разве вы не помните? – Она разглядывала меня немного озабоченно.

Я смотрела сквозь нее с отсутствующим видом. Здесь прошла всего одна ночь! Какое счастье! По крайней мере я могла быть уверена, что родители не умирали от беспокойства из-за моего исчезновения. Никаких заявлений о пропаже без вести, никаких полицейских запросов и вообще никакого стресса. Ничего, что обычно можно ожидать в ситуации, когда человек не подает признаков жизни целую неделю.

Я всегда думала, что время на всех уровнях течет с одинаковой скоростью и по-другому бывает, только если возвращаешься в точку отправления через портал со сменой фаз луны. Но в этот раз все, очевидно, произошло иначе. Может, дело в маске? В голове кто-то работал пневматической дрелью. Я решила больше не гадать, все равно попаду пальцем в небо. Кроме того, нужно быть по меньшей мере нобелевским лауреатом по физике, чтобы понять в этой теме хотя бы азы. *Область сплошных парадоксов*, как однажды в шутку сказал Хосе. К сожалению, моих интеллектуальных способностей тут явно не хватало, тем более после такого зверского удара по голове.

Ладно, не важно. Сначала мне срочно требовалось залезть под душ. И позвонить. Первым делом позвонить. И заглянуть в Википедию, и быстренько дочитать «Трех мушкетеров». Я надеялась, это поможет мне разработать новый план и узнать, что будет дальше.

Интуиция подсказывала, что времени осталось немного.

* * *

Едва переступив порог номера, я попыталась связаться с Хосе, но опять включался лишь автоответчик.

Затем я, разочарованная и подавленная, просмотрела в мобильнике пришедшие в мое отсутствие сообщения. Звонок на голосовую почту от мамы из Копенгагена (*Папа доехал благополучно. Надеюсь, тебе хорошо в Париже! Проявись, когда будет время!*). Потом сообщение от оператора связи насчет безлимитного тарифного плана. И целая куча сообщений от Ванессы, начиная с *Ну и как там в городе любви? Пришли фотку Эйфелевой башни ночью!* далее *Сейчас убегаю с Даниэлем, милягой из двенадцатого класса. Всегда хотела попробовать разок с парнем моложе меня!* и, наконец, *Почему молчишь? Что случилось?*

Пока я все это просматривала, пикнуло новое сообщение. Какой-то

неизвестный мне номер.

Приеду сегодня в полночь. Жди меня у портала на мосту. Хосе.

От волнения я чуть не выронила телефон.

Хосе написал! Он на пути сюда! Я снова заревела, на этот раз от облегчения и благодарности, ведь это была самая лучшая новость за долгое время.

Обязательно приду, – ответила я. – Как твои дела? У меня ничего не вышло. Гастон – предатель. Себастьяно все забыл.

Я ждала и ждала, но ответа не было. Минута проходила за минутой, ничего не происходило. Такой уж он, этот Хосе. Не настолько скупой на слова, как Эсперанца, он все-таки тоже избегает лишних объяснений. Видимо, придется потерпеть до полуночи. Вариант, конечно, так себе. Но зато у меня появилась надежда. Хосе-то уж знает, что делать. Впервые за много дней я снова чувствовала хоть какую-то уверенность.

Я заставила себя написать несколько радостных сообщений родителям и Ванессе, приняла две таблетки аспирина и положила сушиться на радиатор кожаный мешочек и маску. Затем я позволила себе от души понежиться под душем, и меня совершенно не заботило, не зайдет ли вдруг в номер кто-нибудь с разделочным ножом.

После душа я надела чистые вещи, поставила iPhone на зарядку и нанесла продолжительный визит Википедии. Я еще раз прочитала самые важные посты, первым делом о Ришелье. Затем статью о «Трех мушкетерах» и так называемом деле о бриллиантовых подвесках, про которые никто точно не мог сказать, носила ли их королева на самом деле или они появились лишь благодаря воображению Александра Дюма, автора этого романа. Теоретически я могла бы теперь и сама сделать об этом официальное заявление и для всех прояснить ситуацию, например, так: *Исследования одной работающей под прикрытием путешественницы во времени доказали, что в действительности речь идет о бриллиантовом колье.*

Про Людовика XIII я могла бы запостить такой текст: *Новейшие данные позволяют сделать заключение, что король был гомосексуалом и поэтому не мог быть Людовику XIV родным отцом.*

Странно, что до сих пор никто ничего подобного не написал. Вообще-то выяснить это мог каждый. Достаточно бегло просмотреть список королевских любовниц за всю историю Франции, и вот оно, доказательство: у Людовика XIII были с женщинами только платонические отношения, в то время как пассий всех королей до и после него, а также их незаконных отпрысков, целый полк наберется.

Чего стоит одна эта абсурдная история о том, как король с королевой произвели долгожданного наследника после двадцати лет брака! Якобы король вынужден был из-за грозы заночевать в замке, где как раз находилась и королева. Так ему – опять же в силу обстоятельств – еще и в постель к ней пришлось лечь, потому что во всем здании отапливалась только ее спальня. А через девять месяцев родился Король-Солнце.

Неужели кто-то всерьез этому верит?

Вскоре строчки поплыли у меня перед глазами, мне с трудом удавалось сконцентрироваться. Я отложила мобильник, чтобы недолго отдохнуть, пока не утихнет головная боль. Спать я совершенно не собиралась, а когда проснулась, за окном уже стемнело. Я в ужасе посмотрела на экран мобильного – полвосьмого. Я проспала весь день.

Во всяком случае, это пошло мне на пользу, я чувствовала себя значительно лучше. И головная боль немного отпустила.

Зато урчанием напомнил о себе желудок. Чтобы не заморачиваться, я отправилась в первое попавшееся быстро и заказала плошку супа, а пока ела, дочитывала пост о королеве. То есть хотела дочитать, но не нашла его. Я лихорадочно искала, но Анна Австрийская из Интернета исчезла. Не нашлось там и короля. Ришелье тоже пропал. Будто кардинала с таким именем никогда и не существовало. Всех их словно резинкой стерли, Гугл показывал мне лишь какие-то дурацкие посты, не имевшие никакого отношения к известным историческим личностям. То же самое происходило и в остальных поисковиках. Я попробовала найти Людовика XIV – ничего. Стерли даже электронную книгу «Три мушкетера», Гугл тоже такой книги не знал. Д'Артаньянов выискалась целая куча, но среди них не было ни одного мушкетера.

Я резко отодвинула миску с супом. До этого я была голодна, но теперь аппетит пропал. Паника охватила меня, когда я поняла, что значит это странное исчезновение: прошлое висело на волоске. В 1625 году произошло нечто вроде кризиса, и теперь исчезновение грозило распространиться и полностью захватить будущее. Внезапно я физически ощутила, что такое энтропия. Все начинается с пустот в Интернете, а закончится дымящимися развалинами.

Мне больше не сиделось в ресторане. Расплатившись за суп, я вышла на улицу. Следующие несколько часов я шагала по старому центру города, выискивая места, знакомые мне по семнадцатому веку. Рю дю Жур еще сохранилась, но ни одного дома я не узнала. Рыночный квартал тоже выглядел по-другому. На метро я доехала до площади Бастилии, но тюрьма с мощными башнями исчезла; на ее месте красовалась высокая колонна с

позолоченным ангелом.

Расположенная неподалеку Плас Рояль, к моему удивлению, почти не изменилась, если не считать того, что теперь она называется Плас де Вож. На широкой площади высадили деревья, но ряды домов в стиле барокко выглядели почти так же, как в 1625 году. С бьющимся сердцем войдя в аркаду, я остановилась у дворца, в котором еще вчера жила.

Затем я пошла к реке и дальше через нее на остров Сите. Пейзаж вокруг Нотр-Дам – кроме самого собора – тоже сильно изменился. Улочка с домом ростовщика исчезла, как и большинство домов, которые я видела на этом месте еще вчера вечером. Не давая мыслям заблудиться в *области сплошных парадоксов*, я отправилась к мосту Понт-о-Шанж, так как до появления Хосе оставалось уже недолго. Я довольно много прошла пешком, но многочасовое движение на свежем воздухе отвлекло меня, и голова почти перестала болеть.

Вступив на мост, я не поверила своим глазам и с сомнением приблизилась к нищему, сидевшему там на куске картона. Это был отвечавший за портал Старейшина! Я его нашла!

В страшном волнении я остановилась рядом с ним.

– Это вы! – воскликнула я. – Слава богу! Мне так нужно с вами поговорить!

Клошар смотрел на меня мутными глазами и беззубо улыбался. От него воняло, как от целой бочки сивухи, а нос с красными прожилками выглядел так, словно он уже залил за воротник целый гектолитр пастиса^[11]. Все вместе создавало ощущение потрясающей подлинности, особенно отсутствие зубов.

– С ума сойти! – вырвалось у меня. – Все выглядит так... реалистично!

Подмигнув одним глазом, Старейшина хлебнул из бутылки.

– А Гастон уже здесь? – поинтересовалась я, так горячась, что голос срывался. – Знаете, что он выкинул? Пытался меня убить! И бриллианты королевы у него!

Старейшина, рыгнув, усмехнулся, принял еще один мощный глоток из бутылки, а затем протянул ее мне.

– Но это же не выход, – сказала я, отклоняя предложение. – Лучше бы вы как следует следили за тем, что творит ваш подчиненный в семнадцатом веке. Из-за него королева в большой опасности! Если у него все выгорит, изменится весь ход истории, я сама видела в зеркале! Изменения уже начались! В Гугле...

В эту минуту за моей спиной остановилось такси. Стекло у переднего пассажирского сиденья опустилось, и оттуда выглянул Хосе.

– Вот и ты. Садись давай.

– Но... – ничего не понимая я переводила взгляд с него на Старейшину и обратно. Неужели они друг друга не знают?

Такси подгоняли гудками другие машины, на проезжей части образовался затор.

– Ну садись же, пора, – нетерпеливо прикрикнул Хосе.

Я вообще уже ничего не понимала, но послушно села в машину. С заднего сиденья я оглянулась на Старейшину, который снова надолго приложился к бутылке, а затем натянул на лицо свою жуткую кепку, словно собрался вздремнуть. Потом такси поехало, и он скрылся из виду.

В полной растерянности я взглянула на Хосе, обернувшегося ко мне с переднего сиденья.

– Все в порядке? – спросил он.

– Вообще-то нет, ты же знаешь. Этот Старейшина, ну, которого мы только что видели, – может, он с Гастоном заодно? – Мне стало худо при мысли, что ряженный клошар, вероятно, один из злодеев. Наверное, стоило держать язык за зубами, а не вываливать ему тут же все, что знала.

– Нет, конечно, нет, – сказал Хосе.

Мне полегчало. Обошлось!

– Выходит, ты с ним не знаком? – спросила я.

– С кем?

– Ну, с тем клошаром на мосту.

– Нет. Не могу же я знать всех на свете, – в его голосе слышалась легкая ирония. – Пусть даже вы с Себастьяно и считаете меня всезнающим – знаю я далеко не все. Напротив, иногда события обрушиваются внезапно, и я оказываюсь к ним совершенно не подготовлен, точно так же, как и вы.

Только сейчас я заметила, какой он уставший. С повязкой на глазу, необычайно худой, он и раньше казался списанным на берег древним пиратом, а теперь выглядел еще более истощенным, чем всегда.

– Так что же случилось? – стала расспрашивать я. – Где ты был все это время?

– Это долгая история, – бросив взгляд на водителя, он прибавил: – Я тебе потом расскажу.

– А куда мы едем?

– В Булонский лес.

Ага. Значит, мы воспользуемся порталом в лесу.

– Тогда нам придется долго идти пешком, – сообщила я к его сведению. – Это так, для информации. Ты выглядишь довольно... замученным. И будет темно.

– Не волнуйся, я уж как-нибудь справлюсь.

Оставалось не проясненным, справлюсь ли я. Долгая прогулка по старому Парижу постепенно давала о себе знать, я бы с удовольствием еще немного отдохнула перед следующим марш-броском. Но поездка быстро подошла к концу. По дороге мне все-таки удалось быстренько щелкнуть сияющую огнями Эйфелеву башню и отослать снимок Ванессе.

«С любовью (!) из Парижа», – приписала я под ним.

Такси привезло нас в западную часть города. Если раньше Булонский лес располагался за городской чертой, то в наши дни он стал частью Парижа, пронизанный широкими аллеями, где всегда кипела жизнь. Во всех своих проявлениях.

– Пакостное местечко, – сказал водитель по-английски. Что он имел в виду, понять было нетрудно. Вдоль обочины на более или менее одинаковом расстоянии друг от друга стояли женщины в суперкоротких юбках, несмотря на довольно прохладную погоду. Вероятно, здесь проходила местная «миля греха».

Мы вышли из такси, и к нам направился тип в кожаной куртке, с волосами, щедро намаженными гелем. Остановившись прямо передо мной, он в упор уставился на меня. В поисках поддержки я оглянулась на Хосе, но он был занят тем, что расплачивался с таксистом и доставал из багажника дорожную сумку.

«Qu'est-ce que tu veux ici, ma petite?»^[12] Тип оглядел меня с головы до ног, словно оценивал, сколько денег я могу принести ему за ночь. Со смешанными чувствами я смотрела вслед отъезжавшему с шумом такси, спрашивая себя, не лучше ли нам было бы еще несколько часов подождать. Тогда здесь наверняка не было бы так многолюдно.

«Tu es très jolie»^[13]. Подойдя почти вплотную, тип протянул руку, чтобы схватить меня. На Хосе он не обращал никакого внимания. Секунду спустя выяснилось, что напрасно. Я еще не успела сообразить, уместны ли тут приемы самообороны, а Хосе как бы невзначай уже ухватил парня за затылок. Тот сразу же опустил руку и посмотрел на нас стеклянными глазами. «Excusez-moi»^[14], – пробормотал он, а затем развернулся и как-то вяло и неуклюже двинулся прочь.

– Было жутковато, – призналась я. – А что это за трюк в стиле мистера Спока?

– Хватка Спока лишает людей сознания, – сказал Хосе, очевидно хорошо знакомый с сериалом и вулканцами.

– Да с этим-то все ясно. Ты же понимаешь, что я имею в виду. Это то

же самое, что вы сделали со мной? Когда я была маленькой и Эсперанца дотронулась до моего затылка. У меня еще от этого появился зуд.

– Нет, это вовсе не то же самое.

– Но это же ментальная манипуляция, я все видела, – настаивала я. – Как вы с Эсперанцей такие штуки проделываете? Этому можно научиться? Или эти способности какие-то... внеземные?

– Ты хочешь сказать, такие же, как у вулканцев? – ответил он вопросом на вопрос.

– Именно.

– Нет.

Я ждала дальнейших объяснений, но напрасно. Он полез с дорожной сумкой в кусты, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Он был одноглазым и очень старым, но в темноте видел, казалось, не хуже кошки, потому что ни разу не споткнулся.

– Я еще вот что хочу понять, – сказала я, пробираясь за ним почти на ощупь и постоянно получая ветками по лицу. – Почему маска выбросила меня на мосту, а не здесь, в лесу, как в тот раз?

– Потому что ты так хотела. Маска переносит путешественника во времени туда, куда он сам пожелает.

Я немного поразмыслила над его словами. Я оказалась в лесу, потому что непременно хотела вернуться к Себастьяно, – и маска доставила меня к нему, а его самого туда выбросило, поскольку из-за невыполненного задания путь в будущее для него закрыт. Вероятно, портал в лесу был для него самым безопасным. А сегодня утром меня выкинуло на мосту, потому что, навсегда погружаясь в нирвану, я представляла себе, что стою там, наверху. И все-таки оставалось непонятным, почему на этот раз мне удалось перейти в будущее, хотя свое задание в прошлом я пока не выполнила. Может, при переходе во времени с помощью маски действовали какие-то другие законы, не такие, как у остальных порталов?

Этот вопрос – а также несколько других неувязок – я непременно собиралась прояснить, но сейчас важнее было другое.

– Ты хотел мне рассказать, где все это время был и почему Себастьяно получил это задание.

– Я был в 1620 году.

– В 1620-м? Еще на пять лет раньше? А там-то ты что делал?

В следующую секунду я полетела, споткнувшись о корень какого-то дерева.

– Тут слишком темно, – пожаловалась я. – Ничего не вижу.

Он достал карманный фонарик и отдал его мне.

– Держи. Он тебе все равно понадобится. Тебе еще нужно переодеться. Вытащив из дорожной сумки что-то похожее на вещевой мешок, он протянул его мне.

– Там все, что нужно. Поторопись. Я жду тебя напротив.

Он вытянул руку, показывая на скалу, которую я тут же узнала. В луче карманного фонарика она выростала перед нами из земли, как гигантский, необычной формы кулак – ворота, через которые мы сейчас отправимся в прошлое.

* * *

Я быстро переодевалась за деревом. Выбор одежды доказывал, что Хосе давно набил руку в этом деле, он действительно ничего не забыл: нижнее платье, хлопчатобумажное верхнее платье, чулки, накидку с капюшоном – даже про удобную обувь подумал, которая к тому же идеально подходила по размеру и, как и все остальное, годилась для перехода во времени.

Переодевшись, я вышла из своего укрытия. Хосе тоже уже оделся в соответствии с эпохой. Свои собственные вещи вместе с сумкой, мобильным телефоном и прочим барахлом я запихнула в освободившийся мешок. Лишь кожаный мешочек с маской и оставшимися золотыми монетами прихватила с собой. Непонятно было только, куда деть мешок с одеждой.

К моему глубочайшему удивлению, Хосе вырыл рядом со скалой яму неизвестно откуда взявшейся у него складной лопаткой. Я опустила мешок туда, где уже лежала его дорожная сумка.

– Что там у тебя? – спросила я.

– Сменная одежда для нас с Себастьяно. Если все получится, завтра ночью мы отсюда перейдем назад.

Его слова произвели на меня сильное впечатление. С точки зрения логистики пока все складывалось безупречно, что явно было хорошим знаком. У меня снова появилась надежда на удачный исход всего предприятия.

– Ты еще хотел рассказать, зачем тебе пришлось отправиться в 1620 год, – повторила я свой недавний вопрос. – И зачем вообще понадобилась наше участие?

По его лицу я заметила, что на самом деле рассказывать ему очень не хотелось, но, очевидно, он понимал, что я имею право знать всю подоплеку.

Вздыхнув, он стал делиться информацией.

– В Париже произошли беспорядки, мы заметили разные проблемы.

– В зеркале, да?

Этот вопрос он оставил без пояснений, вероятно, посчитал слишком глупым или маловажным.

– Срочно требовалось вмешаться, но местный Страж времени произвел на нас впечатление человека слишком ненадежного, тогда мы срочно приказали явиться Себастьяно, чтобы он взял это дело на себя.

– А «мы» – это кто? Вы с Эсперанцей? Или кто-нибудь еще?

На этот вопрос прямого ответа тоже не последовало, он просто продолжил рассказывать, словно я ничего и не спрашивала.

– При внедрении что-то пошло не так, и Себастьяно там завис. В обычной ситуации я бы сам обо всем позаботился, но был не в состоянии, поэтому послал к нему тебя.

– Секунду, все было немного иначе. Ты сначала послал меня к Гастону. При том, что уже знал, какая он подлая скотина!

– Это не так.

– Но ты же сам только что сказал, что вы знали!

– Я сказал, что мы сочли его ненадежным. Ненадежным в смысле – некомпетентным. О том, что он беззастенчивый хапуга и склонен к насилию, мы понятия не имели.

– А как же его взяли на эту работу, если он ни на что не годен?

– Не все Стражи времени на сто процентов идеальные профессионалы. Среди них, к сожалению, попадаются довольно никудышные.

Не на меня ли он намекает? Я взглянула на него с подозрением, но в свете фонарика выражение его единственного глаза было не разобрать. Иногда я совершенно не понимала этого человека. Если он вообще человек, а не какой-то человекоподобный мутант из другой вселенной.

– Ладно, – сказала я. – А еще мне бы очень хотелось знать, что должен был уладить Себастьяно.

– Спасти кому-то жизнь.

– О, – мне поплохело. Все очень серьезно! Теперь понятно, почему ему не удавалось возвратиться. Задание еще только предстояло выполнить. – А кому? Королеве?

– К сожалению, об этом зеркало не поведало.

– А мне как быть? Мне тоже нужно кого-то спасти? Или зеркало и этого не показало?

– Нет, как раз тут знаки истолковать довольно легко. Ты должна позаботиться о том, чтобы бриллианты вернулись к королеве.

– Да, да, да-а-а-а, – завопила я, победно выбрасывая вверх руку со сжатым кулаком. Мне доставило настоящее удовольствие увидеть, как Хосе вздрогнул. – Я знала, – ликуя, продолжала я уже не так громко. – Я все это время знала! – Но потом добавила: – Ладно, я была не совсем уверена. Но почти. – И в это мгновение до меня дошло, что никаких поводов радоваться нет. Лицо у меня вытянулось. – Бриллианты у Гастона. Его наверняка уже и след простыл.

– Нет, он еще там, и бриллианты тоже. И пусть они пока остаются у него, ведь это прекрасный отвлекающий маневр, чтобы противник чувствовал себя в полной безопасности. Поэтому мы даже пытаться не будем их вернуть.

– Не понимаю. Если бриллиантов у нас не будет, мы не сможем передать их королеве.

– Заблуждаешься.

– Почему?

– Я объясню тебе сразу после перехода. И более того – я тебе покажу. Мы уже слишком долго тут стоим, – он нетерпеливо показал на скалу. – Вперед?

Я судорожно сглотнула. Момент настал. Я возвращаюсь к Себастьяно.

Сделав глубокий вздох, я встала рядом с Хосе, а он положил руку на камень, открывая портал. Нас охватило кольцом мерцающего белого света. Быстро появилась вибрация, а следом и холод. Я закрыла глаза и заткнула уши, но взрыв раздался такой же оглушительный, как всегда. Разорвав время, он швырнул меня сквозь столетия. Все вокруг померкло.

День восьмой

На этот раз головная боль была терпимой, потому что перед переходом во времени я предусмотрительно приняла еще одну таблетку обезболивающего. Очнувшись, я нашла себя лежащей рядом с камнем. Надо мной нависал Хосе. Как и в прошлый раз, когда меня здесь выбросило, уже серел рассвет. По крайней мере нам не придется шагать в ночи. И не под дождем, потому что погода стояла сухая, если не считать нескольких капель росы, упавших на меня с веток.

Вытерев их, я встала на ноги и отряхнула накидку.

– А какой сегодня день? То есть я хотела спросить, когда Гастон сбросил меня с моста?

– Позапрошлой ночью.

В очередной раз я спросила себя, почему нельзя просто прибыть на несколько дней раньше, чтобы предотвратить столь неприятный поворот событий еще до того, как все случится. Уж очень мне хотелось предупредить прежнюю себя о Гастоне. И при первой же возможности устроить так, чтобы он подавился своими паштетиками.

Но система, к сожалению, так не работала. Она не допускала встречи с самим собой, ведь это был бы парадокс. Я даже приблизительно не представляла себе, что там кроется за этими парадоксами, но была полна решимости работать над этим, пусть даже и поклялась после окончания школы больше не иметь ничего общего с физикой.

– Ты хотел мне что-то показать, – сказала я Хосе.

Он залез в карман куртки и достал оттуда маленькую шкатулку. С едва заметной улыбкой он раскрыл ее.

Я потрясенно ахнула, увидев искрящееся кольцо.

– Ты отнял его у Гастона!

– Нет, это дубликат.

– Подделка?

– Нет, разумеется, кольцо настоящее. Второе кольцо, идентичное первому. Изготовил их один и тот же ювелир. И даже в одно и то же время.

– Поэтому ты и отправился в 1620 год! Ты заказал кольцо, чтобы мы сегодня взяли его с собой!

Он кивнул.

– И не только поэтому. Меня тяжело ранили, и требовалось подлечиться. Тут я мог убить сразу двух зайцев.

– И сколько времени ты там пробыл?

– Три месяца.

Я пришла в ужас. Для меня с момента нашего телефонного разговора только неделя проскочила, а он четверть года в прошлом провел!

– А что с тобой случилось?

– Подрался, – коротко сказал он.

– С кем-то из Старейшин? – Мне становилось все страшнее. – Не с Якопо? Неужели он опять объявился?

– Нет, с другим.

Тем самым он открыл главу, в которой, на мой взгляд, было слишком мало знакомых страниц. На эту тему Хосе практически никогда с нами не говорил, а уж Эсперанца и подавно. Очевидно, Старейшин было несколько, мы с Себастьяно пока так и не выяснили, сколько всего и где они обитают. Но одно мы уже знали наверняка – друзьями они не были. Напротив, некоторые, казалось, находились друг с другом в очень напряженных отношениях. Как когда-то боги на Олимпе, у тех тоже постоянно возникали какие-то распри.

Старики заглядывали в свои зеркала, следили за событиями в прошлом и будущем, взвешивали реальное и возможное, а затем определяли повестку дня. И складывалось ощущение, что по организационным вопросам они не всегда сходились во мнении.

Мы молча отправились в путь. Хосе шел впереди. Я следовала за ним – и вдруг остановилась как вкопанная. Откуда-то доносились звуки боя на шпагах: задорный звон сходящихся клинков, тяжелое дыхание и стоны сражающихся противников.

– Дуэлянты, – тихо сказал Хосе. Тут же раздался вскрик, и шум затих.

Осторожно подкравшись ближе, в тусклом утреннем свете мы увидели карету на краю леса. Рядом с ней трое элегантно одетых мужчин склонились над четвертым, лежавшим на земле без движения.

– Он мертв? – спросил один из них с дрожью в голосе.

– Боюсь, что да, – ответил второй. Его голос звучал потрясенно.

– Вы жаждали сатисфакции, Бутевиль, – вы ее получили, – сказал первый. Он с осуждением взглянул на третьего человека с окровавленной шпагой в руке.

– Так и есть, – хладнокровно промолвил тот, вытирая шпагу пучком травы и, по-видимому, думая, что это в порядке вещей. – Полагаю, вы позаботитесь обо всем остальном и сообщите супруге де Порте?

– Разумеется, – официальным тоном откликнулся один из мужчин. – В конце концов, мы его секунданты. Хотя для нее это будет ударом, они всего

месяц как женаты. – Он опустил голову. – Прямо не знаю, как ей и сказать!

– А все потому, что не надо было де Порте называть меня напыщенным шутком.

Я была чуть жива от страха. Всегда считала эти дуэли на рассвете ужасным клише. Подходящей выдумкой для фильмов или романов вроде «Трех мушкетеров». Или вымышленной приманкой для туристов, изучающих в путеводителе, перед тем как отправиться на прогулку в Булонский лес, что же там такое происходило. Но, судя по всему, эти байки о типах, из-за малейшей насмешки жестоко расправлявшихся друг с другом, – чистая правда.

Подойдя к своей лошади, привязанной неподалеку, победивший дуэлянт вскочил в седло. Бросив последний высокомерный взгляд на оставшихся, он поскакал прочь.

– Что делать будем? – спросил один секундант другого.

– Ты же знаешь, что мы не можем привезти де Порте в город, ведь он кузен кардинала. Нам придется отправиться в заключение за то, что не воспрепятствовали дуэли. Этому делу нельзя давать огласку. Пусть он для всех просто исчезнет, и его карета тоже.

– На него могли напасть грабители, – согласился с ним другой. – А нас здесь и не было вовсе.

– Тогда нам придется оставить карету де Порте и вернуться в город пешком.

– Так тому и быть! Но сначала нам нужно похоронить беднягу.

Они потащили убитого в лес, и Хосе подал мне знак.

– Но мы же не можем...

– Ты разве не слышала? Карета теперь, так сказать, бесхозная. Может, я даже верну ее бедной вдове достойного скорби де Порте, если мне удастся узнать ее адрес. Она наверняка захочет знать, что случилось на самом деле. А в карете мы доберемся до города гораздо быстрее, что нам только на руку. Ну, давай садись уже, теперь каждый час на счету.

Он тут же взобрался на козлы и взял в руки поводья. Преодолев внутреннее сопротивление, я села в карету. Хосе хлестнул лошадей. Они послушно затрусили вперед, и мы быстро покатали в сторону города.

Секунданты выбежали из леса, вопя нам вслед самые страшные ругательства, но Хосе лишь спокойно подстегнул лошадей, так что мы помчались еще быстрее.

Мне вся эта история не нравилась, казалось бестактным воспользоваться каретой мертвого человека. Но вообще-то Хосе прав, карету полагалось вернуть вдове. В эту эпоху такой экипаж вместе с

лошадьми спокойно мог стоять столько же, сколько в двадцать первом веке автомобиль С-класса.

Я постаралась расслабиться и выключить сверлившие мозг мысли. Глухой стук колес действовал усыпляюще. Я не успела оглянуться, как отключилась, а когда проснулась, мы уже подъезжали к городской стене. По правую руку находился дворец Тюильри с ухоженным парком, а слева простирались поля, пастбища и огороженные выгоны для лошадей. На невысоком пригорке, треща, крутились две ветряные мельницы, тут и там можно было видеть монахов за работой. Вдоль дороги, ведущей к городским воротам, один за другим выстроились монастыри, чья сельская простота служила разительным контрастом роскошному фасаду дворца.

Карета, въехав в ворота Сент-Оноре, двигалась дальше через весь город по направлению к Бастилии и остановилась на площади Плас Рояль. Хосе, отворив дверцу, вручил мне шкатулку.

Я разглядывала бархатную коробочку.

– Ты считаешь, мне стоит действовать по-прежнему? А как мне объяснить Мари, где я была все это время?

– Что-нибудь придумаешь.

– А чем будешь заниматься ты?

– Искать Себастьяно.

– А потом? Ты приведешь его сюда? Или мы где-нибудь встретимся?

– Мы встретимся. Но не где-нибудь, а в Лувре.

– А почему там?

– Потому что там будет бал.

Ой-ой, ведь он уже сегодня! Смелость в одночасье покинула меня. Только что все представлялось довольно простым: мне нужно было сделать так, чтобы королева получила бриллианты, а Себастьяно предстояло спасти жизнь – кому бы то ни было. После этого все будет в ажуре, и мы сможем наконец вернуться домой. Но на самом деле в любой момент все могло сорваться. Особенно при спасении жизни. В первом же путешествии во времени я на собственном опыте убедилась, чем может закончиться такое спасение.

Тем не менее первым и самым важным шагом было вернуть Себастьяно память. Тогда и все остальное как-нибудь уладится, в этом я абсолютно не сомневалась. Объединив усилия, мы станем непобедимой командой и справимся со своей работой. Стопроцентно.

– Прекратила бы ты разговаривать сама с собой, – предложил Хосе.

– Ладно, – вздохнула я.

Он протянул мне руку.

– К тому же тебе выходить. Мы приехали.

– Конечно. – Опершись на его руку, я вышла из кареты. – Ты уверен, что сможешь вернуть Себастьяно память? – в сомнении спросила я.

– Да, – спокойно сказал он, опять забираясь на козлы.

Коротко и ясно. Мне тут же стало легче. Пусть этого ощущения и хватило всего секунды на три.

– Ну, до вечера, – подавленно попрощалась я.

– До вечера, – он щелкнул кнутом, и обе лошади размеренно тронулись с места. Я смотрела вслед уезжавшей карете, пока она не завернула за угол и не скрылась из виду. Внезапно меня охватило какое-то нехорошее чувство. Такое, словно из-за угла сейчас появится Мерфи со своим законом и перечеркнет все мои планы.

Но из-за угла появился кое-кто другой. Или, точнее, он вышел из дома на противоположной стороне площади. Шкатулка чуть не выпала у меня из рук. Это был Себастьяно. Широкими шагами он направился в сторону отходившей от площади улицы. Вот черт, они разминулись с Хосе буквально на пару секунд! Но зато я еще здесь. Счастье пронзило меня, казалось, я не видела его несколько столетий. В определенном смысле так оно и было.

Я так обрадовалась, увидев Себастьяно, что подняла обе руки и стала махать ему как сумасшедшая.

– Эй! Я здесь!

Он замер и медленно развернулся в мою сторону. И остался стоять с опущенными руками, словно кто-то открыл клапан и выпустил из него весь воздух. Но через мгновение он уже мчался мне навстречу.

– Анна, – крикнул он не менее громко, чем позавчера вечером на мосту. А затем бросился ко мне. Шпага у него на боку болталась и била по ногам, но ему это, казалось, ни капли не мешало. Я побежала навстречу, и мы встретились посередине площади. К моему безграничному удивлению, я увидела в его глазах слезы. В нем шла какая-то внутренняя работа, и выглядел он совершенно потрясенным.

Я бросилась в его объятия, сама не своя от счастья, а он подхватил меня и закружил, так что ноги мои повисли над землей.

– Бог мой, ты жива! – он прижал меня к груди и, зарывшись лицом в мои волосы, глубоко вдохнул. Затем он вернул меня на землю и пристально взглянул в лицо.

– Ты не умерла!

И у меня слезы навернулись на глаза. То ли смеясь, то ли плача, я покачала головой.

– Нет, не умерла! – Я обвила его руками и быстро поцеловала, мне было совершенно наплевать, кто там на нас смотрит. Он все вспомнил! Сияющими глазами я глядела на него, затаив дыхание от восторга.

Он взял мое лицо в ладони, словно хотел удостовериться, что я настоящая. Черты его стремительно омрачились, в глазах я уловила боль.

– Я прыгнул в воду и все нырял, надеясь найти тебя, снова и снова.

– Какой ты хороший, – растроганно сказала я.

Он погладил мои волосы и нежно поцеловал меня. По телу пробежала сладостная дрожь.

– Я пережил самые ужасные минуты в своей жизни, – тихо сказал он. – Ты пропала. Исчезла без следа. И как же тебе удалось спастись?

– Ну, я же перешла.

Он наморщил лоб.

– Что значит – перешла?

Я напряженно всматривалась в него. О нет! Он так ничего и не вспомнил! Я слишком рано обрадовалась. В горле застрял ком. Ну, естественно, было бы слишком хорошо, если бы все уладилось само собой.

Но чувства Себастьяно испытывал самые настоящие! Он подумал, что я утонула, и совершенно отчаялся. Он любит меня, и не важно, в чем там он пытался меня убедить при нашей последней встрече. Ага, тактика, как же! Мы – одно целое, и он это прекрасно понимает, с памятью или без.

– Что значит – перешла? – повторил он.

– Э-э-э... я так сказала? Конечно, я хотела сказать – уплыла. А сначала меня несло течением. Далеко-далеко. Пока у меня наконец не появились силы выбраться на берег, – я загребала руками, показывая, как это делала. В довершение я быстренько приукрасила историю, чтобы сходились концы с концами: – На берегу меня, почти захлебнувшуюся, подобрала одна крестьянка и взяла в свою хижину. Там я, совершенно без сил, лежала на мешке с соломой и приходила в себя до тех пор, пока этим утром не смогла встать на ноги.

Я могла бы навдумывать и побольше, но Себастьяно, видимо, вовсе не нуждался в таких подробностях. Обняв меня за плечи, он очень серьезно сказал:

– Анна, я безгранично счастлив, что ты осталась жива. Притворяться бессмысленно. Ты очень много для меня значишь.

– Знаю, – я нежно погладила его по щеке. – Ты для меня тоже.

– Тем более важно, чтобы ты наконец опомнилась.

– Как это – опомнилась?

– Прекрати делать то, что делала до сих пор.

Что такое? Я пропустила в нашем разговоре что-то важное?

– И что же такое я, по-твоему, делала?

– Ты вступила в сговор не с теми людьми. По недомыслию ты оказалась втянутой в отношения, которые могут привести тебя к гибели! Шпионаж и интриги! Коварные происки против закона и порядка в стране!

– О, – сказала я. – Ну что ж. Об этом в любом случае можно было бы более подробно... – я осеклась. Спорить с ним не имело никакого смысла. Ведь он не поверит мне. Ему не просто стерли память, но и настолько промыли мозги, что он свято верил в непогрешимость Ришелье. Кардинал был в его глазах мерилом всего.

– Вовлеченность в эту историю чуть не стоила тебе жизни, – продолжал он. – Мерзавец уже скрылся, когда я подошел к тому месту, где он сбросил тебя с моста. Но не волнуйся, я его из-под земли достану, и тогда он еще пожалеет, что родился. Этот толстопуз познакомится не только со мной, но и с моей шпагой!

Эти слова пролили бальзам на мою душу. Я с благодарностью взглянула на него.

– И ты готов сделать это ради меня?

– Ради тебя я готов на все, если только ты признаешь, что до сих пор принимала не ту сторону.

– Я признаю, – миролюбиво сказала я. По крайней мере в отношении Гастона это было чистой правдой. Я больше не желала иметь с ним никаких дел, разве что он еще должен ответить за попытку меня убить. Что же касается Мари и королевы, мою приверженность им еще некоторое время придется хранить в тайне. Как только к Себастьяно вернется память, он и сам поймет, что в этом задании по-настоящему важно.

– Мне известно, что ты знаешь этого толстяка, – сказал Себастьяно. – Назови мне его имя.

– Его зовут Гастон Леклер.

– Где этот малый живет? – осведомился Себастьяно воинственным тоном.

– У него комната на Рю дю Жур, но он наверняка уже скрылся оттуда.

– А откуда ты вообще знаешь это отродье?

– Он... родом из тех же мест, что и я. Но, по правде сказать, мы едва знакомы. Он притворился, что хочет мне помочь, а на самом деле просто хотел заполучить бр... хотел пожить. – Быстро сменив тему, я указала на дом, из которого Себастьяно только что вышел. – А что ты там делал?

– У меня было совещание с его высокопреосвященством.

Я вздрогнула.

– С Ришелье? Он, что, там живет?

– Конечно.

С тяжелым чувством я из-за плеча Себастьяно взглянула на дом. А вдруг Ришелье сейчас стоит у окна и наблюдает за нами? Дом находился довольно далеко, на другом конце действительно огромной площади. Но, может, у него есть подзорная труба. Интересно, их к этому времени уже изобрели? С такой трубой ему, разумеется, ничего не стоило отследить тайный уход и возвращение королевы.

– О чем ты думаешь? – поинтересовался Себастьяно.

– Да так, пустяки всякие.

– Для пустяков ты выглядишь слишком серьезной.

– Что ж, раз уж ты спросил... ты не думаешь, что кардинал может возражать, чтобы ты со мной... чтобы ты и я...

– У него есть определенные предубеждения на этот счет, – признал Себастьяно. – Но пока он не сомневается, что я это делаю, служа высшей цели, он не станет противиться тому, чтобы мы были вместе.

– Погоди, – я смотрела на него в замешательстве. – То есть ты представляешь ему все так, будто приносишь себя в жертву? Что ложишься со мной в постель ради *высшей цели*?

– Думаю, он догадывается, что жертва невелика.

Я злилась все сильнее.

– Точно так же, как если бы ты приударил за Мари, как он изначально и хотел.

Его взгляд похолодел.

– Ты подслушала тот разговор?

– А если и да, то что? – напустилась я на него.

– Так вот зачем ты облила вином камзол.

– Это вышло случайно.

По нему было не сказать, что он поверил.

– Тогда, видимо, и приглашение в театр было случайным. Или все же попыткой что-нибудь выпытать у меня и отвлечь от герцогини?

– Я хотела еще раз увидеть тебя!

В ответ он лишь иронически вздернул бровь. В крайнем возбуждении я осознала, что мы опять ссоримся. Но я сердилась не меньше, чем он, потому что ему приспичило упрекать меня именно сейчас!

– Ты судишь, пользуясь двойной моралью, – возмущенно возразила я. – Ты-то сам пошел со мной тоже не из одной только симпатии. А исключительно ради высшей цели!

Он вздохнул, черты его снова разгладились.

– Анна, тут мы уже были. В этом споре мы все время ходим по кругу. Ты же сама сказала, что между нами существует какая-то особая связь, нечто большее, чем обычное влечение. Я сперва не хотел этого признавать. Но теперь понял, что ты права. – Он взглянул на меня умоляющим взглядом. – Я влюбился в тебя, Анна. По уши, окончательно и бесповоротно.

Сердце мое растаяло. Я почувствовала, как из глаз брызнули слезы, хотела что-то сказать, но не смогла вымолвить ни слова. Губы дрожали, и, чтобы это скрыть, мне пришлось поджать их.

Он погладил мою руку.

– Причины, по которым мы договаривались о первом свидании... давай забудем об этом и начнем все сначала. Я поговорю с его высокопреосвященством и объясню ему, насколько у нас с тобой все серьезно.

Подняв взгляд, я искала в его глазах какие-нибудь приметы хитрости. Но видела только глубокую искреннюю привязанность.

Дрожа, я набрала побольше воздуха.

– А у тебя не будет неприятностей, если ты ему об этом скажешь?

– Нет, если я заверю его, что ты раз и навсегда порвала с кружком заговорщиков вокруг герцогини и королевы.

Тут я сочла уместным снова переменить тему.

– А почему ты позавчера вечером шел за мной? – поинтересовалась я.

– Я следил за тобой, – без обиняков признался он. – Любовника королевы видели, когда он закладывал колье. Следовательно, можно было ожидать, что королева будет искать средства и пути выкупить его, раз король повелел ей надеть эти бриллианты на сегодняшний бал. В результате забрать украшение поручили тебе, ошибочно полагая, что за тобой не будет слежки.

Я героически подавила гнев, ведь я прекрасно понимала, что у Ришелье этот номер прошел только благодаря тому, что Себастьяно выложил ему добытую у меня секретную информацию.

– Я не желал тебе зла, – продолжал он. – Слежку за тобой я взял на себя, потому что так мог защитить тебя от доноса об участии в заговоре. Мой план состоял в том, чтобы забрать у тебя украшение, а саму тебя отпустить целой и невредимой. Ришелье я бы потом рассказал, что ты отдала его мне добровольно.

– Какое благородство!

Он сделал вид, что не заметил моей иронии.

– На острове Сите я тебя, к сожалению, упустил. Моя

невнимательность чуть не стоила тебе жизни, потому что только из-за нее толстопуз смог напасть на тебя и ограбить. Но, подводя итог, можно сказать, что по крайней мере в одном это происшествие послужило во благо – бриллианты выведены из игры. Королева не сможет их надеть и будет разоблачена.

– Тебе непременно хочется, чтобы ее обезглавили, да? – вырвалось у меня.

– Анна, мы ведь не при дворе Генриха VIII. Ссылка – самое страшное, что ее ждет.

– Но ведь это нечестно! Она же никому ничего не сделала!

– Она прелюбодейка и наносит вред короне Франции.

– На самом деле кардиналу совершенно все равно! Он просто хочет избавиться от нее, чтобы усилить собственную власть. И королю нисколько не мешает, что она любит другого. Этот брак не имеет для него никакого значения, к тому же у него тоже есть дружок.

Себастьяно смотрел на меня, не отрываясь. В глазах его что-то вспыхнуло, на секунду мне показалось, что это легкая растерянность. Так, словно в нем где-то глубоко что-то шевельнулось, может даже, растревоженные воспоминания. Но затем он покачал головой.

– Ты несешь чушь, Анна. Кроме того, мы с тобой об этом уже говорили, и ни к чему это не привело. А я-то подумал было, что ты все осознала и сожалеешь о содеянном. – Глаза его сузились. – Что ты прячешь за спиной?

– Ничего, – заверила я.

Все это время я держала шкатулку в руке, чего он до сих пор не замечал. Я и сама совершенно забыла про нее в безумной радости от встречи с ним. Лишь когда в первый раз прозвучало слово «бриллианты», я незаметно заложила руку за спину.

– Покажи мне руку.

Я вытащила ее из-за спины. Но только после того, как переложила шкатулку в другую руку, которая по чистой случайности тоже оказалась за спиной. Казалось, я играю в какую-то дурацкую детсадовскую игру. Было понятно, что Себастьяно в этой игре не участвует, и, будучи человеком дела, он закончил всю бодягу, обхватив меня обеими руками и отобрав шкатулку.

Раскрыв ее, он с окаменевшим лицом рассматривал колье.

– Прошу тебя, – вскрикнула я. – Пойми правильно! Я не врал тебе! Честно, не врал! – умоляющим тоном я проговорила: – Ты не можешь забрать его! Отдай!

Захлопнув шкатулку, он взглянул на меня. В одночасье его лицо страшно побледнело.

– Уйди с моих глаз. Иначе я буду вынужден задержать тебя и препроводить в тюрьму. И поверь, это не пустые угрозы.

Я была настолько потрясена, что не произнесла ни звука. Я в ужасе отшатнулась, а Себастьяно засунул шкатулку в карман и, развернувшись на каблуках, направился прямо к дому кардинала.

* * *

Я потратила около двух-трех драгоценных минут на то, чтобы, стоя на площади, порыдать и со страшной силой себя пожалеть. Затем я собралась с духом и рванула прочь. Нужно было немедленно найти Хосе! Он все уладит! Как-нибудь он сможет помочь Себастьяно все вспомнить, и тот вернет колье. А если он уже отдал его кардиналу, пусть заберет обратно, не важно как.

Боже, как же все запуталось! И только по моей вине. Почему я не сделала самого простого, перед тем как, будто свихнувшаяся на почве любви, броситься в объятия Себастьяно? Например, я могла бы просто запихнуть колье в мой кожаный мешочек. Тогда шкатулка была бы пуста, и все прошло бы наилучшим образом.

Носясь по городу в поисках кареты, я поняла, что снова теряю время. Хосе мог за это время поехать куда угодно, но, скорее всего, туда, где Себастьяно квартировал. Как назло, я понятия не имела, где это, в отличие от Хосе, который, видимо, знал. Я просто не подумала спросить Себастьяно, хотя несколько раз такая возможность представлялась. Еще одна оплошность на моей совести.

Запыхавшись от бега, я остановилась на Плас де Грев недалеко от песчаного берега реки, чтобы поддержать за больной бок, – и тут же пришлось отскочить в сторону, потому что я встала посреди дороги, по которой в этот момент катили огромную винную бочку.

– Смотрите, остолопы, куда катите, – прорычал надсмотрщик. Два работника, транспортировавшие бочку к телеге, потели и ругались, а один из них попытался, проходя мимо, дать мне пинка. Вероятно, ему нужно было выместить на ком-то свою злость, и под руку попала я.

– Как же можно женщин пинать, Филипп! – крикнул, ослабившись, его напарник.

Филипп, Филипп! Вот решение проблемы! Тяжело дыша и хватая ртом

воздух, я помчалась дальше. Филипп знает, где живет Себастьяно, ведь он относил ему послания Гастона! Он скажет мне адрес, и я молнией полечу туда. Хосе наверняка ждет там, и я все ему расскажу.

А вдруг он рассердится на меня?

Нет, он с большим пониманием отнесется к твоей никчемности, – съехидничал мой внутренний голос. Не все Стражи времени на сто процентов идеальные профессионалы. Среди них, к сожалению, попадаются довольно никудышные.

И одна из таких, несомненно, я. Каким-то непостижимым образом мне удавалось раз за разом все портить. Или ни на шаг не продвигаться вперед в реализации собственных гениальных идей. Например, сейчас, когда я из последних сил добралась до портняжной мастерской и отец Филиппа сообщил мне, что сына, к сожалению, опять нет дома.

– А вы, случайно, не знаете, где его найти? – с трудом переводя дух, спросила я.

– Он хотел посмотреть репетицию в театре.

– Спасибо! – прокричала я уже на бегу.

– Как вам нравится платье? – крикнул он мне вдогонку.

– Герцогиня мне его еще не показала!

Господи, о Мари-то я вообще не подумала. Она наверняка давно с ума сходит от беспокойства, ведь меня нет уже второй день. Мне следовало до этого хотя бы на секунду заскочить к ней, чтобы сказать, что со мной все в порядке.

Но тогда бы я потеряла еще больше времени. А кроме того, мне пришлось бы объяснять ей, что случилось с бриллиантами.

Через две улицы я начала задыхаться. Мучась от боли в боку, я поняла, что гораздо быстрее будет нанять экипаж. Для чего же тогда еще нужен мой неприкосновенный запас? Он без потерь пережил все переходы во времени и прочие приключения. Теперь настал момент им воспользоваться. Пыхтя, я вскарабкалась в первую попавшуюся наемную карету, легкий экипаж, запряженный одной лошадью, как тот, на котором мы с Себастьяно ехали в театр. По пути к «Отель де Бургонь» я попыталась собраться с мыслями и разработать несколько запасных вариантов, на случай, если Филиппа там не окажется. Например, я могла бы с оружием в руках (для этого можно позаимствовать саблю у деда Анри) принудить кардинала отдать мне кольцо. Или разжечь костер в бальном зале Лувра, тогда пришлось бы всех из дворца вывести, а сам праздник перенести.

Но все это, конечно, бред. Я снова расплакалась и утопала в слезах, когда карета остановилась у театра.

– Вам плохо, мадемуазель? – спросил кучер.

– Нет, – в ответ прорыдала я. – Думаю, я попала не в тот фильм. Как обычно, на выходе прозвучало *«костюмированное действо»*, и кучер взглянул на меня с сомнением.

– Может, отвезти вас в другой театр?

– Нет, все хорошо. Подождите меня здесь.

Входя в зрительный зал, я все еще ревела, но, несмотря на застилавшие глаза слезы, сразу увидела Филиппа и Сесиль, которые бурно обнимались, сидя в первом ряду. Я дала знать о своем присутствии, и они резко отпрянули друг от друга.

– Анна! Ты жива! – Филипп, вскочив, бросился ко мне по центральному проходу между скамейками. Он осторожно погладил меня по щеке, словно не верил, что я здесь, рядом с ним. – А мы думали, ты утонула!

Я шмыгнула носом.

– И откуда вы знаете?

– Твой мушкетер зашел вчера к Мари де Шеврез и сообщил ей эту печальную новость. Герцогиня сразу же послала сообщение Сесиль, а от нее и я об этом узнал, – он, сияя, смотрел на меня. – Но, видимо, вышло какое-то недоразумение. Ты даже не представляешь, как я рад!

От его радости мне стало легче. Поколебавшись, я улыбнулась в ответ и вытерла слезы. К нам подошла Сесиль. Ее светлые волосы торчали в разные стороны, а на шее виднелся засос. В наброшенной на прозрачное платьишко нимфы тоге она разглядывала меня, вытаращив глаза.

– Да ты вовсе и не утонула!

– Нет, мне удалось выплыть на берег.

– А как ты вообще оказалась в воде?

Я глубоко вздохнула.

– Гастон бросил. Хотел меня убить.

– Что? – в один голос воскликнули Филипп и Сесиль.

– Как такое могло случиться? – спросил Филипп в полной растерянности. – Зачем он это сделал?

– Он хотел заполучить бриллианты королевы. Они случайно были у меня с собой, и он их украл.

– У тебя случайно были с собой бриллианты королевы? – эхом недоверчиво откликнулась Сесиль.

– Ну, не то чтобы совсем случайно. Она кому-то передала кольцо, а потом оно ей срочно понадобилось. И тогда она попросила герцогиню забрать его. Но у герцогини не было возможности, и за бриллиантами

пошла я. Гастон об этом пронюхал и напал на меня по дороге.

Оба смотрели на меня скептически. Они мне явно не верили. Особенно странным был взгляд у Сесиль.

– Признайся, ведь ты шпионишь для Ришелье, – вдруг сказала она.

– Что? – Я была так ошарашена, что только рассмеялась, ведь абсурднее упрека и придумать нельзя. – Да я этого человека ненавижу! Никогда и ни за что не стала бы работать на него! – Я взглянула на нее с вызовом. – На самом деле это ты иногда казалась мне его шпионкой.

Она уставилась на меня.

– Ты спятила.

– Эй, вы, а ну-ка перестаньте! – Филипп в нетерпении покачал головой. – И что тебе от нас нужно, Анна?

– Первым делом мне нужно знать, где живет Себастьяно.

Этим вопросом я, видимо, только укрепила недоверчивость Сесиль.

– Филипп, она намеренно прикидывается дурачком. У нее с этим мушкетером любовь, она и без всяких вопросов прекрасно знает, где он квартирует.

– Но я действительно не знаю! – в отчаянии крикнула я. – Я специально из-за этого сюда и пришла! Филипп, прошу тебя, скажи!

– На Рю Сен-Мишель, над лавкой зеленщика.

Господибожемой! Теперь я вспомнила. Ведь месье Мирабо называл адрес, просто от волнения у меня это совершенно выпало из головы. Я со стоном сжала виски. Если я хочу хоть что-нибудь исправить, нужно сконцентрироваться. Вообще-то есть еще и другая возможность (пусть и крохотная), о которой я прежде не подумала. Но тогда мне следует рассказать Филиппу и Сесиль хотя бы малую толику правды.

– Сегодня вечером во время маскарада кардинал собирается опозорить королеву, – объяснила я. – Король потребовал, чтобы она надела бриллиантовое кольцо. Но она не может, потому что украшение у Гастона.

– А почему для королевы было бы позором не надеть кольцо? – растягивая слова, поинтересовалась Сесиль.

Я поняла, что пора перестать изворачиваться, здесь поможет только чистая правда. Без их поддержки мне не справиться. Значит, я должна выложить самое важное.

– Кардинал сообщил королю, что она подарила бриллианты своему любовнику. Он затеял эту интригу, чтобы на балу покончить с королевой.

О том, что Ришелье удалось повернуть это лишь благодаря моей грубейшей оплошности, я предпочла умолчать.

Сесиль присвистнула.

– Ну и дела!

Филипп вскипел от возмущения:

– Какая подлость!

А я без всякого перехода продолжила:

– А все только потому, что она следует велению сердца, вместо того чтобы тихо страдать себе в браке, заключенном исключительно по расчету.

Филипп решительно кивнул, да и Сесиль выглядела так, словно эти аргументы показались ей достаточно убедительными. Я заметила, что они оба уже практически на моей стороне, и подлила еще немного масла в огонь.

– Ришелье королеву никогда терпеть не мог. Он хочет от нее избавиться.

– Это правда, – задумчиво сказала Сесиль. – И ему представилась для этого отличная возможность.

– Именно этого герцогиня и пыталась не допустить, – объяснила я. – Но теперь бриллианты у Гастона, и он скроется с ними, если мы ему не помешаем.

– Хм, он совсем не производит впечатления человека, собравшегося сбежать, – сказал Филипп. – Я встретил его всего час назад. Он упоминал, что сегодня вечером идет на бал. Если быть точным, он сказал, что хочет своими глазами увидеть результат своих усилий.

Сесиль наморщила лоб.

– Может, он забрал колье по заданию кардинала?

– Нет, – сказала я. – Он хотел оставить его себе. Перед тем как меня убить, он об этом недвусмысленно сообщил. С его помощью он собирается устроить себе сладкую жизнь. В общем, колье все еще у него.

– А в придачу он прихватит позор и унижение бедной королевы! – Щеки Филиппа покраснели от гнева. – При этом его собственная жадность не знает границ. Он мне должен, но уверяет, что расплатиться ему сейчас нечем.

– Поистине отвратительно, – прокомментировала Сесиль. Она посмотрела на меня. – Чем мы можем тебе помочь?

Я медленно выдохнула. Теперь пришло время разработать новый план.

* * *

После того как мы все подробно обсудили, я дала Филиппу и Сесиль часть моего неприкосновенного запаса золотых монет. До вечера им

предстояло немного потратиться.

Монеты произвели на Сесиль сильное впечатление.

– Герцогиня, судя по всему, довольно щедра, да?

– Ах, у нее столько денег, что она явно не знает, куда их девать. – Я решила не разубеждать ее в том, что золото дала Мари.

Филипп с тоской во взгляде наблюдал за тем, как я вынула монеты из мешочка и отсчитала несколько для них. Я понимала, что происходило у него в душе. Для него путь к сердцу Сесиль был вымощен деньгами, только так он мог окончательно завоевать ее и выстроить с ней совместное будущее. Пока оба они бедны, как теперь, она не перестанет встречаться с безумным Батистом, а Филипп будет и дальше испытывать адские муки оттого, что не в состоянии устранить этот источник финансирования.

– Все, что останется, вы можете взять себе, – пообещала я. – А когда дело будет сделано, получите еще.

Я сказала это не для того, чтобы они старались изо всех сил, просто мне хотелось видеть их счастливой парой. Остальные золотые монеты все равно вернулись бы в общую кассу Стражей времени на выполнение заданий в эпоху французского барокко, так пусть я лучше инвестирую их в хорошее дело прямо на месте. Филипп и Сесиль стали моими друзьями, а друзьям нужно помогать, в чем только возможно.

– Мне пора, – я обняла обоих и отправилась в путь.

В экипаже я поехала на Рю Сен-Мартен, но моя надежда найти там Хосе не оправдалась. Позаимствованной нами кареты нигде не было. Себастьяно тоже – я долго и упорно колотила в дверь комнаты на третьем этаже, куда меня привела туповатая, с коровьими глазами дочка зеленщика.

– Он редко бывает дома, ваш брат, – сказала девушка примерно моего возраста. – Обязанности по службе занимают все его время. Кардинал очень ценит его. Мсье Фоскер – один из самых верных его людей.

– Не сомневаюсь, – пробормотала я.

– Странно, он никогда не говорил, что у него есть сестра. Мы все здесь думали, что его семья погибла при пожаре.

– Я очень вынослива и выжила в огне.

Она таращила на меня выпученными глазами.

– Вы совсем на него не похожи. У вас светлые волосы, а у него темные.

– Ну, ведь он же мужчина, – сказала я.

Она долго думала над моими словами. Я всунула ей в руку серебряную монету и посулила прибавку, если она, как только Себастьяно появится, мгновенно прибежит во дворец де Шеврез, чтобы уведомить меня.

– Только не надо говорить ему, что я заходила. Это сюрприз.

Попробовав монету на зуб, она согласилась, и я вернулась на Плас Рояль. По моей просьбе кучер сделал петлю вокруг дома кардинала, а я как можно незаметнее понаблюдала за домом. Несмотря на жару, я не снимала накидку и опустила на лицо капюшон, чтобы никто меня не узнал. У дома стояло полдюжины мушкетеров, и в надежде, что одним из них окажется Себастьяно, я немного наклонилась, чтобы лучше видеть. В эту секунду экипаж качнуло в сторону. Я потеряла равновесие, меня бросило к засову, на который запиралась дверца, и он открылся. Дверца широко распахнулась, а я непроизвольно вскрикнула. Еще чуть-чуть, и я бы вывалилась из кареты, если бы в последний момент за что-то не ухватилась. Правда, в этой рискованной операции пострадала моя накидка – вечно я умудряюсь изводить вещи, не успев их как следует поносить. Подол, выскользнув из экипажа, попал под колеса. Накидку сорвало, и она смятой, раздавленной кучкой осталась на булыжной мостовой. Это мгновенно привлекло внимание гвардейцев, несколько мушкетеров обернулись в мою сторону. Я наполовину висела над землей, цепляясь всем, чем только можно, за каркас кареты. Волосы, после последнего перехода во времени и так больше походившие на половую тряпку, чем на нормальную прическу, развевались буйными прядями и падали на лицо, так что я не сразу заметила Себастьяно среди других мушкетеров. Он смотрел на меня не отрываясь, словно не верил своим глазам. Жак и Жюль тоже были здесь и, узнав, приветственно замахали мне руками.

– Анна! – крикнул Жак (а может, и Жюль), побежав за каретой. – Да подожди же!

– Мне остановиться? – спросил кучер.

– Нет, ни в коем случае! Поезжайте быстрее к дворцу де Шеврез!

Жак (или Жюль) бежал все медленнее, но я не разобрала – от разочарования или от злости, потому что мой взгляд был прикован к Себастьяно. Подойдя к моей накидке, он поднял ее. При этом он смотрел мне прямо в глаза. Лицо его ничего не выражало. Если какое-то чувство в нем и улавливалось, то лишь подтверждение угрозы передать меня в руки тюремщика. При мысли об этих его словах у меня мороз по коже пробежал.

У дворца де Шеврез я расплатилась с кучером и через аркады поспешила к дому. Последний раз бросив взгляд на противоположный конец большой площади, я увидела, что Себастьяно так и стоит там, глядя мне вслед.

Когда я внезапно объявилась, радости Мари не было предела. Она обнимала меня и без конца гладила по голове, словно хотела убедиться, что перед ней действительно я.

– Так, значит, это все-таки правда! – восторженно воскликнула она. – Минетта ведь утверждала, что видела тебя на площади, но я была совершенно уверена, что ей померещилось! Мы даже поспорили из-за этого, потому что она настаивала на том, что права. – Голос у нее задрожал. – Я пережила такой ужасный день! Бесконечно лила слезы, когда Фоскер сообщил о твоей смерти. Я сама хотела умереть, ведь все случилось из-за меня!

– Какая ерунда!

– Нет-нет, так и есть! Ведь если бы я не отправила тебя одну с таким опасным поручением, этого чудовищного нападения никогда бы не произошло.

– Но теперь-то я снова здесь.

– Да, это просто чудо! – просияла Мари. – Теперь все будет хорошо!

– Э-э-э... боюсь, не совсем. Бриллиантов у меня больше нет. Их отобрал тот человек, который напал на меня. – О том, что после этого у меня утянули и дубликат, я скромно умолчала. Но с горячностью добавила: – Зато у меня есть план, как нам вернуть кольцо сегодня вечером на балу.

Мари сделала большие глаза.

– Ты уверена?

– Нет, – призналась я. – Но попробовать стоит.

Она вздохнула.

– Я просто слишком счастлива, что ты вернулась, чтобы сейчас ломать над этим голову. Мы действительно сделали все возможное. Я твердо верю, что все уладится, – она захлопала в ладоши, как обрадованное дитя. – А лучше всего то, что мы сможем пойти на бал!

Получив сообщение о моей смерти, она решила остаться дома в скорби и поэтому теперь радовалась вдвойне, что траур отменяется. Она тотчас приказала приготовить для меня ванну. В ожидании я под села в гостиной к деду Анри.

– Ты рада, что пойдешь на бал? – спросил он.

– Да, – солгала я. – Он наверняка будет чудесным.

– Я уверен. И уже жду не дождусь, ведь не часто выдается возможность увидеть короля и королеву вместе. Они такая красивая пара.

С королевой я уже познакомилась и знала, что она действительно хороша собой. Чтобы узнать, уступает ей в этом король или нет, осталось немного подождать. В Интернете (во всяком случае, пока все портреты загадочным образом не пропали оттуда) он выглядел довольно симпатичным, но этот образ могла создать льстивая кисть придворного портретиста.

– Появится там и кардинал, – продолжал дед Анри. – Исключительно могущественный человек.

– Да, – лаконично подтвердила я.

– Но при этом справедлив ли он – вот вопрос, – размышлял дед Анри. – Прежде всего по отношению к гугенотам.

Я только вежливо кивала, потому что не знала, что сказать. Дед Анри сидел прямо, опершись на свою трость. Взгляд его был устремлен к жуткой картине, изображавшей ужасы Варфоломеевской ночи.

– Ришелье происходит из семьи, члены которой с незапамятных времен посвятили себя праву и закону. Его отец был начальником гвардии, дед – известным юристом. Но среди них не оказалось никого, кто остановил бы Парижскую кровавую свадьбу, – напротив.

– Но, может, Ришелье совсем не такой, – сказала я, сама себе не веря.

Дед Анри с серьезным видом покачал головой. На морщинистом старом лице застыла глубокая печаль, глаза смотрели в пустоту.

– Боюсь, что он намного хуже. Он подготовит почву для окончательного изгнания моих братьев по вере.

Распахнув большие двойные двери, в гостиную, словно фея, впорхнула Мари. Глаза ее сияли радостным нетерпением.

– Пора, Анна! Твоя ванна готова!

Поднявшись с дивана, я робко улыбнулась деду Анри. Я страшно жалела его и с радостью утешила бы, но не знала как. Все воспоминания об этих страшных событиях были созданы в нем искусственно, хотя это не делало их менее травматичными.

Он меланхолично улыбнулся мне в ответ.

– Наряжайтесь, мои милые! – воскликнул он нам вдогонку, когда я последовала за Мари в ее покои.

Погрузившись в горячую, пахнущую лавандой воду, я ощутила, в каком напряжении пребывала все последнее время. Недосып, события, одно хуже другого, и особенно ссора с Себастьяно изрядно подкосили меня. Я напоминала самой себе заведенную до упора, без конца бегающую зигзагом туда-сюда игрушечную машинку, ключик от которой кто-то сломал.

Мари, услышав, что я со вчерашнего дня ничего не ела, тут же велела принести поднос с нарезанным кусочками сыром, и я, сидя в ушате, немного перекусила. После этого мне стало гораздо лучше, но я была очень вялой. От горячей воды меня разморило. Массирующие движения, которыми Минетта мыла мне голову, подействовали гипнотически-усыпляюще, и я совсем было задремала. Будь у меня возможность, после купания я бы с радостью прилегла на часок-другой, но эту идею Мари категорически отвергла. «У нас еще дел невпроворот», – объяснила она.

Пока нам с головы до пят наводили красоту, я совершенно измучилась, но покорно принимала участие во всем, потому что Мари попала в свою стихию. Она словно стремилась достичь высшей формы совершенства, и, на мой взгляд, было бы подло испортить ей удовольствие. Процедура напоминала передачу «Снимите это немедленно», где участницам позволяет увидеть обновленных себя лишь в самом конце. Минетта специальной тряпочкой полировала мне ногти, выщипывала брови, наносила за ушами приятно пахнувшие духи, завивала волосы раскаленными щипцами и делала макияж, а я все это время в нижнем белье и чулках сидела на скамеечке, и смотреть в зеркало мне запрещалось. Платье я тоже еще не видела. Зато как следует рассмотрела нижнее белье, оно поразительно походило на своих собратьев из двадцать первого века. Похожий на корсет плотно облегающий лиф со шнуровкой, а в качестве трусиков что-то вроде боксеров с бантиками и рюшами. На вид все вещи казались безумно дорогими. Греховой роскошью были и тончайшие шелковые чулки кремового цвета, закреплявшиеся выше колена подвязками.

Затем мне велели с закрытыми глазами надеть платье. Пока Минетта вокруг меня что-то поддергивала, застегивала многочисленные крючочки и поправляла складочки, я ощущала мягкость струящейся ткани и вдыхала нежный аромат цветов. У Мари вырвалось несколько восторженных ахов и охов, из чего я заключила, что все выглядело так, как она себе и представляла. Она взяла меня за руку и потянула за собой на несколько шагов вперед.

– Еще нельзя, еще нельзя! – воскликнула она. – Только когда я скажу!

Ее волнение было заразительным. Я чувствовала себя как Золушка после встречи с доброй феей.

– Теперь можешь открыть глаза.

Я уперлась взглядом в зеркало и в первую секунду зажмурилась, потому что отражение имело со мной лишь отдаленное сходство и чем-то действительно напоминало Золушку. Мой наряд был из белого, затканного

серебряной нитью шелка. Платье с узким верхом спускалось от талии в пол широкими мерцающими волнами. Рукава плотно облегали руки до локтя, а дальше превращались в маленькие шедевры из водопада кружев. Верх украшала вышивка из перламутра. Тем не менее платье не выглядело перегруженным – просто сказочно прекрасным. Филипп и правда создал настоящее чудо.

Но и Минетта потрудились на славу. Она уложила мои волосы в греческом стиле, вплетая в них нити жемчуга и оставив по бокам обилие струящихся локонов. Макияж преобразил меня до неузнаваемости. Обычно я почти не пользовалась косметикой, но Минетта на нее не поскупилась. Выбелив лицо, она основательно выделила сурьмой глаза и подкрасила губы хной – стиль, прямо скажем, не на каждый день, но исключительно подходящий для такой важной вечеринки.

– Нравится? – спросила Мари.

Я только молча кивнула, не в силах оторвать взгляд от зеркала.

– Это работа моего нового портного. Он показал мне эскиз, и я пришла в восторг. У этого молодого человека настоящий талант, его непременно ждет большое будущее.

Я обернулась к ней, и мне снова пришлось зажмуриться, потому что своим видом она сразила меня наповал. Все известные мне топ-модели по сравнению с ней могли собирать вещи и отправляться на покой. От этой сияющей, безупречной красоты просто дыхание перехватывало. Ее платье, волшебное творение из затканного золотой нитью шелка, по фасону походило на мое, только сидело на ней гораздо лучше, и ее декольте производило куда большее впечатление.

– Мари, ты великолепна, – восхитилась я. – На балу тебе не будет равных.

Она покраснела от удовольствия, но покачала головой.

– Самой прекрасной, как всегда, будет королева.

Мое хорошее настроение тут же испарилось, как не бывало.

– А что, если... – «если мы не сумеем вовремя передать ей бриллианты», хотела сказать я, но промолчала, чтобы не сглазить.

– Она наденет вуаль, – сказала Мари. – Поэтому сначала будет незаметно, что кольцо нет.

– Тогда мы, может быть, и успеем.

Пожав плечами, Мари вздохнула.

– Будем надеяться на лучшее, – без всякого перехода она вдруг сделала несколько танцевальных па, шурша раскачивающимися юбками. – Хватит об этом. Мы же еще совсем не готовы! Взгляни на туфли. И вот на этот

веер! Смотри, какая прелестная вышивка на масках! Разве не чудо?

Оставшееся время проскочило как-то незаметно, и наконец настал тот миг, когда к дому подъехала карета и мы отправились к Лувру. Дед Анри делал нам комплименты, восхищаясь бальными платьями, но настоящей радости я не испытывала. У меня живот сводило от напряжения, потому что теперь отступать было некуда. Этим вечером все должно решиться.

* * *

Я с благоговением оглядывалась в бальном зале. Он был огромных размеров, и праздничное убранство пугало своей роскошью. Повсюду горели свечи в многоруких канделябрах и в гигантских, мерцающих бесчисленными хрустальными подвесками-каплями люстрах, что свисали с потолка, наполняя помещение мягким светом. Обтянутые дорогим шелком стены служили достойным фоном для больших картин, среди которых я обнаружила оригинал кисти Рубенса. Я остановилась перед ним, пораженная одной мыслью. Через несколько столетий тут будут висеть картины и других знаменитых художников, потому что в королевском дворце откроют музей, но сегодня здесь шумит бал-маскарад, и я в нем участвую. В углу расположились музыканты, игравшие что-то веселое. Прибывающих мало-помалу гостей слуги по очереди обносили напитками. Собралось уже значительно больше сотни человек, они беседовали небольшими группками, все в шикарных нарядах – и в масках. В прошлом маска считалась у знати модным дополнением к бальному наряду, не только во время карнавала.

Я в целях безопасности надела мою кошачью маску, из-за чего пришлось немного поспорить с Мари. Ей хотелось, чтобы я выбрала кремовую, украшенную жемчугом, которую она приобрела специально к моему платью. Но я настояла на своей кошачьей, объяснив это тем, что привезла ее из родной страны и хочу носить в память о ней – в какой-то степени это даже соответствовало действительности. Удивительным образом Мари сразу все поняла и больше не возражала.

У меня было ощущение, будто время утекает как песок сквозь пальцы. С тех пор как мы приехали, ничего не происходило. Первые пятнадцать минут праздника я провела, таскаясь вместе с дедом Анри и следом за Мари, словно пришпиленная к ее юбке, от одной группки к другой и постоянно оглядываясь по сторонам. Масок вокруг было так много, что обнаружить знакомое лицо казалось почти невозможным, приходилось

очень сильно концентрироваться. Король и королева еще не появлялись, Ришелье тоже не показывался. Зато я узнала несколько человек, которых встречала прежде в других местах, например, маркизу де Рамбуйе и кое-кого из гостей ее салона. Попадались нам и некоторые посетители вечеринки Мари.

Ни Хосе, ни Себастьяно до сих пор не объявлялись, и я все еще надеялась, что Хосе за это время удалось отыскать Себастьяно и вернуть ему память. А значит, оставался хотя бы маленький шанс, что королева уже получила свое кольцо. Как только она появится, все станет ясно. Если она придет в вуали, нам поможет только план Б. А для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы наконец нарисовался этот подлый предатель Гастон. Пока что я нигде его не обнаружила.

Как бы то ни было, в толпе я несколько раз видела Филиппа и Сесиль. На те деньги, что я им дала, они раздобыли себе костюмы для предназначенной им роли и подкупили церемониймейстера, чтобы он пропустил их на бал. Тут все шло по плану, но условленного сигнала они еще не подавали. Волей-неволей пришлось набраться терпения, хотя мне было очень худо от волнения и тревоги. До официального открытия банкета оставалось совсем недолго – в соседнем зале для гостей накрыли гигантский праздничный стол. Когда все усядутся, будет слишком поздно, ведь тогда королеве уж точно придется откинуть вуаль, и все откроется.

Люди вокруг меня предавались светским беседам ни о чем. В основном сплетничали о тех, кого здесь не было и о ком я никогда не слыхала. Пока вдруг не прозвучало знакомое мне имя.

– Говорят, де Порте туманной ночью уехал из города. Ходят слухи, что он собирался драться на дуэли с Бутевилем, но потом трусил и предпочел бежать.

– Кто это говорит? – вырвалось у меня. – Уж не сам ли Бутевиль?

Обращенных на меня удивленных и снисходительных взглядов я просто не замечала.

– Если он утверждает это, он лжет. Де Порте дрался на дуэли. Он был не трус, а человек чести.

– Он *был*? – растерянно спросила одна из дам.

– Его секунданты наверняка смогут рассказать об этом больше.

– Вот, значит, как! – воскликнул какой-то мужчина. – Я так и знал, что видел сегодня именно карету де Порте. Никуда он не сбежал!

– Это было бы на него совсем не похоже, – согласился другой.

– Пора вывести Бутевиля на чистую воду! Скольких он уже положил на дуэли?

– Бедная его молодая жена!

Все разом заговорили наперебой и хотели меня расспросить, но в эту минуту в другом конце зала появился Себастьяно. Он был без маски и в гвардейской форме, выражение его лица не обещало ничего хорошего. Я тут же поняла, что все осталось по-прежнему. Память к нему все еще не вернулась. Но, несмотря на маску и разделяющее нас расстояние, он сразу же узнал меня.

С грозным видом он двинулся в мою сторону. И я сделала то, что было единственно разумным, – бросилась наутек.

* * *

В дверях я чуть было не врезалась в Сесиль.

– Вот ты где! – сказала она. – А я уже собиралась тебя искать.

– Скорее! Нам нужно исчезнуть! – задыхаясь, выпалила я. – За мной гонится Себастьяно!

– Ой-ой! – окинув озабоченным взглядом зал, она махнула рукой в сторону коридора. – Пойдем!

– Гастон там? – нервно спросила я.

– Да, только что появился. Шел прямо на меня. Я нашла предлог, чтобы заманить его в одну из комнат, там он и ждет.

Я поспешила вперед. На следующем повороте мы наткнулись на встревоженного Филиппа.

– Что случилось?

– Мушкетер преследует Анну. Задержи его. Если он вмешается, наш план будет сорван. У нас нет времени! Пойдем, Анна!

Мне ничего не оставалось, как последовать за ней, в то время как Филипп направился к бальному залу, чтобы преградить дорогу Себастьяно. В конце коридора я быстро оглянулась, но в толпе гостей не смогла разглядеть ни одного из них.

В бесконечном лабиринте коридоров и залов я чуть было не потеряла Сесиль, еле успев заметить, как кончик ее фартука скрылся за очередным поворотом. Она нарядилась в костюм служанки, подающей яства к праздничному столу. Светлую шевелюру она спрятала под чепец и надела скромное, закрытое платье. И все же ее аппетитная фигура и миловидное лицо слишком бросались в глаза, мешая ей затеряться среди прислуги. Я уже несколько раз видела, как к ней обращались, пытаясь завести разговор, – в основном гости мужского пола. Была ли она им знакома по

театру или они просто хотели с ней побеседовать, я так и не поняла, но в любом случае ее костюм мало кого мог обмануть. Филиппу его роль удавалась куда лучше, в костюме лакея он довольно незаметно передвигался в толчее, высматривая Гастона.

Догнав Сесиль, я постаралась приноровиться к ее широкому шагу.

– Под каким же предлогом ты его туда заманила? – спросила я.

Она бросила на меня ироничный взгляд через плечо. Дальнейших вопросов не потребовалось, ее выражение лица было достаточно красноречивым. И пусть я оценивала Гастона несколько иначе (он всегда с искренней привязанностью рассказывал о своей берлинской подруге), но, видимо, перед чарами Сесиль большинство мужчин оказывались бессильными.

Мы находились уже в боковом флигеле дворца, далеко в стороне от просторных залов, и свернули в последний коридор, тихий и безлюдный. Тяжелые ковры в восточном стиле приглушали наши шаги, а настенные канделябры наполняли коридор неярким, мерцающим светом. Мне стало как-то не по себе, и только я об этом подумала, как тут же почувствовала зуд в затылке. Я сделала глубокий вдох. Время пришло, теперь – все или ничего.

Сесиль распахнула одну из высоких двустворчатых дверей в обставленную темной мебелью комнату. У стен громоздились стеллажи, набитые книгами. В большом удобном кресле с подголовником, закинув ногу на ногу и что-то с оживлением читая, сидел Гастон. Мы с Сесиль вошли, он положил книгу на столик рядом с креслом и встал. Увидев меня, он не слишком удивился. Очевидно, он не исключал, что я после покушения выживу и попытаюсь его перехитрить. Интересно только, почему он все равно ждал нас здесь.

Он, как обычно, расфуфырился сверх всякой меры. Камзол его в талии был немного уже, чем нужно, кружева на рукавах и воротнике – слишком пышные. В ботфортах ноги казались еще толще, а массивное кольцо-печатка на правой руке смотрелось не менее вызывающе, чем выпендренные часы, которые он носил в будущем.

– Добрый вечер, Анна, – сказал он со снисходительно-участливой улыбкой. – Как мило, что мы снова встретились!

Это наглое заявление я оставила без внимания.

– Верни мне бриллианты!

Он расхохотался.

– Как всегда, идешь напролом, да?

– Ну, давай уже! – в нетерпении сказала ему Сесиль. – Не тяни, иначе

могут возникнуть неприятности. Мушкетер и так следовал за нами по пятам, ему не потребуется много времени, чтобы выяснить, где мы.

– О, – Гастон, кажется, испугался. Перспектива встретиться лицом к лицу с Себастьяно поколебала его невозмутимость. Но он тут же взял себя в руки. – Хорошо, – он вытащил кольцо из кармана. Я глубоко вздохнула. Он действительно носил его с собой. Мы спасены!

Но мой зудящий затылок говорил совершенно другое – Гастон планировал какую-то очередную подлость!

– Вот оно, – сказал он. – Забирай.

Поколебавшись, я шагнула к нему и протянула руку к бриллиантам. В этот момент он дернул кольцо к себе.

– Услуга за услугу.

Я потеряла затылок. Он зудел все сильнее. Вообще-то ситуация уже попадала в категорию «Бежать, и как можно скорее», но в такой близости от цели сдаться я не могла.

– Чего ты хочешь?

– Маску, – сказал он.

Я смотрела на него во все глаза.

– Как ты это выяснил?

Он пожал плечами:

– Как-то же ты выбралась из реки. И кроме того, Старейшина сказал мне, что у тебя есть что-то, с чем ты можешь переходить из одного времени в другое. Что-то, что ты всегда носишь с собой. Следовательно, это может быть только маска, ты сама о ней упоминала.

– Да отдай ты ему эту штуку, – нетерпеливо сказала Сесиль у меня за спиной. – У меня дома дюжина таких, можешь выбрать любую.

– Ты ничего не понимаешь, – возразила я.

– Да, не понимает, – подтвердил Гастон.

Он прыгнул ко мне, пытаясь схватить, но я, увернувшись, отскочила в сторону. И тут меня неожиданно задержала Сесиль. Только на минуту, но этого хватило, чтобы Гастон смог сорвать маску у меня с лица.

– Сесиль! – крикнула я. – Он не должен ее заполучить!

– Да не шуми ты так, – резко сказала она. – Ведь это всего лишь маска.

В одночасье она совершенно преобразилась. Выражение лица у нее стало холодным и решительным. И вдруг я сообразила, что происходит. Эти двое, должно быть, обо всем договорились. Она ли вышла на него, или наоборот – результат один. По условию сделки он получит маску. А Сесиль? Она-то что тут выигрывает? Обещанного мной золота ей, судя по всему, было недостаточно.

– Бриллианты, Гастон, – протягивая руку, потребовала она. – Дай их мне. – Повернувшись ко мне, она сказала: – Прости. Но это выгодный обмен за какую-то дурацкую маску, согласишься. – И примирительно добавила: – Из вырученных денег я тебе кое-что выделю.

Гастон, раскачивая маску двумя пальцами, благоговейно разглядывал ее.

– И она действительно переносит тебя куда угодно? Без всяких порталов и Старейшин? С ума сойти! – Он нацепил ее. – Немножко давит на переносицу, а так вполне ничего.

– Черт побери, Гастон! – в ярости вскричала Сесиль. – Сейчас же отдай кольцо!

– Секунду. Мне нужно сделать еще кое-что важное.

Внезапно вытянув обе руки, он обхватил мою шею. Я так испугалась, что даже не сразу поняла, что происходит. Лишь когда он с силой надавил, до меня дошло, что он хочет меня убить. Еще раз.

– Гастон! – потрясенно вскрикнула Сесиль. – Мы же так не...

Она не договорила. Не знаю, как бы она поступила дальше. Определенно, помешала бы ему меня придушить. Другой возможности я не допускала и не допускаю до сих пор.

Зато я совершенно точно знала, что сделаю сама – сперва план А: я прибегну к соответствующим мерам самообороны. При нападении типа «Удушение спереди» надежен лишь один способ: просунув обе руки между рук душителя, оттолкнуть их назад, а потом, согнув руки в локтях, назад и вниз. Как можно сильнее. И тут же врезать коленом по самому чувствительному органу между ног. Тоже как можно сильнее.

Если не сработает, наступит очередь плана Б: я пошлю Гастона к черту вместе с маской. И вовсе не в фигуральном смысле, ведь именно так я однажды поступила с человеком, который хотел меня убить.

Но до этого не дошло. В ту крошечную долю секунды, когда я уже собиралась осуществить план А, дверь с грохотом распахнулась и в проеме возник Себастьяно. За его спиной всплыл Филипп в разорванном жилете, с разбитым носом и всклокоченными волосами. Если он и пытался задержать Себастьяно, ему это явно не удалось. К счастью.

– Анна! – проревел Себастьяно. С обнаженной шпагой он бросился на Гастона.

Тот предусмотрительно отпустил мое горло. Зажмурившись, он молниеносно схватился за маску. Его намерения были совершенно ясны – быстро перейти во времени в любую точку по своему усмотрению. Может быть, на один из карибских островов. Или в Берлин, к подруге.

– Нет, – смогла я лишь тихонько прохрипеть, потому что сильное давление травмировало горло, но этого было более чем достаточно.

Все оказалось очень просто. Теперь деться ему было некуда. Против моей воли использовать маску он не мог. Этого-то он и не учел. Или ничего об этом не знал. Очевидно, клошар рассказал ему далеко не все.

Себастьяно приставил острие шпаги к горлу Гастона. Затем он, сорвав с него маску, бросил ее на пол.

– Вот ты и попался! – воскликнул он, а затем стремительно обернулся ко мне:

– Анна?

– Со мной все в порядке, – прохрипела я, спешно поднимая маску.

– Я выбираю пистолеты! – дрожащим голосом заявил Гастон. Его жирный подбородок трясся, но острие шпаги почти не оставляло ему свободного пространства.

– Я не дерусь на дуэли со всяким отребьем. Выбрать ты можешь только место, куда я воткну тебе клинок – в глотку или в сердце.

Я точно знала, что он не станет убивать безоружного, но Гастон, казалось, был в этом вовсе не уверен.

– Анна! – заскулил он. – В память о добрых старых временах... – Осторожным движением он нащупал карман, достал оттуда колье и бросил мне.

– Вот, чтобы ты убедилась, что я готов сотрудничать! Пожалуйста, скажи теперь своему другу, чтобы он убрал шпагу!

– Что здесь, черт побери, происходит? – воскликнул Филипп.

– Все это лишь недоразумение, – сказала Сесиль.

Филипп смотрел на нее с упреком.

– Ты стояла и смотрела, как он ее душит! Ведь он хотел *убить* ее! А ты просто стояла рядом и ничего не делала! Что вы замыслили вдвоем, ты и этот подонок?

– Мы ничего такого не планировали! Я просто хотела... я бы никогда...

– Ты предала ее! Мы обещали ей помочь! Мы ведь ее друзья!

– Филипп, прошу тебя, я ни в коем случае не собиралась... – она замолчала.

В дверях показались гвардейцы, Жак и Жюль, друзья Себастьяно. Тут же поспешив к нему, они встали рядом и обнажили свои грозные клинки. Три мушкетера в своей стихии.

– Этого арестовать и заковать в цепи, – приказал им Себастьяно. – Эту передать внизу караулу, чтобы отвезли в Бастилию.

– Кого? – в один голос спросили Жак и Жюль.

Поймав взгляд Себастьяно, я вздрогнула от ужаса.

– Вот этого, толстого, – Себастьяно показал на Гастона. – И ее, – он перевел взгляд на Сесиль.

Я затаила дыхание от страха, Филипп тоже внезапно побледнел, но продолжения не последовало.

Мы с Филиппом потрясенно смотрели, как два мушкетера схватили Сесиль и Гастона и потащили их в коридор. Сесиль, повесив голову, не произнесла ни слова. Проходя мимо меня, она не подняла взгляд. Филипп смотрел ей вслед. В глазах у него стояли слезы, а плечи вздрагивали от подавляемых рыданий.

Себастьяно без лишних слов притянул меня к себе и крепко обнял. Я была не в состоянии так хорошо держать себя в руках, как Филипп, и сразу же разревелась, вне себя от облегчения и любви и все еще под воздействием пережитого шока.

– Вот видишь, к чему приводят неразборчивость в знакомствах и участие в опасных интригах! – сердито сказал он мне прямо в ухо. Повернувшись к Филиппу, он угрожающе прибавил: – Это и тебя касается, юноша. Тебя уберегла только твоя верность Анне, иначе бы ты точно так же отправился за решетку.

Отступив на шаг, он взял меня за плечи.

– И о чем ты только думала?

– Я всего лишь хотела защитить королеву, – без обиняков ответила я. – Понимаешь, это моя задача.

Он задумчиво смотрел на меня.

– Ты на этом совсем помешалась, да?

– Так же, как и вы помешались на поддержке другой стороны, не больше и не меньше, – вмешался Филипп. Он явно пришел в себя. Лицо у него все еще было бледным как мел, но плечи он распрямил, и во взгляде появилась твердость. – Бороться за свое дело и, если потребуется, жизнь за него отдать, как это сделала Анна, – что же в этом плохого?

– Плохо, если борешься не за правое дело.

– Это с какой стороны посмотреть.

Себастьяно собрался было возразить, но, передумав, покачал головой.

– У меня нет ни времени, ни сил вести с тобой философские споры. Филипп – ведь тебя так зовут, да? Филипп, ты только что едва не угодил в тюрьму. Не испытывай судьбу, лучше помолчи.

Обернувшись ко мне, он внезапно взял из моей руки бриллианты, и я даже не успела понять, что он делает.

– Для меня остается загадкой, как ты так быстро успела раздобыть подделку, – он поднял кольцо на свет. – И к тому же такую прекрасную! – Наморщив лоб, он любовался мерцанием.

– Невероятно, выглядит просто как настоящее.

Я ошарашенно уперлась взглядом в его руку, державшую кольцо.

– Прошу тебя, ты не можешь вот так взять и забрать его у меня!

Без колебаний опустив кольцо в карман жилета, он чуточку приподнял пальцем мой подбородок.

– Для меня эта история закончена, Анна! И для тебя она тоже должна закончиться. Из ложного чувства долга ты впуталась в безнадежное дело. То, как упорно ты стояла на своем, в определенном смысле делает тебе честь. Это говорит о твоём сильном характере и верной душе. Я не могу осуждать тебя и тем более не могу допустить, чтобы тебя за это покарали. О том, что здесь произошло, кардинал ничего не узнает. Подделку я оставляю у себя и, когда придет время, уничтожу.

Во мне боролись противоречивые чувства. С одной стороны, меня глубоко тронуло, что он, оставаясь непоколебимо верным кардиналу, грудью встал на мою защиту. Любой другой человек, менее сильный, чем Себастьяно, не выдержал бы такого хождения по лезвию ножа. С другой стороны, я с трудом выносила его поучающий тон. Кроме того, я бы с большим удовольствием швырнула что-нибудь об стену, в ярости от того, что он прибрал и второе кольцо.

– Мне пора вернуться к своим обязанностям. Кардинал уже прибыл, с минуты на минуту появится и королевская чета, – Себастьяно пошел к дверям.

– Ты не можешь допустить, чтобы с ней так поступили, – я бросилась за ним. – Я прошу тебя!

Себастьяно гигантскими шагами торопливо шел по коридору.

– Откуда у тебя эта копия? – поинтересовался он. – И при чем тут толстяк?

– Я думала, эта история для тебя закончена, – огрызнулась я.

Его лицо омрачилось.

– Не надо давать мне повода раскаиваться в содеянном, – он взглянул на маску, которую я уже успела надеть. – И что это вообще за странная кошачья маска?

– Она кажется тебе знакомой? – задала я наводящий вопрос. – Разве у тебя нет ощущения, что ты прежде видел ее на мне?

Я ускорила шаг, чтобы не отставать от него. Взгляд его стал задумчивым и одновременно растерянным. Мне снова показалось, что он

вот-вот все вспомнит.

– Ты потерял память! На самом деле ты вовсе не мушкетер. Мы оба не отсюда, мы из другого времени.

Я обалдела от своих же собственных слов, от того, что смогла беспрепятственно их произнести и блокировка не сработала. Хороший знак!

– Ты говоришь какую-то ерунду.

– Нет, Анна права, вы оба совсем из другого времени, – взял слово Филипп. – Вас называют Стражами, вы действуете по заданию Хранителей. А я работаю Посыльным для вас, путешественников во времени, потому и знаю. Все так, как она говорит.

Но Себастьяно только засмеялся и, покачав головой, пошел дальше.

Я взяла его за руку.

– Ты вообще не француз. Тебя зовут Себастьяно Фоскари, ты родом из Венеции.

Все это я тоже произнесла без всяких проблем. Воспоминания постепенно возвращались к нему! Осталось совсем чуть-чуть! Будь у меня побольше времени, мне, вероятно, удалось бы его убедить. Или по крайней мере заставить его выслушать остальные подробности, которые активировали бы его память. Если повезет, Хосе еще появится и вовремя позаботится обо всем остальном.

Но в следующую минуту мы уже вошли в зал, где несколько слуг сразу же оттеснили нас в сторону, расчищая широкий проход. Я потеряла Себастьяно из виду, заблудившись в мельтешении шелковых платьев, кружевных жабо и бархатных камзолов. В этой давке нечем было дышать, меня толкали из стороны в сторону, некоторых запахов я предпочла бы не ощущать. Выпирающие из тугих корсетов напудренные бюсты, до одури надушенные прически, острые локти, маски, маски, маски... на какое-то мгновение я перестала ориентироваться в пространстве, как вдруг вынырнувшая откуда-то рука уверенно вытащила меня из толпы.

– Будет лучше, если ты останешься рядом со мной, чтобы еще каких-нибудь глупостей не натворила, – шепнул мне Себастьяно. Он обнял меня и прижал к себе. На виске чувствовалось его теплое дыхание. Подняв взгляд, я увидела, что он озадаченно рассматривает мое декольте.

– У этого платья слишком глубокий вырез.

Несмотря на всю напряженность ситуации, я не могла не расплыться в улыбке. Точно такую же серьезную мину он соорудил на нашем первом балу, потому что тогда на мне было похожее, слишком откровенное платье.

Он осторожно коснулся моей шеи.

– Следы от пальцев остались. Больно?

– Нет, почти прошло.

Он снова наморщил лоб, а я подумала, что, наверное, и эта ситуация расшевелила в нем забытые воспоминания. Тогда, на балу в Венеции, меня тоже пытались задушить, и Себастьяно заметил следы пальцев на шее, когда возмущался по поводу декольте, – в точности как сейчас. Должно быть, он испытывал самое яркое дежавю всех времен.

– Анна, – тихо сказал он, а потом, наклонившись ко мне, быстро поцеловал. – Проклятье, ну почему я тебя так люблю? Можешь ты мне объяснить?

– Могу, если не шутишь: ты как-то сказал, что тебе нравится мое чувство юмора. И мое упрямство. И мои волосы. Ну, и все остальное тоже.

– Анна! – протиснувшись в толпе, к нам присоединились Мари с дедом Анри. Мари явно нервничала. Она раскрыла веер и яростно обмахивалась им, едва не задевая украшенную вышивкой маску. В глазах ее читался неизбежный вопрос о бриллиантах, и, когда я незаметно покачала головой, она стремительно закрыла лицо веером, чтобы скрыть испуг.

Зато дед Анри пребывал в замечательном настроении.

– Какой дивный праздник! Кругом такие прекрасные молодые люди! – Он поправил маску – темно-синий бархат, подходящий к его камзолу, – и, невзирая на хромоту, отвесил мне, шаркнув ногой, изысканный поклон. – Особенно ты, дитя мое! Ты очаровательна! Однако, кажется, я тебе об этом уже говорил, не так ли?

– Да, но все равно большое спасибо за комплимент! – Я заставила себя улыбнуться, скрывая напряжение.

Дед Анри снисходительно похлопал Себастьяно по плечу:

– Какой же вы счастливец, молодой человек, что вам удалось добиться расположения такой девушки. Надеюсь, своим достойным поведением вы сумеете сохранить любовь Анны на всю жизнь! – Он повернул голову. – А, начинается! – взяв Мари за руку, он потянул ее на поиски более удобного места.

Церемониймейстер встал у двери и несколько раз громко ударил в пол празднично украшенным жезлом. Зычным голосом он провозгласил прибытие их величеств, и все разговоры в зале затихли. Смолкла и музыка, оркестранты учтиво отошли к стене. Оркестранты... один из них привлек мое внимание. Не веря своим глазам, я привстала на цыпочки, чтобы получше рассмотреть его. Среди флейтистов стоял Хосе! В серебряном камзоле и с такого же цвета повязкой на глазу. Подняв обе руки, я отчаянно замахала ему, но он, казалось, меня не заметил. Себастьяно опустил мои

руки.

– Прекрати немедленно! – прошептал он. – Сейчас войдет королевская чета!

– А ты прекрати постоянно мной командовать, тиран! – Я бегло взглянула на музыкантов в надежде, что Хосе нас увидел, но несколько гостей загораживали мне обзор.

– Кто этот одноглазый? – прошептал Себастьяно.

– Ты его прекрасно знаешь. Это твой друг Хосе.

– У меня нет друга с таким именем.

– А откуда тогда ты знаешь, что я махала именно ему и никому другому, хотя в том углу стоят человек пятьдесят?

– Понятия не имею откуда. – Казалось, он почти вспомнил. По лицу было видно, как у него мозги трещат.

Тут по залу прокатился шепот. Настала минута большого выхода королевской четы. В зал с помпой, шелестя шелками, вошли король и королева. В ту же секунду я опять почувствовала зуд в затылке, да еще какой. Появилось предчувствие, что самое страшное у нас еще впереди.

* * *

Сначала я увидела королеву. На ней было широкое, покачивающееся при ходьбе платье в пол из дорогого голубого атласного шелка, обильно украшенное вышивкой, с длинным, отороченным горностаем шлейфом. Как и остальные гости, она спрятала лицо под маской, но, в отличие от других, у нее закрыты были и губы, и подбородок, и даже шея – от нижнего края маски до самого декольте спадала усыпанная драгоценными камнями непрозрачная вуаль.

Лишь горстка людей в этом зале знала, что вуаль – не что иное, как вынужденная мера в безвыходном положении. Знал и король, с прямой спиной вышагивавший рядом с ней, благосклонно кивая во все стороны. Он был среднего роста, стройный, с длинными темными волосами, которые уже слегка поредели. Изумрудно-зеленый камзол подчеркивал бледность его удлинённого лица. В отличие от королевы он надел узкую маску, скрывавшую только глаза, так что черты лица можно было подробно рассмотреть. В уголках его губ прятался гнев. На жену он не смотрел. Так, словно уже порвал с ней.

Следом за ними появился кардинал, как и при нашей первой встрече, в роскошном красном облачении, без маски. Козлиная борода на его лице

бухгалтера была тщательно подстрижена, кончики усов зачесаны наверх. Кардинальская шапочка, такая же ярко-красная, как и облачение, аккуратно сидела на зачесанных назад волосах. На фоне наглухо застегнутого белого воротника в сиянии множества свечей лицо его казалось блеклым. Оно оставалось совершенно непроницаемым, но даже опущенные веки не могли скрыть выражения темных глаз: в них светилось предвкушение. Пока процессия размеренно продвигалась к торцевой стене огромного зала, где находилось небольшое возвышение, он, сознавая близкий триумф, не отрываясь, смотрел на идущую впереди королеву. Король и королева опустили в тронные кресла на возвышении, предоставив своим знатым верноподданным занять места перед ними. Ришелье сидел в нескольких шагах от королевской четы в кресле попроще.

Тут снова заиграли музыканты, но, как я ни вытягивала шею, увидеть их не смогла, нас разделяло слишком много людей. Бесконечной чередой они тянулись мимо их величеств и кардинала, чтобы выразить свое почтение.

Себастьяно отпустил меня.

– Я должен идти к кардиналу!

– Нет, – тут же ответила я. – Не ходи туда! Останься!

– Я служу в его лейб-гвардии и должен охранять его, когда он появляется на людях. Но надолго он сегодня не останется. Только до... до того момента, когда все будет позади. – Он бросил на меня умоляющий взгляд. – Анна... по-другому не получится. Как только я вернусь, мы с тобой все начнем с начала и просто забудем об этой истории.

Меня полностью парализовало страхом. Я изо всех сил удерживала его.

– Тебе нельзя туда идти!

Я даже подумала было засунуть ему в карман маску и пожелать, чтобы он вместе с ней отправился домой, но боязнь возможных непредсказуемых последствий остановила меня.

В следующую минуту все эти мысли будто ветром сдуло. Над плечом Себастьяно возникла серебряная повязка.

– Время пришло, – сказал Хосе. Он положил руку на затылок Себастьяно и какое-то время придерживал его. Себастьяно, вздрогнув, застыл, его взгляд стал странно пустым, глаза почти закрылись. Я видела, как подрагивают его веки, а глазные яблоки за ними движутся из стороны в сторону, словно он, бодрствуя, видит сны. Это длилось несколько секунд, но мне они показались вечностью. Наконец Себастьяно снова открыл глаза, взгляд его был ясным. Он взглянул на меня, и я поняла, что память

вернулась.

Хосе наклонился вплотную к нему и что-то прошептал на ухо. Себастьяно по-прежнему стоял не двигаясь. Он производил впечатление человека, потерявшегося в пространстве, как бывает, когда очнешься после долгого, глубокого сна. Но и это состояние прошло, уступив место железной решимости. Себастьяно шагнул ко мне и порывисто обнял. За этим последовал долгий, страстный поцелуй, который обдал меня таким жаром, что чуть не задымились подошвы моих шелковых туфель.

– Это за то, что я был таким идиотом.

Я, затаив дыхание, смотрела на него сияющим взглядом.

– Если поцелуй был компенсацией, то я рассматриваю его как первый взнос. Условия полного погашения задолженности мы обсудим позже.

Сердце у меня колотилось как ненормальное, я была так счастлива, что на какое-то мгновение даже забыла про опасную ситуацию.

– Пора, мальчик мой, – серьезно сказал Хосе. Внезапно я вспомнила, о чем он мне рассказывал – Себастьяно на этом балу должен спасти кому-то жизнь. Зуд в затылке перешел в невыносимое жжение. Что бы ни случилось, это произойдет именно сейчас.

– Нет, – беспомощно сказала я. Но ничего предотвратить я не могла, все с мучительной неизбежностью разворачивалось прямо на моих глазах, как в замедленной съемке.

Ряды гостей поредели, после официального приветствия люди снова группками разошлись по всему залу, так что я хорошо видела возвышение, на котором стояли троны.

Король повернулся к королеве, и я поняла, что он не собирается ждать до начала банкета. Он обеими руками ухватил вуаль. Еще одно короткое движение, и он поднимет ее и обнародует запретную тайну супруги.

Кардинал стоял вплотную к ним и наблюдал за происходящим с неприкрытым удовольствием.

И тут раздался крик, а сразу за ним еще один. Из противоположного угла зала выступил какой-то человек и пошел к возвышению, направив на кардинала пистолет. Он рассекал толпу, словно корабль водную гладь.

Себастьяно уже бросился вперед. Он двигался намного быстрее человека с пистолетом, но и расстояние от него до подиума было почти в два раза больше. Он не просто мчался, он совершал настоящий спринтерский забег. Несколько раз ему пришлось обегать людей, стоявших у него на пути, а затем он чуть не сбил лакея, который едва успел увернуться с полным подносом напитков в руках.

Человек с пистолетом пошел быстрее, он стремительно приближался к

возвышению. Как громом пораженная, я узнала в нем деда Анри. Но внезапно мое восприятие сместилось, как при разглядывании картинок-загадок. Человек выглядел совсем как дед Анри, у него были такие же седые волосы, к тому же, лицо скрывалось под такой же маской из синего бархата. Однако он не хромотал, а, напротив, двигался быстро и целенаправленно.

И вдруг до меня в одну секунду дошло. Милый, старый, немного рассеянный дед Анри, с которым я познакомилась как с не менее дружелюбным Генри Коллистером, – на самом деле он ни тот ни другой. Оба этих образа служили хитроумной маскировкой, с помощью которой он без труда морочил мне голову.

Это был тот самый путешественник во времени, которого я видела под окнами отеля «Британик».

Это был тот самый неизвестный в маске, который день спустя пытался застрелить Ришелье на рыночной площади.

И был он одним из Старейшин. Это он открыл портал на мосту, а вовсе не клошар, действительно обыкновенный бездомный, случайно облюбовавший именно то место и послуживший отличным прикрытием. Неудивительно, что он показался мне таким натуральным.

Прогремел выстрел, и все в зале закричали наперебой. Однако никто не упал, сраженный пулей, – Анри промахнулся. Тем не менее он двинулся дальше, и уже всего несколько метров отделяли его от возвышения с тронными креслами. Окутанный завесой порохового дыма, он достал второй пистолет.

Себастьяно тоже не стоял на месте и почти достиг цели, ему оставалось несколько шагов. И все же он не бросился прямо на стрелка, а, сделав крюк, пробежал вплотную мимо возвышения, там, где сидела королева. На долю секунды у него в руке что-то сверкнуло, и он помчался дальше.

Анри остановился, взял пистолет обеими руками и тщательно прицелился в Ришелье. В то самое мгновение, когда грянул выстрел, Себастьяно с разбега мощным прыжком вратаря прикрыл кардинала своим телом.

– Нет! – крикнула я. – Нет!

Я летела и летела, путь через зал простирался передо мной во всей своей бесконечности. Вокруг меня кричали и разбегались во все стороны люди. С обнаженными шпагами в зал ворвались гвардейцы, перекрыв мне дорогу. Анри скрылся через боковую дверь.

– Схватить его! – услышала я чей-то крик. Затем, намного дальше: –

Он на задней лестнице! Кто-нибудь, живо ему наперерез! – А еще чуть позже ликующий вопль: – Мы взяли его!

Рядом со мной возникла Мари с побелевшим испуганным лицом. Оттолкнув ее в сторону, я помчалась дальше.

Секунду спустя я уже опустилась на колени рядом с Себастьяно. На его левом плече, пропитывая камзол, быстро разрасталось кровавое пятно. Рыдая, я сняла маску и наклонилась к нему.

– Себастьяно! Ты слышишь меня? Не покидай меня! Пожалуйста!

– Я никуда не собираюсь уходить, – проговорил он хрипло, но очень внятно.

– Ну-ка, пусти, – сказал Хосе. Он мягко отодвинул меня в сторону и отогнул отворот камзола, чтобы обследовать рану.

Я быстро отвела взгляд, почувствовав, как накатывает дурнота. Никогда не могла спокойно переносить вида крови.

Вдруг кто-то мягко поднял меня на ноги. Королева. Сняв вуаль вместе с маской, она озабоченно оглядела меня.

– Сперва продышись, – посоветовала она.

Я стала глубоко дышать, изо всех сил стараясь не упасть. Украдкой взглянув на Себастьяно, я поняла, что Хосе пытался остановить кровотечение, наложив компресс, который, однако, уже настолько пропитался кровью, что стал ярко-красным. Мне снова стало плохо, пришлось ухватиться за руку королевы.

– Бедная девочка, – сказала она. – Как тебя зовут?

Понятно, мы ведь как бы не знакомы.

– Анна, – еле слышно ответила я. И с облегчением выдохнула. Компресс был красным не от крови Себастьяно, а сам по себе – им послужила шапка кардинала.

Хосе взглянул на меня, чтобы успокоить.

– Не волнуйся, с ним все будет хорошо.

Королева улыбнулась.

– Прекрасно!

Ее рука слегка пожала мое плечо. Губы беззвучно сложились в слово, которое увидела только я. *Спасибо*. Остальное я прочла в ее глазах. В ее безупречном декольте искрилось и сверкало бриллиантовое кольцо. Не заметить его было невозможно, и король тоже увидел. Он пристально смотрел то на вырез платья жены, то на кардинала, и ему поразительным образом удавалось одновременно демонстрировать и облегчение, и раздражение. Он откровенно радовался тому, что обвинения Ришелье оказались безосновательными. Но вместе с тем он явно злился – на

кардинала. Всем своим видом он словно бы сообщал самому высокопоставленному государственному деятелю: и не думай больше подходить ко мне с чем-то подобным, дружок!

Я снова опустилась на колени рядом с Себастьяно и взяла его за руку.

Король подозвал стражу.

– Принесите носилки для этого храброго юноши. Клянусь, никогда еще не видел столь бесстрашного поступка. – Он с интересом разглядывал Себастьяно и даже присел рядом с ним, чтобы убедиться, что рана обработана должным образом.

Кардинал, упавший во время этой переделки на пол, сидел, всеми оставленный, на пятой точке и выглядел весьма удрученным. Шапку его только что использовали не по назначению, воротник перекосялся, еще недавно старательно закрученные усы свисали бахромой. Он оглянулся по сторонам, но никто и не думал спешить ему на помощь. Все присутствующие с восхищением и сочувствием окружили его храброго спасителя, принявшего пулю злоумышленника на себя.

– Вы должны щедро вознаградить этого юного гвардейца, – благодушно сказал король кардиналу. Тот, волей-неволей вынужденный подняться самостоятельно, отряхнул одежду. На красной ткани красовались полосы грязи, и с одной стороны одеяние во всю длину разорвалось по шву.

Насупившись, Ришелье бросил взгляд на своего мушкетера.

– Это и правда необычайно мужественный и самоотверженный поступок. Примите мое искреннее восхищение, Фоскер. Я обязан вам жизнью. Уже дважды.

Казалось, самоотверженность Себастьяно начинала интересовать его все больше. Щеки у него порозовели, глаза блестели, он постепенно распрямлялся. Я догадывалась, какие мысли проносились у него в голове. Не в короля стрелял злоумышленник, а в него, первого министра. Самого значительного и влиятельного человека во Франции. Вот лучшее доказательство его исключительности! Его захлестнула волна эйфории, которая, несомненно, омрачалась видом бриллиантов на груди королевы. Он бросил быстрый взгляд в ее сторону, и в лице его промелькнула злоба, а когда он снова посмотрел на Себастьяно, к восхищению прибавилось раздражение. Но он прекрасно понимал, что никакого компромата на Себастьяно у него нет, тем более что по воле случая тот стал новым национальным героем. Любая попытка расквитаться с ним за внезапное возвращение колье изобличила бы Ришелье как зачинщика коварной интриги. Руки у него были связаны, и он это понимал.

Жак и Жюль, придя с носилками, рассыпались в похвалах героизму

Себастьяно. Когда они его укладывали, я заметила, как в другом конце зала два мушкетера уводили Мари. Причина ареста была очевидна. Ее мнимый дед намеревался убить кардинала, значит, пока что ее считали соучастницей заговора. Но я точно знала, что она ни при чем. Анри манипулировал ею. Так же, как он манипулировал Себастьяно, с той лишь разницей, что с Мари он проделал это еще до перехода в прошлое. Старейшины были наделены своеобразными, мощными дарованиями. Одним-единственным касанием они могли отнять или вернуть воспоминания. Или создать полностью вымышленные. Мари была жертвой, она ни о чем не знала.

Мой взгляд встретился со взглядом королевы, и я поняла, что она думает о том же. Она незаметно кивнула – молчаливое обещание позаботиться о Мари. На моей душе стало легче.

Себастьяно вынесли из зала, в то время как первые гости, которые незадолго до этого, визжа, спасались бегством, потоком тянулись назад и, падкие на сенсацию, осматривали место происшествия. Мы с Хосе шли рядом с носилками, и я держала Себастьяно за руку.

У дверей к нам подошел Филипп. Он смыл с носа кровь и причесал волосы.

– Ну, вам сам черт не брат, – сказал он Себастьяно. – Я все видел. Он говорил с восхищением, но вместе с тем выглядел глубоко подавленным, и я знала почему. Он все еще не мог поверить, что Сесиль сговорилась с Гастоном. Его мир пошатнулся.

– Она не хотела, – сказала я. – То есть бриллианты-то хотела, но не... ну, ты понимаешь. Для нее это было полной неожиданностью.

Он только кивнул.

– Я еще не поблагодарила тебя за платье, Филипп. Оно чудесное, – борясь со слезами, я взяла его руки в свои. – Мне так жаль.

Он опять просто кивнул, не говоря ни слова. Я обняла его и разрыдалась.

– Спасибо, – сказала я. – Спасибо за все!

Мысль о том, что я больше никогда его не увижу, была невыносимой, ведь за эти несколько дней он стал мне хорошим другом. К тому же сердце разрывалось при виде того, как он страдал из-за предательства Сесиль.

Филипп крепко обнял меня в ответ, а затем резко высвободился из объятий и стремительно ушел.

Я проводила его ослепшими от слез глазами, а затем вернулась к Себастьяно. Жак и Жюль отнесли его в обставленную изящной мебелью комнату и положили там на диван.

– Я же здесь все кровью испачкаю, – сказал Себастьяно.

– Так королева велела, – объяснил Жак. – Тебе предоставят все необходимое. Она сейчас пошлет за своим лейб-медиком, который лично позаботится о твоём здоровье.

Теперь я могла отличить Жака от его брата. У него на лбу красовался шрам – Сесиль поцарапала, когда он пытался заковать ее в цепи. Он выразил сожаление, что я выбрала Себастьяно, а не его.

– Любого другого я бы тотчас вызвал на дуэль, но ему, так уж и быть, я тебя уступаю, – великодушно добавил он.

Они с Жюлем удалились, и мы остались в комнате одни.

– Что теперь будет с Сесиль? – спросила я.

– Так просто ей не выкрутиться, – сказал Хосе. – Условного наказания здесь еще не знают.

– Но ведь Бастилия – это же настоящий хоррор! Разве нельзя было бы...

– Она заслужила наказание.

– Хосе, прошу тебя!

Хосе вздохнул.

– Посмотрим, что можно сделать. Но ничего не обещаю.

– А Гастон?

– Ну, я надеюсь, тебе известно, как поступают с убийцами в эту эпоху?

– Но я же жива! Это была только попытка убийства!

– Две, – возразил с дивана Себастьяно.

– Ведь он же собирался убить меня по приказу Анри!

– Нет, не по приказу, – пояснил Хосе.

Этого я не ожидала и сперва даже не знала, что сказать. Но потом я представила себе Гастона на виселице с петлей на шее, и у меня ком к горлу подступил.

– Прошу тебя! – повторила я.

Хосе еще раз вздохнул.

– Хорошо, я попробую что-нибудь предпринять. Только не дергай меня теперь из-за Анри, тут я не властен. Кроме того, у нас есть дела поважнее, – он пошел к двери. – Я сейчас добуду карету. Вам пора вернуться домой.

Хосе вышел из комнаты, а я присела к Себастьяно.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила я.

– Пока что полон адреналина. Но уже начинает болеть.

– Может, тебя отвлечет, если ты будешь мне рассказывать. Все с самого начала. Как ты сюда прибыл. Как потерял память. И... хм, та коза, которая была вместе с вами в «Золотом петухе». Ну, ты понимаешь...

– Нет, – сказал он.

– Ну, ты же должен ее помнить! Эта потаскушка просто вцепилась своими когтями в твою руку и пожирала тебя глазами так, словно ты ее личный джекпот!

– Конечно, я помню ее. Она всегда с нами есть ходила. Но ничего там не было. Ни с ней, ни с какой другой. Потому и сказал «нет».

– О, – я не стала скрывать облегчения. – Рассказывай дальше! Например, про бороду, – я осторожно погладила его подбородок. – Ты ее специально отрастил, потому что здесь почти у всех мужчин бороды, или просто бритвы нормальной не было?

Положив руку на лоб, он тихонько застонал.

– Не думаю, что меня отвлечет, если я несколько часов подряд буду все объяснять. Может, мы повременим с этим, пока мне не сделают операцию?

– Конечно, – тут же забеспокоилась я. – Сильно болит?

Выпростав руку, он обхватил мой затылок и притянул меня к себе.

– При *правильном* отвлечении не очень.

– И какое же, по-твоему, правильное? – спросила я, почти прижавшись губами к его губам.

– Я думал, мы немного поторгнемся насчет непогашенного долга.

Против такого предложения возразить было нечего.

* * *

Хосе, как и обещал, вернулся с каретой, а Жак и Жюль с помощью кучера перенесли туда Себастьяно. Лейб-медик короля пожертвовал в качестве обезболивающего несколько ложек макового сока, от него Себастьяно клонило в сон. Ему с трудом удалось какое-то время не закрывать глаза, чтобы попрощаться с близнецами.

– Вы – настоящие друзья, – тихо сказал он. – Спасибо за прекрасные деньки.

– Один за всех, и все за одного, – громко ответили Жак и Жюль хором. Это были последние слова, которые я слышала в Париже 1625 года. И подумала, что они очень кстати.

По пути в Булонский лес я постепенно узнала всю предысторию нашего приключения. Себастьяно дремал, а Хосе в это время, вопреки собственному обыкновению, кое-что мне рассказал.

Зеркало показало серьезные отклонения в историческом процессе. Король-Солнце не родился, абсолютизма как предпосылки для революции

и начала эры свободы никогда не существовало. В последующие столетия Париж снова и снова раздирали религиозные войны и терроризм, хуже, чем Белфаст во времена Ирландской республиканской армии. Причиной этого, как определили, стало одно событие в 1625 году – убийство некой знаменитой личности. Себастьяно послали с заданием этого не допустить.

Но Анри – это действительно его настоящее имя – все спланировал основательно. Заметив, что находится на грани провала, он организовал несчастный случай, при котором Хосе был ранен, и сам провел переход во времени, позаботившись о том, чтобы Себастьяно забыл, кто он.

Подчиненный ему Страж времени в Париже – Гастон – был продажным ничтожеством, поэтому Анри не опасался, что тот его выдаст. Но Себастьяно неожиданно оказался серьезным препятствием. Неосознанно он продолжал делать то, что нужно, чтобы все-таки выполнить задание. Он поступил на службу в гвардию кардинала и больше не отходил от него ни на шаг.

Зеркало Эсперанцы показало, что на ход истории может серьезно повлиять еще одно событие – разрыв между королем и королевой из-за бриллиантов. Все должно было решиться на балу. С этим мы могли справиться только совместными усилиями.

– Одного я никак не пойму, – в задумчивости сказала я, в то время как карета продолжала в ночи свой путь к Булонскому лесу. – Мы мешали Анри, поэтому он хотел отправить нас домой через портал на мосту. Почему же, когда это не удалось, он просто не убрал нас с Себастьяно перед балом?

– Он не такой, – пояснил Хосе. – Кроме того, в чем бы тогда состоял для него вызов?

Его слова дали мне на какое-то время пищу для размышлений.

– По крайней мере стража схватила его, – произнесла я наконец. – И что же теперь с ним будет?

– Ничего. Он давно уже отправился дальше.

Эту новость мне сперва нужно было переварить. Видимо, такие банальные приспособления, как тюремные стены и железные цепи, Старейшин надолго удержать не могли.

Какое-то время царило молчание. Наконец я сказала:

– Анри мне очень нравился. Он был так мил со мной. И я его так жалела. Но получается... – я прервалась. – Получается, он только играл.

– Нет, – тихо сказал Хосе. – Он не притворялся. Внешний вид – это да. Но во всем остальном – нет. Он – жертва страшных религиозных преследований. Весь город тогда затопили кровью его единомышленников. У него

были молодая жена и двое маленьких детей, и все они погибли в ту ночь. Среди убийц были сторонники отца Ришелье. Преследования не закончились, они продолжались сначала при Ришелье, затем при Короле-Солнце. Сотни тысяч гугенотов вытеснили из страны, обескровили культурное наследие Франции. Анри хотел не допустить этого, и в широком смысле его намерения даже законны, – Хосе покачал головой. – Но последствия его вмешательства, разумеется, нанесли бы непредсказуемый ущерб всему историческому процессу, даже если не сбрасывать со счетов кровавое упоение Великой Французской революции.

Я смотрела на него во все глаза.

– Да кто же вы такие – Старейшины? Откуда вы? Что-то наподобие олимпийских богов? Как у Перси Джексона? Только с путешествиями во времени? А может, на самом деле вы вовсе и не старые, и все это маскарад? И что там у тебя за этой чертовой глазной повязкой?

Сонным голосом в разговор вмешался Себастьяно.

– Ты что, думаешь, так он тебе все и расскажет?

Я вздохнула.

– Вообще-то нет, – затем я решительно посмотрела на Хосе. – Но когда-нибудь я все равно это выясню.

День десятый

Двумя днями позже мы с Себастьяно лежали в самой огромной гостиничной кровати, которую я когда-либо видела. Она, как и сам номер, была королевских размеров. Если бы Людовик XIV жил в наши дни и в Версальском дворце делали бы ремонт, он на время точно переселился бы в этот отель – «Мандарин ориенталь» в самом сердце Парижа. После довольно долгого и сурового разговора с Хосе о командировочных и надбавке за работу в опасных условиях он оплатил нам трехдневное проживание в пятизвездочном отеле класса люкс.

– Но это абсолютное исключение, – пояснил он.

Отель был словно с другой планеты, с номерами повышенной комфортности стоимостью до двадцати тысяч евро. За ночь.

Наш номер и близко столько не стоил, но Хосе все-таки прилично раскошелился, тем более что даже завтрак и прочие дополнительные услуги в стоимость не входили. За массаж ног в гостиничном спа-салоне можно было спокойно добрых полторы сотни евро отстегнуть. Себастьяно размышлял, что за эти деньги там как минимум еще и прохладительными напитками должны угощать, отчего я буквально покатила со смеху.

С момента нашего возвращения я много смеялась, невероятно счастливая оттого, что мы выстояли и вернулись целыми и невредимыми. Или по крайней мере почти невредимыми. На плечо Себастьяно наложили бандаж, руку какое-то время следовало носить на перевязи, и при одевании или раздевании ему еще требовалась помощь. Но ранение было не тяжелым, как я опасалась вначале. Пулю, маленькую, потерявшую форму свинцовую гадость, мы оставили себе на память. Недоверчивому врачу «Скорой помощи» Себастьяно рассказал, что случайно нажал на курок старого дуэльного пистолета, который оказался заряжен. Поскольку я подтвердила эти показания с самым невинным выражением лица, врач не стал звонить в полицию, к тому же у него скоро заканчивалась смена.

К работе Себастьяно признали временно не годным, другими словами, у него появились выходные, и он мог расслабиться. То же самое распространялось и на меня, потому что я, недолго думая, прописала себе несколько дней без школы. В конце концов, выпускные контрольные остались позади. Перед устным экзаменом предстояло написать еще кое-какие работы, но для этого времени было достаточно. И родители не возражали, чтобы я немного задержалась, напротив – как выяснилось, к

своему пребыванию в Копенгагене они тоже добавили маленький отпуск.

Хосе сразу же после нашего возвращения отправился дальше, в другое место и в другое время. А значит, мы с Себастьяно принадлежали самим себе. Чаще всего мы оставались в номере, потому что оба были совершенно выжаты, не только эмоционально, но и физически. У него болело плечо, у меня – шишка на голове. В течение второго дня постепенно стало лучше. Мы погуляли по весеннему Парижу, посетили Эйфелеву башню и несколько других достопримечательностей и, конечно же, все время говорили. Меня мучило чувство вины, ведь, как мне казалось, я наделала кучу ошибок. Себастьяно же утверждал обратное, мол, все закончилось, чем закончилось, только благодаря тому, что я поступала именно так и никак иначе.

Спор почти перешел в философскую дискуссию и добрался до области сплошных парадоксов, и тут мне пришлось сдаться. В конце концов мы оба решили пока оставить прошлое в покое. В самом прямом смысле слова.

Но выполнить это оказалось нелегко. Я постоянно зависала в Википедии и на страничках, посвященных истории, в поисках разных исторических личностей. Людовик XIII, Анна Австрийская, Ришелье снова появились в Интернете, нам удалось устранить намечавшееся отклонение в ходе времени. Кроме того, я натолкнулась на некоторые примечательные детали и не поверила своим глазам.

К примеру, Бутевиль – через год после вышеупомянутых событий его казнили за участие в многочисленных дуэлях.

А в одном сочинении об истории французского театра я нашла имя Сесиль! *В первом браке замужем за жонглером, во втором – за торговцем духами, в 1625 году за мошенничество осуждена на полгода тюрьмы. За это время ее второй муж умер. После освобождения она с возрастающим успехом продолжила театральную карьеру. Ее третий муж, по профессии портной, в качестве художника по костюмам установил новые стандарты в театральном искусстве. Их совместные усилия на протяжении всей жизни привели к созданию собственной труппы, на основе которой затем образовался знаменитый в наши дни театр «Комеди Франсез».*

Я в большом возбуждении рылась в поисках других источников, но информации было негусто, я не нашла ничего нового. Хотя и этой малости мне хватило. Для этих двоих все кончилось хорошо. Мечта Филиппа осуществилась. Они соединились навсегда. *Совместные усилия на протяжении всей жизни.* Я уронила несколько слезинок, а потом стала искать Мари. Нашлась Мари Эме де Роган-Монбазон, герцогиня де

Шеврез. Трудно было сказать, моя ли это Мари, но в глаза бросалось много совпадений. Начиная с портрета. Молодая женщина на полотне выглядела в точности как настоящая Мари. Она ненавидела Ришелье (совпадает) и была лучшей подругой королевы (совпадает). А еще она помогала королеве тайно встречаться с Джорджем (совпадает). Некоторые другие сохранившиеся сведения никак не подходили к той Мари, которую я знала, но, как мне уже было известно, прошлое постоянно подвергалось изменениям, прежде всего в мелочах. Так, я не сомневалась, что Мари осуществила свою мечту издавать журнал мод. Возможно, когда-нибудь я еще найду об этом какую-нибудь информацию.

Во всяком случае, у оставшейся в истории Мари была долгая и богатая событиями жизнь, несколько любовников и волнующие приключения. Она замышляла все новые хитроумные интриги против Ришелье, но никогда не понесла за это никакого серьезного наказания, лишь несколько раз ее временно и скорее чисто формально удаляли от королевского двора. Ришелье не мог ничем повредить Мари, ведь о ней заботилась королева, как и она о королеве. Равновесие сил, державшееся на протяжении нескольких десятилетий, до рождения Короля-Солнца. Может, в этом и состояла основная задача ее жизни, для этого ее переселили в прошлое? Я сильно подозревала, что так оно и было, хотя, разумеется, ничего не знала об этом наверняка, как и о том, какую роль в ее жизни сыграл Анри.

Ничего удивительного, что о нем я не нашла ни слова. Он приходил и уходил, странник вне времени, эфемерный, как дым на ветру.

Потянувшись с другой стороны кровати, Себастьяно отнял у меня iPhone.

– Хватит торчать в Интернете, – сказал он. – Давай куда-нибудь сходим.

– И куда, например?

– Можно пойти в ресторан. Здесь внизу есть двухзвездочный. Меню из шести блюд стоит всего на пятнадцать евро дороже массажа ног.

– Ах, что-то мне не до шести блюд, – апатично отозвалась я.

– Тогда предложи что-нибудь другое.

– Мы могли бы отправиться ко мне, – спонтанно решила я. – Ты давно уже не приезжал во Франкфурт. Родителей нет, квартира свободна. В морозильной камере еще есть пицца. А массаж ног на десерт бесплатно.

Себастьяно сел.

– Летим или едем поездом?

Самолетом получалось быстрее, к тому же на этот раз все оплачивала фирма. Не прошло и двух часов, как мы уже были в аэропорту, где жизнь

приготовила мне самый большой сюрприз. У входа в мужской туалет в зоне посадки драил пол какой-то человек в неопрятном рабочем комбинезоне.

– Смотри-ка, – не веря своим глазам сказала я Себастьяно. – Это, часом, не Гастон?

Себастьяно прищурился.

– Нет. Или все-таки он?

Тип почесал под мышкой, затем, протирая пол вокруг урны, повернулся к нам лицом. Гастон.

Вскочив, я бросилась к нему.

– Гастон!

Он вытаращился на меня и, узнав, явно испугался.

– Анна, – сказал он сдержанно. – Когда ты вернулась?

– Два дня назад. Себастьяно сидит там, напротив. Мы ждем наш рейс. А ты? – Я украдкой разглядывала его. Стоять здесь вот так и нормально с ним разговаривать казалось чем-то совершенно нереальным. Вообще-то я должна была бы наорать на него, дико разозлиться. Но в данный момент это как-то не очень подходило к ситуации. – Тебя не было дольше, да?

– Три года, – рассказал он. – На полном содержании. Хотя – скорее, без всякого содержания. Только хлеб и вода, как-никак Бастилия. Под конец я стал таким тощим, кожа да кости. И полчища блох. Трех зубов как не бывало. Но ты же знаешь, как все происходит. Когда переходишь через главный портал при смене фаз луны, все возвращается в исходную точку. Я опять стал толстым, как раньше. Часы у меня, конечно, тотчас же отняли. Зато зубы опять оказались на месте. И от блох я избавился. Хотя по-прежнему чешусь во всех местах. Подруга из-за этого меня бросила. Она думает, у меня обсессивно-компульсивное расстройство. Но мой психотерапевт говорит, что мы с этим справимся, – почесав за ухом, он снова принялся драить пол. – Сорри, но я вернулся условно-досрочно и без разрешения не могу прерывать работу.

Оставив меня стоять где стояла, он повернулся спиной.

Поколебавшись, я вернулась к Себастьяно. Услышав рассказ Гастона, он покачал головой.

– Этот малый умом тронулся. Он должен был как минимум извиниться. Дважды пытаться тебя убить! Про то, что меня по голове шибанул, я даже не говорю.

– Думаю, он достаточно наказан.

– Наказание и покаяние – это разные вещи, и одно без другого не многого стоит.

Я не знала, что на это возразить, и очень обрадовалась, когда объявили

посадку и можно было проходить в самолет. Я прошла, не оглядываясь.

Незадолго до взлета Себастьяно вынул из кармана куртки кожаный мешочек, похожий на тот, в котором я хранила маску (при первой же возможности нужно будет отдать ее Эсперанце). Я была рада, что на балу она не пригодилась, хотя, по мнению Себастьяно, еще как пригодилась, потому что послужила приманкой для Гастона.

– Это тебе, – сказал Себастьяно, протягивая мешочек.

– Что это? – Я взвесила его на ладони.

– Всего лишь маленький сувенир. Давно хотел отдать.

Я потянула шнурок и вытряхнула искрящееся содержимое на ладонь. Это было кольцо.

Потеряв дар речи, я подняла взгляд на Себастьяно и посмотрела ему прямо в глаза. Одно кольцо он передал королеве, – а точнее, бросил прямо ей под ноги, – а другое... Никогда не забуду, как он отобрал его у меня на Плас Рояль и пошел с ним к дому кардинала.

– Так ты не отдал ему кольцо, – тихо сказала я.

Он покачал головой.

– Нет, не отдал. Я тогда и сам не понимал почему. Знал, что изменяю кардиналу, и мне это было не по душе. Но по-другому я не мог. Теперь-то, разумеется, я понимаю, почему так поступил.

– И почему же?

– Потому что потому, – он обнял меня здоровой рукой и нежно поцеловал. Я с жаром ответила на его поцелуй, и прервались мы, только когда стюардесса попросила всех пристегнуть ремни и выключить на время полета мобильные телефоны. Достав iPhone из сумки, я обнаружила новое сообщение и быстро открыла его.

– От Ванессы? – спросил Себастьяно.

С момента моего возвращения Ванесса успела прислать около двадцати эсэмэсок. У нее уже стали возникать всевозможные подозрения. Совершенно справедливо, ведь обычно я сразу же отвечаю, и голосовая почта у меня почти всегда выключена. Мы были доступны друг для друга двадцать четыре часа в сутки, и, понятное дело, сказочке про нежелательность вмешательства в парижские каникулы любви она не слишком поверила. Когда-нибудь – разумеется, под большим секретом – я все-таки посвящу ее во все, особенно если и дальше путешествовать во времени придется в том же темпе.

Может, мне стоит сделать эту работу своей профессией? Тогда вопрос о том, на кого идти учиться, пока что сам собой отпадает. Конечно, в этом случае нужно надлежащим образом уладить все формальности с трудовым

договором, медицинской страховкой и так далее. И, естественно, с бюджетом на дополнительные расходы.

– Нет, на этот раз не от Ванессы, – сказала я. – От Хосе. Он пишет, что у него для нас еще одно задание.

– Да неужели? Он, видно, думает, что мы команда А?

Я хихикнула.

– А разве нет?

Себастьяно рассмеялся, а потом опять склонился надо мной, чтобы поцеловать. Под нами взревели двигатели. Полет начался.

notes

Примечания

1

Международная организация, которая занимается защитой прав человека (*прим. ред.*).

Часть главной площади Венеции, находится около Дворца дожей
(прим. ред.).

Колокольня (*прим. ред.*).

Один из шести исторических районов Венеции (*прим. ред.*).

Маршрутный теплоход, главный вид транспорта в Венеции (*прим. ред.*).

Фахверк – тип строительной конструкции, при которой несущие столбы и балки видны с наружной части дома (*прим. ред.*).

Германский титул монарха (*прим. ред.*).

Гасконь – историческая область на юго-западе Франции (*прим. ред.*).

Безумная любовь (*прим. ред.*).

Так называли Елизавету Баварскую, императрицу Австрии, знаменитую в числе прочего своей красотой (*прим. ред.*).

Популярный во Франции алкогольный напиток, делается из аниса с добавлением других растений и пряностей (*прим. ред.*).

Что ты здесь ищешь, крошка? (*фр.*) (*прим. ред.*).

Ты очень хорошенькая (*фр.*) (*прим. ред.*).

Прошу прощения (фр.) (прим. ред.).